4328 m 1

Ц Д 2
Р 737

Русская церковь

и другія статьи

В. РОЗАНОВЪ

Paris 1906
Изданіе
Д. Жуковскаго

Ц22
Р737

Русская церковь

и другія статьи.

В. РОЗАНОВЪ.

Paris 1906.
Изданіе Д. Жуковскаго.

ЦД2
Р 737

Библиотека ИМЭЛ

1790 Ц-2554 у

2012
У 83

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	V
Русская церковь	1
О священствѣ. О древнихъ и новыхъ жертвахъ. Докладъ	32
Объ отлученіи отъ церкви гр. Л. Толстого. Докладъ	41
По поводу доклада о. іеромонаха Михаила о бракѣ на „Религіозно-философскихъ собраніяхъ" въ С.-Петербургѣ". Докладъ	44
О нѣкоторыхъ подробностяхъ церковнаго воззрѣнія на бракъ. Докладъ на „Религіозно-философскихъ собраніяхъ въ С.-Петербургѣ"	60
Объ а-догматизмѣ христіанства	84
Христосъ какъ Судія міра	97
Выносъ кумировъ	106

Предисловіе.

Д. Е. Жуковскій, издатель „Вопросовъ жизни“ (въ Петербургѣ) и переводчикъ Куно Фишера и другихъ трудовъ по классической германской философіи, — любезно предлагалъ мнѣ издать за границей сборникъ такихъ статей моихъ, которыя не прошли вовсе или прошли со значительными сокращеніями въ русской печати по причинамъ, у насъ условно называемымъ „независящими“. Таковы были всѣ доклады по церковнымъ вопросамъ, прочитанные мною въ Петербургскихъ „Религіозно-философскихъ собраніяхъ“ въ 1902 и 1903 гг. и напечатанные съ чрезвычайными сокращеніями въ „Новомъ Пути“ (С.-Петербургъ) за 1903 и 1904 гг. Въ настоящемъ изданіи они помѣщены полностью. Статьи же „Русская церковь“, „О священствѣ. О древнихъ и новыхъ жертвахъ“ и „Христосъ, какъ Судія міра“ (въ предлагаемомъ первоначальномъ очеркѣ) вовсе нигдѣ не были напечатаны. Изъ нихъ первая написана, по предложенію С. І. Мельника, для задуманнаго въ Германіи сборника русскихъ авторовъ о Россіи (на нѣмецкомъ языкѣ). Наконецъ, сюда я приложилъ касающуюся Франціи, а не Россіи статью: „Выносъ кумировъ“, которая подъ другимъ заглавіемъ, „Политика Комба“, была напечатана съ чрезвычайными сокращеніями цензуры въ „Новомъ Пути“ за 1903 г.

С.-Петербургъ, 4 марта 1905 г.

В. Розановъ.

42554

Русская церковь.

Русскіе были крещены въ 988 г. при Кіевскомъ князѣ Св. Владимірѣ отъ греческаго духовенства. Хотя они приняли христіанство еще до формальнаго и окончательнаго раздѣленія церквей на Восточную и Западную; однако, такъ какъ связи у нихъ были только съ одною Византіею, то по скоромъ отдѣленіи Византіи, отъ Западной церкви, и русскіе были уведены изъ древняго общаго христіанскаго русла въ спеціальный потокъ византійскаго церковнаго движенія. Или, исторически точнѣе: русскіе вслѣдъ за Византіею вошли какъ бы въ тихій, недоступный волненіямъ и вмѣстѣ недоступный оживленію затонъ,[1] тогда какъ западно-европейскіе народы, увлеченные за кораблемъ Рима, вступили въ океанъ необозримаго движенія, опасностей, поэзіи, творчества и связаннаго со всѣмъ этимъ чернымъ трудомъ неблагообразія. Разница между тишиною и движеніемъ, между созерцательностью и работою, между страдальческимъ терпѣніемъ и активною борьбою со зломъ — вотъ что психологически и метафизически отдѣляетъ Православіе отъ Католичества и Протестантства; и, какъ религія есть душа націи, — отдѣляетъ и противополагаетъ Россію западнымъ народностямъ.

Слишкомъ понятно, что крестившіе насъ греки показались намъ столь-же необыкновенными по мудрости, учености, по древнимъ связямъ, почти по самому происхожденію, какъ туземцамъ Гванагани и Кубы показались спутники Колумба. Младенческій умъ русскихъ не отдѣлялъ или съ трудомъ отдѣлялъ существо вѣры отъ принесшихъ вѣру людей.

[1] Такъ въ Россіи называются глубокія и безопасныя заливныя мѣста въ большихъ рѣкахъ, куда на зиму становятся пароходы и другія суда, чтобы ихъ не разломало осеннимъ и весеннимъ льдомъ при вскрытіи рѣкъ.

Византійцы сразу же этимъ воспользовались, стараясь превратить младенческое поклоненіе въ обязательное и суровое повиновеніе грубаго и невѣжественнаго народа авторитету ихъ политической, церковной и всяческой мудрости. Долгое время русскіе, имѣя уже свое духовенство, свои школы, не смѣли поставить митрополита изъ русскихъ: ясный знакъ фетишизма, перенесеннаго съ религіи на племя, со строя церковнаго на строителей церковныхъ. Византійцы частный поводъ своей ссоры съ попами, именно — упреки Константинопольскаго патріарха Фотія попамъ за нѣкоторыя формальныя отступленія отъ „устава церковнаго“ (другой способъ печенія просфоръ, и т. п.), возвели въ принципъ, окружили нервностью, придали ему принципіальное значеніе и постарались всю эту мелочность поводовъ раздѣленія привить вновь крещенному народу, новому своему другу, помощнику и возможному въ будущемъ защитнику своей исторической дряхлости. Разлагаясь, умирая, Византія нашептала Россіи всѣ свои предсмертныя ярости и стоны; и завѣщала крѣпко ихъ хранить Россіи. Россія, у постели умирающаго, очаровалась этими предсмертными его вздохами, приняла ихъ нѣжно къ дѣтскому своему сердцу и дала клятвы умирающему — смертельной ненависти и къ племенамъ западнымъ, болѣе счастливымъ по исторической своей судьбѣ, и къ самому принципу ихъ особаго существованія — корню жизни, акціи, дѣятельности. Наступилъ для всей Россіи отъ 988 г. до 1700 года, (реформы Петра Великаго) періодъ „Византійскаго строя“, „Византійскаго вліянія“, „Византійской уставности“.

Дитя — Россія приняла видъ сморщеннаго старичка. Такъ какъ нарушенія „Устава“ попами было причиною отдѣленія Восточной церкви отъ Западной, или раздѣленія всего христіанства на двѣ половины, то Византія нашептала Россіи, что „уставъ“, „уставность“ — это-то и есть главное въ религіи, сущность вѣры, способъ спасенія души, путь на Небо. Дитя — Россія испуганно приняла эту непонятную, но святую для нея мысль; и совершила всѣ усилія, гигантскія, героическія, до мученичества и самораспятія, чтобы отроческое существо свое вдавить въ формы старообразной муміи, завѣщавшей ей свои вздохи. Какъ „уподобиться“ Византіи, — въ этомъ состояло существо историческихъ заботъ Россіи въ теченіе болѣе чѣмъ полутысячелѣтія. И, въ концѣ концовъ, вѣдь форма вліяетъ на духъ: Россія чѣмъ далѣе, тѣмъ глубже „умерщвлялась“ и духовно. „Умерщвляться“ — это стало не только понятіемъ, идеаломъ древней Руси; но это гибельное явленіе такъ и называлось этимъ словомъ, не внушавшихъ никакихъ о себѣ сомнѣній, никакого передъ собою страха. Для русскихъ „близиться къ смерти“ и „близиться къ святости“ до того слилось въ единый путь, отождествилось, что даже теперь и даже образованные классы не вполнѣ свободны отъ этого понятія. Оно есть нравственная и метафизическая аксіома въ нашихъ монастыряхъ; до сихъ поръ имъ проникнуть и теперь весь нашъ народъ въ многомилліонной своей массѣ. Самые образованные люди, какъ Тургеневъ, какъ Герценъ, атеисты, нигилисты — въ серьезныя минуты жизни вдругъ видятъ въ себѣ возрожденною эту древнѣйшую, первоначальную вѣру своего народа: что умереть святѣе, нежели жить, что смерть угоднѣе Богу (для вѣрующихъ), Высшему Существу (для философовъ). Чему-то (для атеистовъ), нежели жизнь. Эта грустная и ужасная (по мнѣнію пишущаго эти строки) мысль сообщила главный нравственный колоритъ всей восточной, русской Европѣ: чего-то меланхолическаго и погибшаго въ смыслѣ прогресса, чего-то страдающаго и страшно дорогого, чему никто не сумѣетъ помочь. И тѣмъ дороже это существо (Россія), и тѣмъ страшнѣе за нее. Матери въ деревняхъ, когда умираютъ ихъ дѣти на первомъ или второмъ году ихъ жизни, съ радостью говорятъ: „слава Богу, онъ еще не нагрѣшилъ“. Вы испуганы, стараетесь возразить, разсѣять „предразсудокъ“, какъ вамъ кажется, но слышите отвѣтъ красивой, здоровой, разумной женщины: „жить это только грѣшить, такъ и въ церковныхъ молитвахъ поется: не можетъ человѣкъ единой минуты прожить безъ грѣха. О чемъ-же

плакать? Мой младенецъ у Бога; и намъ съ вами (т. е. взрослымъ людямъ) не будетъ такъ хорошо тамъ" (т. е. на небѣ). Русскіе люди какъ въ молодомъ возрастѣ, такъ и въ лѣтахъ возмужалости, когда силы жизни берутъ верхъ надъ смертными началами въ человѣкѣ, когда практическія нужды, служба, работа приковываютъ умъ къ реальной жизни — мало посѣщаютъ церковь, подсмѣиваются надъ церковью, надъ религіею, даже иногда отрицаютъ Бога. Но это — возрастъ, годы. Самое существо „вѣры русской" (такъ называютъ иногда Православіе; но „вѣра русская" очевидно шире этого церковнаго термина) — не молодо, не юно и даже не возмужало; и въ эти годы просто человѣкъ не находитъ себѣ соотвѣтственнаго въ храмахъ нашихъ, въ службахъ, въ напѣвахъ церковныхъ, въ смыслѣ словъ, тамъ слышимыхъ, въ церковной живописи. Все жизненное, живучее, крѣпкое землѣ, преданное труду, надѣющееся на людей и ихъ свойства человѣческія — не только стерто здѣсь, но вырвано съ корнями; и выброшена за порогъ церковный самая земля, на которой могли бы укрѣпить свои корни эти земныя произрастанія. Вся церковь, символически сказать, наполнена какъ-бы цвѣтами уже не земными, предполагаемо — небесными; какъ-бы сперва умершими и потомъ воскресшими для какого-то страннаго, не осязаемаго, призрачнаго существованія „тамъ" (на небѣ, за гробомъ). Вся религія русская — по ту сторону гроба. Можно сказать, Россія находитъ слишкомъ реальнымъ и грубымъ самую земную жизнь Спасителя; она слушаетъ полу-открытымъ ухомъ его поученія, притчи, завѣты. Все это она помнитъ, но умомъ на этомъ не останавливается. Но вотъ Спаситель близится ко кресту: Россія страшно настораживается, ухо все открыто, сердце бьется. Христосъ умеръ — Россія въ смятеніи. Для нея это — не исторія, а какъ-бы наличный сейчасъ фактъ. Она прошла со Христомъ всю невыразимую муку Голгоѳы. Но и это еще не все, не главная „сущность русской вѣры". Въ Евангеліяхъ мы читаемъ, какъ за земною жизнью Спасителя, уже въ краткихъ главахъ — повѣствуется о нѣсколькихъ

дняхъ его бытія послѣ смерти и погребенія. Онъ то является ученикамъ, то скрывается. Рѣчи болѣе кратки и болѣе таинственны. И эти рѣчи, и самыя явленія — все знаменуетъ собою что-то непрямое, какую-то загробную тайну. Вотъ „русская вѣра" чрезвычайно напоминаетъ эти заключительныя главы Евангелія, блѣдныя, не реальныя, потустороннія. И русскій человѣкъ не только глубоко постигъ тайную красоту смерти, и ползетъ къ этой странной и загадочной красотѣ, но онъ и въ самомъ дѣлѣ умѣетъ съ величіемъ умирать, онъ самъ становится прекраснѣе въ болѣзняхъ, въ страданіяхъ, въ испытаніяхъ. И особенно — прямо передъ гробомъ. Напримѣръ, у русскихъ существуетъ чрезвычайный страхъ умереть внезапно, скоропостижно, „безъ чистаго покаянія", и, наконецъ, хотя отчасти не искупивъ грѣховъ своихъ тяжелыми муками предсмертнаго болѣнія. Точно вся жизнь кажется русскимъ черною, а съ приближеніемъ къ смерти все принимаетъ бѣлые цвѣта, принимаетъ сіяніе. Жизнь — это ночь; смерть — это разсвѣтъ; и наконецъ, вѣчный день — „тамъ" (на небѣ, съ Отцомъ Небеснымъ). Итакъ, въ юности и мужествѣ русскіе не посѣщаютъ храмовъ, учащіеся — часто кощунствуютъ въ нихъ. Но вотъ эти самые кощунствовавшіе люди переходятъ за 50-лѣтній возрастъ. Приходятъ болѣзни, давно наступили семейныя тягости. Богатство или потеряно (частый случай у непрактичныхъ русскихъ, у расточительныхъ русскихъ), или не пріобрѣтено — какъ разсчитывалось въ молодости. Дѣти уже поднялись и, заботясь о себѣ, мало думаютъ о родителяхъ. Семейная жизнь некрѣпка и некрасива у русскихъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ. Итакъ — богатства нѣтъ, слава — не нужна, дѣти — похолодѣли. Въ этомъ возрастѣ человѣкъ, чувствуетъ себя одинокимъ, не нужнымъ, лишнимъ. Вдругъ, зайдя случайно въ храмъ, онъ находитъ все роднымъ себѣ, въ высшей степени понятнымъ, страшно нужнымъ. Храмъ точно и ожидалъ этихъ его 50-ти лѣтъ, и еще лучше — 60; ожидалъ его болѣзней, сгорбленности, бѣдности, покинутости родными и друзьями; храмъ принимаетъ его, какъ друга, какъ

родного, принимаетъ съ безконечною нѣжностью, заботою, всепрощеніемъ за прошлую неправильную жизнь. Тысяча интимныхъ, глубочайшихъ, метафизическихъ нитей оказываются общими у этого старца, всѣми покинутаго, и у этого храма, который такъ чтитъ родина и который вообще имѣетъ широкое признаніе и огромную историческую роль. Слабый старикъ, больной, „лишній“ вдругъ нашелъ здѣсь себѣ отечество, почти службу, почти рангъ, положеніе и даже награды. Всякій человѣкъ хочетъ себѣ опредѣленнаго положенія, теряется безъ положенія: здѣсь, въ православномъ русскомъ храмѣ, такія съ всемірной точки зрѣнія слабости, какъ дряхлость, немощь и убожество, какъ нищета и соціальное ничтожество, оцѣниваются, какъ положительная добродѣтель, какъ заслуга передъ Богомъ, какъ небесное на человѣкѣ сіяніе. Человѣкъ, вотъ уже къ 60 годамъ подходящій, радостно вступаетъ на эту послѣднюю, незыблемую, исторически признанную (въ Россіи) лѣстницу — и спѣшитъ по ней. Онъ забываетъ друзей, родныхъ для храма. Театръ, зрѣлище, все веселое, — отвратительно для него, „царство сатаны и дьявола“, „духовный антихристъ“. Онъ нашелъ Христа, — по ту сторону Его, Христова, воскресенія. Его манитъ блѣдный ликъ Господа, съ не опавшими смертными покровами, которыми Его увили Іосифъ Аримаѳейскій и Магдалина. Самъ онъ, этотъ немощный старичекъ, немощная старушка, заготовляютъ и для себя все смертное: въ особый узелокъ они укладываютъ чистое, особо сшитое, широкое бѣлье, въ которомъ завѣщаютъ положить себя въ гробъ, и деревянный кипарисный (никогда дорогой и металлическій) крестикъ, который, полагая въ гробъ, ему надѣнутъ на шею. Этотъ узелокъ со „смертнымъ“ русскіе, отправляясь въ дорогу по дѣламъ, не забываютъ взять съ собою: на случай смерти въ дорогѣ — чтобы не произошло ошибки и не положили мертваго въ чужомъ бѣльѣ, а не въ этомъ, своими руками заготовленномъ. И это находитъ себѣ отзвукъ въ церкви. Вотъ человѣкъ умеръ. Женщины (непремѣнно женщины) омываютъ его (ибо женщиною рожденъ человѣкъ и ею же долженъ быть

омытъ и положенъ въ гробъ); надѣвается на него все смертное, изъ котораго исключено все богатое, всякое золото или шелкъ. Къ гробу зовутъ монашку, которая все время до погребенія, и особенно непрерывно всю ночь, читаетъ надъ нимъ псалмы Давида, любимѣйшую народную русскую книгу. Храмъ высылаетъ золотой парчевой покровъ на усопшаго: ту особенную, только одними священниками во время службы надѣваемую матерію, которая у насъ, на Востокѣ, такъ-же символична и священна, какъ красный или голубой виссонъ въ покровахъ на жертвенникѣ и въ одѣяніяхъ священниковъ при Ветхозавѣтномъ храмѣ. Этою священною тканью, въ сущности ризою, одѣвается въ гробу усопшій. Никто не говоритъ, нигдѣ не напечатано, что онъ — священникъ теперь. Но мысль наблюдателя открываетъ дальше, чѣмъ сколько смѣетъ сказать уставъ. Вокругъ усопшаго ставятъ зажженныя высокія восковыя свѣчи, вставленныя въ серебристые, высланные изъ храма подсвѣчники (особой формы: домашнихъ, своихъ подсвѣчниковъ, нельзя употребить). Три свѣчи зажигаются; и при чтеніи псалмовъ, среди этихъ зажженныхъ свѣчъ, особенно почью, такъ и кажется, что вотъ воздвигся около усопшаго свой новый временный храмъ; городской общественный храмъ, подобно греческой метрополіи — выслалъ сюда въ частный домъ свою колонію. Кто-же главный въ немъ, кто дѣйствователь? гдѣ божество, или ангелъ, или безплотный духъ сего временнаго зажегшагося храма? — Гробъ; покойникъ... Они живы, они суть, они — дѣйствователи въ этой таинственной религіи шествованія къ смерти; они умерли — слѣдовательно, они какъ-бы „боги“ и во всякомъ случаѣ выше, священнѣе людей. Грекъ, язычникъ, всякій сторонній, словомъ, привыкшій къ многобожію человѣкъ, вовсе не знающій ничего о христіанствѣ и единобожіи, непремѣнно передалъ бы такъ свое впечатлѣніе: „у этого народа боговъ столько, сколько покойниковъ и сколько вообще есть умершихъ въ ихъ странѣ; покойники носятъ одежду, какъ священники и еще какъ иконы (тѣ-же характерныя металлическія ризы) и передъ

ними, какъ только передъ иконами, кадятъ ладаномъ, читаютъ псалмы и поютъ молитвы." И это общее пластическое наблюденіе, сказавъ много неожиданнаго самимъ русскимъ (вѣдь не всякій и себя знаетъ), раскрыло бы самое зерно ихъ религіозности и религіи.

При этомъ общемъ настроеніи, меланхолическомъ и гнѣвномъ къ землѣ, замерло, какъ бы заморожено было на семь вѣковъ пѣсенное и играющее творчество народа-дитяти. Нѣтъ танцевъ около гроба, нѣтъ пѣсенъ — надъ могилою. Бытъ народный, всѣ цвѣточки, всѣ листочки на немъ — обрывались съ отвращеніемъ сперва греческими монахами, крестившими и начавшими учить Русь, затѣмъ, выучившимися у нихъ русскими монахами, и, наконецъ, священниками, которые хотя и не монахи по формѣ, но не могутъ получить сана своего иначе, какъ пройдя монашескую по духу и строю школу и принявъ монашеское настроеніе, дисциплину, міросозерцаніе и этику. Вообще, хотя низшее духовенство, т. е. обыкновенные священники, женаты въ Россіи, и Востокъ гордится даже передъ Западомъ, что не имѣетъ у себя „целибата" и не отрицаетъ, въ лицѣ духовенства, заповѣди размноженія, однако, русское духовенство, и именно это самое женатое, неизмѣримо аскетичнѣе католическаго; и въ поэтичномъ смыслѣ, а не въ смыслѣ голой физіологіи размноженія, оно гораздо менѣе женато, нежели католическое. Страшный духъ оскопленія, отрицанія всякой плоти, вражды ко всему сырому веществу земли, къ блистающимъ одеждамъ міра, сдавилъ съ такою силою русскій духъ, какъ объ этомъ на Западѣ не имѣютъ никакого понятія. Въ католическихъ самобичеваніяхъ есть все-таки нервы. Тайну русскаго аскетизма составляетъ именно безнервность: плачъ, горе, напримѣръ, по усопшимъ, по роднымъ, по смерти друга — вотъ непростительная слабость для аскета, какъ и бурный гнѣвъ на чужой грѣхъ, на зло — есть прямо грѣхъ, проступокъ и „паденіе" святого. Да русскіе святые никогда никого и не упрекали; такъ — легкая слеза, легкій упрекъ въ сторону, почти безмолвно, почти только въ душѣ. Напримѣръ,

святой Ѳеодосій (вскорѣ послѣ крещенія Руси) пришелъ на одинъ пиръ великокняжескій, и, сѣвъ въ сторонѣ — заплакалъ. Когда его спросили, о чемъ онъ плачетъ, онъ отвѣтилъ: „братія, я размышляю, будетъ ли такъ же весело на томъ свѣтѣ (послѣ смерти), какъ вы проводите весело время на этомъ свѣтѣ". Князь и гости смутились и прекратили веселье. Кто здѣсь былъ покорнѣе? Святой — князю? Князь — святому? Оба лобызали другъ другу руку въ таинственной взаимной покорности, и святой такъ-же боялся (нравственно и деликатно, отнюдь не рабски) своего упрека, какъ князь своего веселья около изможеннаго молитвою и постомъ святого. Вотъ это и даетъ образчикъ характернаго русскаго обращенія къ другимъ, вліянія, дѣйствія, пропаганды: ея западныя формы, протестантскія и особенно католическія, у насъ немыслимы, невообразимы. Весь русскій народъ закричалъ бы „не надо", при видѣ перваго же насилія, первой грубости инокрещеному, иновѣрному. Притѣсненія бывали и у насъ за вѣру, но никогда — народныя, никогда — изъ толпы. Всегда это были „мѣропріятія" чиновниковъ, въ цѣляхъ національнаго объединенія, обезличенія другихъ народностей; или, въ рѣдчайшихъ случаяхъ, это было дѣйствіями высшей церковной іерархіи, раздраженной и оскорбленной жестокою критикою и часто дѣйствительно невыносимыми хулами религіозныхъ „отщепенцевъ" оффиціальной церкви. Старовѣры русскіе и вообще всѣ русскія секты не только упрекаютъ въ ошибкахъ и измѣнахъ правительственную русскую вѣру, но иначе и не называютъ ее, постоянно и громко, какъ „царствомъ Антихриста". И притомъ съ убѣжденіемъ и пыломъ, какого на Западѣ не сумѣютъ представить себѣ. Вообще изъ исторіи сектантства нужно отмѣтить эту трогательную и нигдѣ еще не встрѣчающуюся черту, что 1. кричатъ — раскольники, шепчутъ православные; 2. безстрашны — гонимые, всего боятся, робки въ словѣ и дѣйствіяхъ — гонители; 3. всего надѣются, ко всему рвутся сектанты, несенмистично настроены и боятся шевельнуться, сдѣлать шагъ впередъ или въ сторону — представители

оффиціальной церкви. Это сообщаетъ самой оффиціальной церкви до того кроткій и смиренный видъ, что, при всемъ пониманіи въ ней недостатковъ — ее больно критиковать, хочется все ей извинить, со всѣмъ примириться и умереть всетаки православнымъ, даже при отрицаніи почти всего въ православіи. Это — одна изъ тайнъ „русской вѣры“, которая вообще и вся состоитъ изъ странныхъ психологическихъ и метафизическихъ тайнъ, ни мало не вошедшихъ въ оффиціальныя догматики, которыя всѣ скомпилированы съ протестантскихъ или католическихъ ученыхъ трудовъ, и ни мало не выражаютъ русскаго церковнаго духа и народнаго религіознаго настроенія и міросозерцанія.

Русскіе церковные напѣвы и русская храмовая живопись — все это безплотно, безъ-женно, „духовно“ въ строгомъ соотвѣтствіи съ общимъ строемъ церкви. Богоматерь, питающая грудью Младенца-Христа — невозможное зрѣлище въ русскомъ православномъ храмѣ. Здѣсь русскіе пошли противъ историческидостовѣрнаго слова Божія: напримѣръ, хотя Дѣва-Марія родила Іисуса еще юною, никакъ не старше 17 лѣтъ, однако, съ Младенцемъ-Іисусомъ на колѣняхъ она никогда у насъ не изображается въ этомъ возрастѣ. Богоматерь всегда изображается въ нашихъ церквахъ, какъ старая или уже старѣющая женщина, лѣтъ около 40, и держа на колѣняхъ всегда вполнѣ закрытаго (сравни съ католическими обнаженными фигурами) Іисуса, она имѣетъ видъ не матери, а няни, пестующей какого-то несчастнаго и чужого ребенка: лицо ея всегда почти скорбное и нерѣдко со слезою, вытекшею изъ глаза. Вообще Голгоѳа перенесена въ самый Вифлеемъ и вытравила въ немъ все радостное, легкое, все обѣщающее и надѣющееся. Никогда не видно въ православной живописи (самобытной и оригинальной, распространенной повсемѣстно) и животныхъ около Вертепа Господня: коровъ, пастуховъ, маленькихъ осликовъ. Вообще животное начало съ страшною силою отторгнуто, отброшено отъ себя Православіемъ. Въ сущности, оно все — монофизитно, хотя именно на Востокѣ монофизитство какъ догматъ,

было отвергнуто и осуждено. Но какъ догматъ — оно осудилось, а какъ фактъ — оно обняло, распространилось и необыкновенно укрѣпилось въ Православіи, и стало не одною изъ истинъ Православія, а краеугольнымъ камнемъ всего Православія. Все оно выросло изъ одной тенденціи: истребить изъ религіи всѣ человѣческія черты, все обыкновенное, житейское, земное, и оставить въ ней одно только небесное, божественное, сверхестественное. Такъ какъ въ сущности метафизичнѣе смерти ничего нѣтъ, и ничего нѣтъ болѣе противоположнаго земному, чѣмъ умирающее и умершее, то въ этой крайности направленія Православіе и не могло не впасть въ какой-то апоѳеозъ смерти, невольный и безсознательный для себя, и, однако — мучительный. Отсюда такія искажающія истину тенденціи, какъ представленіе Богоматери почти старухою; таково утвержденіе, что Богоматерь и „до рожденія“, и „во время самаго рожденія“ и „послѣ рожденія Спасителя“ пребыла Дѣвственною; что она родила Младенца „безъ истлѣнія“, главнаго и единственнаго признака дѣвственнаго состоянія, хотя въ Евангеліи прямо сказано, что она принесла въ храмъ двухъ горлинокъ, что̀ дѣлалось евреянками по окончаніи женскаго послѣ-родового очищенія, и, будучи жертвою за нечистоту этого очищенія, не могло быть принесено безъ этого очищенія. Да и физическій актъ родовъ младенца, все равно если рождающійся былъ и Богъ, однако же имѣвшій физическое тѣло именно младенца, не могъ совершиться безъ нарушенія и разрушенія физическаго признака дѣвства — дѣвственной плевы. Въ Евангеліи, при указаніи принесенія въ жертву двухъ горлинокъ, такъ и изложено это событіе, какъ совершившееся въ обыкновенныхъ человѣческихъ чертахъ. Но православные неодолимо гнушаются внесеніемъ „обыкновеннаго“ въ религію: и вопреки тексту Евангелія бурно утвердили такъ называемое „приснодѣвство“ Маріи, т. е. они въ сущности какъ бы закрыли ладонью евангельское событіе и сочинили на мѣсто его другое, свое собственное, чисто вербальное, словесное. Въ грамматикѣ человѣческаго языка, конечно, никакого нѣтъ препят-

ствія выговорить: „пребыла дѣвою въ родахъ“. Но отъ слова до дѣла — пропасть. Православные, и конечно опять только на словахъ, перепрыгнули черезъ эту пропасть, сочинили свою вербальную концепцію Виѳлеема, выжавъ всякую кровинку изъ него, все содѣлавъ сплетеннымъ изъ воздуха, фантазіи и небылицы: и поклонились своему безплотному разсказу вмѣсто того, чтобы признать полное реальности воплощеніе Бога-Слова. Но вотъ, насколько воздушно и словесно выражено въ представленіяхъ судебъ Богоматери Рождество Христово, настолько ярко выражены, хотя бы въ праздникахъ и въ построеніи Храмовъ — Успеніе Пресвятой Богородицы и „Покровъ“ Пресвятой Богородицы. Въ Россіи есть множество храмовъ Успенія Божіей Матери, и русскіе государи коронуются въ Москвѣ въ Успенскомъ Соборѣ; самый строгій двухнедѣльный постъ есть Успенскій же; день Успенія Пресвятой Богородицы — одинъ изъ величайшихъ годовыхъ праздниковъ. Здѣсь центръ событія — смерть, слезы. И событіе вознесено и обнято русскимъ народомъ съ трогательной глубиной и нѣжностью. Наконецъ, очень любимъ праздникъ Покрова Богородицы (1-го октября) и очень часты храмы въ честь Покрова Богородицы; между тѣмъ предметомъ его служитъ одно изъ чудесъ, совершившихся по преданію въ Константинополѣ отъ погруженія ризы Пресвятой Богородицы въ море. Русскія (еще языческія) суда приближались къ Константинополю съ моря; не имѣя защиты, цареградцы погрузили чудотворную ризу въ море; произошла буря и разметала русскія суда. Но здѣсь съ великой силой русское сердце обняло чудо. Чудо, т. е. сверхъестественное, и слѣдовательно опять же отверженіе земли, презираніе земного порядка вещей, обнято съ величайшей глубиной русскимъ чувствомъ и русскимъ воображеніемъ. Русскіе не боятся чуда. У нихъ никакого нѣтъ страха передъ нимъ. Они умиляются на чудо, видя въ немъ какъ бы развернувшіяся на человѣка небеса: единственное, чему они хотятъ поклоняться, что считается достойнымъ поклоненія. Великія концепціи философіи, пусть даже религіозной философіи, — все это для нихъ нестоющая вниманія

вещь, какъ все же человѣческое, обыкновенное, не сверхъ-естественное. Но, напримѣръ, по молитвѣ святого больной всталъ и выздоровѣлъ, то да русскій падаетъ на землю и цѣлуетъ прахъ подъ ногами этого святого, ибо онъ увидѣлъ здѣсь манифестацію чего-то нечеловѣческаго.

До какой степени все радостное, земное, всякое просвѣтленіе черезъ религію собственно самой жизни и ея условій враждебно основнымъ тенденціямъ Православія, видно изъ глубокой изуродованности семейной жизни у духовенства. Русскіе гордятся, что у нихъ нѣтъ „целибата“. Но они допустили бракъ священниковъ почти только ариѳметически, вербально, только по имени: истребивъ съ величайшей жестокостью все, откуда бракъ возникаетъ, и что его окружаетъ. Бракъ возникаетъ изъ любви — но церковь не допускаетъ самаго слова „любовь“, это — „плотская любовь“, „эстетическое восхищеніе“, такъ выразившееся у Адама при видѣ сотворенной для него Евы. Русскій священникъ, уже принявъ санъ, не можетъ жениться. Если онъ принялъ санъ священника, не женившись, и потомъ захотѣлъ бы жениться — ему не будетъ этого дозволено. Такимъ образомъ у русскихъ существуетъ целибатъ же. Но на ряду съ этой суровостью и сухостью, съ этой враждой къ семьѣ и браку, церкви Восточной хочется упрекнуть Западную за „целибатъ“ и осудить ее за отрицаніе заповѣди: „плодитесь, множитесь“. Какъ же этого достигнуть? Построена одна изъ хитрыхъ византійскихъ паутинъ мысли, чтобы въ одно и то же время отвергнуть и признать, какъ будто благословлять и вмѣстѣ съ тѣмъ ненавидѣть: семинаристъ долженъ жениться въ нѣсколько недѣль, длящихся между выходомъ изъ духовнаго учебнаго заведенія и принятіемъ сана. Въ эти нѣсколько недѣль онъ долженъ пріискать невѣсту среди духовенства же ближнихъ приходовъ, и какъ никакой любви не можетъ возникнуть сразу, то единственнымъ основаніемъ брака служитъ гнуснѣйшій и открытый торгъ о приданомъ. Священникъ будущій беретъ за невѣстою, смотря по тому, кончилъ ли онъ въ семинаріи или въ духовной академіи, отъ одной до пяти тысячъ

рублей и тщательно выговоренное вещественное приданое: платья шерстяныя и шелковыя, посуду чайную и столовую, серебряныя ложки чайныя и столовыя (обѣденныя), мебель и проч. Ни въ одномъ изъ русскихъ сословій, даже среди полу-нищаго крестьянства, среди мѣщанства и купечества, не происходитъ такого грубаго торга о приданомъ невѣсты, какъ въ духовномъ сословіи, и вина здѣсь не въ женящихся молодыхъ людяхъ изъ духовенства, а въ церкви и ея уничижительномъ взглядѣ на бракъ, какъ просто на случку животныхъ, но только пожизненную и одного самца съ одною самкою, при полномъ исключеніи другихъ мотивовъ брака, этическихъ и эстетическихъ, сродства душъ, дружелюбія, уваженія. Такимъ образомъ, вопреки Библіи, въ разрушеніе ея слова, церковь русская выкинула вовсе любованіе Адама на Еву, и сотвореніе ея Богомъ въ удовлетвореніе столько же духовной нужды Адама, сколько и физической. Слова Божіи: „не хорошо быть человѣку одному“, „сотворимъ ему помощницу, соотвѣтственную ему“ (Бытія, гл. 2) — противны русскому слуху и выброшены вонъ какъ руководительныя нормы при устроеніи брака церковью. Нужно замѣтить, что такъ какъ абсолютно безплотный идеалъ не переносимъ для человѣка, ибо по самой природѣ своей человѣкъ не монофизитенъ, то у русскихъ и православныхъ вообще плотская сторона въ идеѣ вовсе отрицается, а на дѣлѣ имѣетъ скотское, свинское, абсолютно безсвѣтное выраженіе. Брака по существу вовсе бы не должно быть. Но насколько онъ есть и допускается и законодательно регулируется, это есть голое и безлюбовное размноженіе, рядъ случекъ самца и самки для произведенія „духовныхъ чадъ церкви“ (обыкновенный мотивъ при разсужденіяхъ о бракѣ духовныхъ писателей). Свѣтъ младенца, радости родительскія, теплота своего угла, поэзія родного крова — все это непонятныя русскому (кромѣ образованныхъ, атеистическихъ классовъ) слова, все это недопустимыя съ церковной точки зрѣнія понятія; церковь допускаетъ, что если супруги вступаютъ въ соединеніе, то должны имѣть при этомъ цѣли, какими приблизительно за-

дается католическій патеръ, идя въ дикія страны: послѣдній, крестя дикарей, увеличиваетъ паству римскаго епископа, а русская чета должна думать не о себѣ, а о томъ, что черезъ рожденныхъ отъ нея дѣтей, обязательно крестимыхъ въ православіе, возрастетъ численность православнаго населенія и мощь вѣры.... Самимъ родителямъ, самой семьѣ не удѣляется церковью никакого вниманія, не допускается въ идеѣ никакой ихъ интересъ. Договоримъ о бракѣ священниковъ: обвѣнчавшись, онъ спѣшитъ къ епископу за полученіемъ мѣста и немедленно посвящается въ санъ священства, или діаконства. При этомъ онъ снимаетъ обручальное кольцо и во всю жизнь не имѣетъ права носить его. Бываютъ частые случаи, что священникъ теряетъ жену въ первый же годъ брака, или на второй, на третій годъ, и остается съ 1—2 малютками. Хотя православная церковь называетъ себя „матерью чадъ своихъ“, т. е. всѣхъ православныхъ, и хотя она облита слезами скорби, и старается имѣть видъ жалости ко всѣмъ тварямъ, — она остается черства, тверда и суха къ положенію этихъ несчастныхъ священниковъ, не допуская ни подъ какимъ видомъ ихъ до второго брака, не дозволяя взять мать для осиротѣвшихъ дѣтей, хозяйку для разваливающагося дома. Хотя не безизвѣстно всѣмъ изъ посмертныхъ разсказовъ такихъ вдовцовъ, да и изъ свидѣльства очевидцевъ, что съ этого именно времени священники многіе впадаютъ въ запойное пьянство отъ непривычнаго одиночества, или предаются картежной игрѣ, или вступаютъ въ связь съ женскою прислугою и съ дальними, живущими въ дому ихъ, родственницами. Вытекаетъ это изъ того, что уже и первый бракъ данъ имъ для того, чтобы имѣть поводъ упрекнуть католиковъ за безбрачіе, но безъ всякаго вовсе чувства брака, сочувствія къ нему, поэзіи около него.

Въ силу этого и вообще семья у русскихъ стоитъ не высоко, ибо и для прочихъ мірянъ, для всего народа, условія вступленія въ бракъ выработаны также жестко, сухо, отталкивающе. Все библейское ученіе о бракѣ въ Православной церкви вовсе отмѣнено;

все библейское чувство семьи и брака вовсе неизвѣстно у православныхъ, и, если бы гдѣ проявилось фактически, вызвало бы величайшее озлобленіе противъ себя. Такъ съ ненавистью и церковь, и православные люди, смотрятъ на супружество двоюродныхъ, на бракъ дяди и племянницы, не говоря уже о библейской полигаміи, которая вызвала бы ужасъ; по закону нашему за это ссылаются въ Сибирь. Смотря на бракъ только какъ на безлюбовную, животную случку, въ интересахъ увеличенія душъ христіанскихъ происходящую, церковь смотритъ на всякую поэтизацію брака, на всякое стремленіе внести сюда свѣтъ и даже хотя бы простую упорядоченность, — какъ приблизительно на попытку возстановить язычество. Какъ бы ни ненавидѣли супруги другъ друга, церковь этимъ не тревожится и не безпокоится; а по требованію знаменитаго іерарха русской церкви, митрополита московскаго Филарета, который считается почти святымъ и вмѣстѣ первенствующимъ авторитетомъ церкви за XVIII и XIX вѣка, было уничтожено право женъ просить развода въ случаѣ не только жесточайшихъ побоевъ мужа, но и доказанной на судѣ попытки его убить свою жену. Видно, что это не доходитъ скорбью до сердца церкви. Это есть малый интересъ для нея, сравнительно съ морской бурей, произведенной отъ погруженія ризы Богородицы въ море въ X-мъ вѣкѣ. Вообще церковь православная монофизитна не только въ той тенденціи, что изъ „воплощенія Сына Божія“ изъяла собственно „плоть“, „воплощеніе“, — но и въ той другой и болѣе вредной тенденціи, что она вообще глубоко бездушна и суха ко всему житейскому, всей жизни, всему реальному, дѣйствительному міру. Что она его отрицаетъ, это было бы безопасно; но она его развращаетъ тѣмъ, что не допускаетъ религіозному свѣту проникнуть въ матерію, въ жизнь, въ человѣческія отношенія. Или, точнѣе, она пропускаетъ сюда свѣтъ такъ преломленный, что онъ разрушаетъ, а не преображаетъ. Моментъ „преображенія“ (безъ отрицанія) вовсе неизвѣстенъ Православію, иначе какъ на словахъ, въ словесныхъ фетишахъ.

Изъ этого общаго склада Православія вытекло учрежденіе оберъ-прокуратуры при Св. Синодѣ; не столько впрочемъ учрежденіе, возникшее совершенно случайно, сколько необыкновенная прочность его, несмотря на явную анти-каѳоличность этого учрежденія и всеобщую нелюбовь къ нему народа и общества. Первоначально эта должность была учреждена Петромъ Великимъ изъ опасеній соперничества съ царскою властью честолюбивыхъ партіарховъ, чему примѣръ былъ данъ патріархомъ Никономъ. Петръ вообще былъ человѣкъ очень сильнаго воображенія, чрезвычайной мнительности и опасливости, переходящей въ робость и испугъ; таковъ онъ былъ, несмотря на кровавый ореолъ свой, грозный характеръ и неукротимую энергію. Хотя Никонъ боролся противъ его безвольнаго („тишайшаго“, по выраженію лѣтописей) отца и все же былъ побѣжденъ, такъ что очевидно никакой патріархъ не могъ-бы одолѣть великій въ народѣ авторитетъ Царя, однако Петръ боялся даже тѣней, даже возможностей, и отмѣнилъ вовсе партіаршество, учредивъ на мѣсто его такъ называемый „Синодъ“. Онъ состоитъ изъ собранія 8—10 іерарховъ, митрополитовъ и епископовъ, вызываемыхъ засѣдать сюда указомъ Государя. А какъ Государь, поглощенный военными и дипломатическими отношеніями государства, да и другими безчисленными заботами по внутреннему управленію, не имѣетъ конечно возможности знать личный составъ духовенства, то назначеніе послѣдняго на мѣста епископскія, архіепископскія и метрополичьи, а затѣмъ и въ члены Св. Синода происходитъ по рекомендаціи особаго чиновника, на правахъ министра, приставленнаго къ Синоду, — оберпрокурора его. Чиновникъ этотъ приставленъ былъ къ Синоду, дабы слѣдить за согласованіемъ дѣйствій духовенства съ гражданскими законами и вообще съ интересами государства, равно, чтобы предупредить всякія попытки честолюбивыхъ духовныхъ особъ послѣдовать по пути Никона. Въ XVIII вѣкѣ такими чиновниками преднамѣренно назначались иногда атеисты или вольнодумцы, любители философіи Вольтера и энциклопе-

дистовъ: дабы они могли холодиѣе и безду́шнѣе давать отпоръ особымъ притязаніямъ духовенства, и вообще построже за нимъ присматривать. Эти свѣтскіе философы были въ то же время дѣятельными чиновниками, добросовѣстными, трудолюбивыми, и въ XVIII-мъ же вѣкѣ они начали выступать на защиту приниженнаго низшаго сословія духовенства, именно священниковъ (семейныхъ) противъ монаховъ-іерарховъ, которые составляютъ аристократію церкви. Въ XVIII вѣкѣ они мало-по-малу заставили лѣнивое и необразованное монашество заниматься по крайней мѣрѣ административно, чиновно дѣлами, до церкви относящимися. Весь строй церковныя стали преобразовываться, сохраняя религіозныя формы, въ огромное „Вѣдомство“ или „Министерство духовныхъ дѣлъ“, при чемъ архіереи (епископы) мало-по-малу уравнялись съ губернаторами и вице-губернаторами (викарные епископы), а обыкновенные священники стали мѣстными духовными наблюдателями за населеніемъ, на подобіе становыхъ и квартальныхъ, но только въ торжественномъ духовномъ одѣяніи и съ правомъ совершать таинства и службы. Движеніе это усилилось съ императора Павла, когда и священники, и епископы всѣ стали получать награды орденами, какъ и обыкновенные чиновники. Все это отвлекло духовенство отъ собственно духовной стороны, и развило въ немъ всѣ страсти свѣтской службы: искательство у начальства, которымъ является свѣтское начальство, и жадность къ денежному прибытку, который почерпается у прихожанъ. Но болѣе опасно стало положеніе духовенства и всей церкви съ тѣхъ поръ, какъ на должность оберъ-прокуроровъ стали восходить люди не только свѣтскаго образованія, но и свѣтскаго религіознаго настроенія. Такова стоящій въ настоящее время оберъ-прокуроромъ Синода Побѣдоносцевъ. Съ этой перемѣною оберъ-прокуроры сдѣлались не защитниками только государства отъ церкви, а руководителями церкви. Не связанные никакими обѣтами священства, они въ то же время являются фактически главами церкви, насколько она есть въ текущій моментъ. То есть они не могутъ ничего прибавить

или убавить въ догматахъ церкви, въ сложившемся ученіи ея, — хотя и объ этомъ можно сказать, что они лишь до сихъ поръ не трогали этихъ археологическихъ святынь православія, а не то, чтобы они никогда не смогли тронуть ихъ, особенно косвенно и постепенно. Напримѣръ, отъ оберъ-прокуроровъ уже теперь зависитъ назначеніе профессоровъ въ духовныя академіи и въ семинаріи, и назначеніе тѣхъ или иныхъ монаховъ на епископскую и митрополичью каѳедру и вызовъ въ Синодъ. Слишкомъ понятно, что, не покровительствуя прямо такимъ-то мнѣніямъ, такимъ-то направленіямъ въ богословіи, — они могутъ покровительствовать, давать занятія и должности, и раздавать ученыя и административныя каѳедры людямъ, держащимся такого-то, хотя-бы съ еретическимъ оттѣнкомъ образа мыслей, и подавлять людей противоположнаго образа мыслей. Хотя до сихъ поръ не было примѣра, но со временемъ они могутъ такимъ образомъ оказать вліяніе и на „сокровищницу древностей“ Православія, въ составѣ-ли ея догматовъ и ученія, или обрядовъ. Пока оберъ-прокуратура, глубоко сковавъ, до полной неподвижности, черную, монашескую іерархію, и, усиливаясь улучшить положеніе бѣлаго духовенства, имѣетъ характеръ не столько свѣтскаго папства въ церкви, въ чемъ ее упрекали очень многія свѣтила нашей литературы, публицистики и науки, — сколько скорѣе смотрителя-врача около слабаго больного, около душевно-больного съ приступами временнаго буйства: причемъ роль ея и полезна, и необходима, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно безпритязательна, ибо оберъ-прокуроръ, этотъ обвиняемый „папа со шпагою“, слетаетъ съ должности и замѣняется противоположнымъ по первому мановенію Государя. Само собою разумѣется, что, при такой зыбкости положенія, онъ никакъ не можетъ походить на папу. Все дѣло проще, но немного страшнѣе. „Церковь — не отъ міра сего“, — учила о себѣ церковь, возлюбивъ и власть, и ордена, и отличія, а паче всего не пренебрегая деньгами. Глубокая скорбь прошла черезъ душу русскую, въ ея идеализмѣ ужаснувшуюся этому двуличію. Тогда, въ лицѣ власти,

душа русская рѣшила сохранить для народа весь декорумъ религіи, „святую сокровищницу древностей“, и въ то же время осторожно арестовать или взять въ опеку или подъ присмотръ всѣхъ этихъ носителей исторической святыни, дабы они не разсыпали и не растеряли чего, да и вели себя около святыни не соблазнительно для народа. О самой-же святынѣ душа русская, насколько волнуется или размышляетъ, или ничего не думаетъ, или думаетъ, что тамъ въ ящикахъ пусто; таково мнѣніе образованныхъ классовъ; простой-же народъ и вообще не размышляющіе взираютъ съ умиленіемъ на позолоченные ящики, въ которыхъ несутъ эти святыни, и занимается разсматриваніемъ ихъ украшеній, часто изъ чистаго золота и усыпанныхъ камнями. Вотъ что такое знаменитая русская обрядность и уставность. Подъ нею, въ основѣ ея — стража, опека. Самое удобное орудіе и методъ опеки — привычные чиновные ряды, чиновная іерархія, чиновныя служебныя награды и дисциплинарныя взысканія. Едва какой-нибудь епископъ начинаетъ вести себя, въ личной біографіи, соблазнительно, или оказываетъ сопротивленіе волѣ оберъ-прокурора или даже настояніямъ приставленнаго къ нему мѣстнаго чиновника, секретаря духовной консисторіи, который назначается оберъ-прокуроромъ и сносится только съ нимъ, — такъ этого епископа или переводятъ на худшее мѣсто по службѣ, т. е. въ болѣе бѣдную епархію, или даже вовсе „увольняютъ на покой“ („на отдыхъ“). Подъ этимъ скромнымъ и милосерднымъ выраженіемъ скрывается увольненіе отъ должности, т. е. возвращеніе къ состоянію простого монашества. Причемъ епископъ, жившій прежде во дворцѣ, получавшій нѣсколько тысячъ рублей дохода, и передъ которымъ трепетало и склонялось до земли духовенство цѣлой губерніи, получаетъ келью (маленькую комнатку въ монастырѣ, безъ права покинуть ее, перемѣститься на жительство въ другое мѣсто, и даже съ постояннымъ надзираніемъ за посѣтителями такого отставного епископа) и скудный монашескій столъ. Очень ядовито указывается свѣтскою властью, что вѣдь мо-

нахъ и „отрекся отъ всего земного“, ему богатства и свободы не нужно, онъ не имѣетъ права желать этого по обѣту. Но умалчивается, что вѣдь свѣтская-же власть и разожгла въ этомъ монахѣ, какъ и во всемъ образованномъ (полу-образованномъ) монашествѣ всѣ аппетиты власти, почести и богатства. Теперь это выводится изъ обыкновенія, но было всѣ вѣка обычаемъ, что духовенство бѣлое не иначе встрѣчало приѣзжающаго на епархію (на управленіе) епископа, какъ стоя рядами на колѣнахъ. И когда онъ подходилъ, благословлялъ ихъ и говорилъ самыя трогательныя слова привѣта изъ Ап. Павла, — они въ рабскомъ страхѣ клали сѣдыя головы свои на каменный помостъ церкви, — какъ еврейскіе рабы передъ фараонами на изображеніяхъ обелисковъ и пирамидъ. Такъ, еще въ 1888 году, я видѣлъ именно эту картину поразившей меня встрѣчи епископа Орловскаго Мисаила духовенствомъ города Ельца. И этотъ добрый и простой епископъ не искалъ униженія: но его предшественники, да и весь церковный строй православія, склонилъ старческія выи семейныхъ людей передъ входившимъ въ храмъ 45-лѣтнимъ „ангеломъ“ (монахи въ православіи именуются „ангелами земными, небесными человѣками“). Не падая до земли, но еще болѣе трепеща, встрѣчается этотъ „ангелъ“ съ оберъ-прокуроромъ и даже его товарищемъ: усталымъ, нервнымъ, заботливымъ чиновникомъ въ вицъ-мундирѣ, который осторожно навѣдывается у секретаря мѣстной консисторіи:

— Этотъ ангелъ не пьетъ?

— Этотъ ангелъ не посѣщаетъ тайно какой-нибудь женщины?

— Взятокъ не очень много беретъ, можетъ быть, совсѣмъ не беретъ?

И слышитъ:

— Не беретъ взятокъ.

— Къ понамъ милостивъ.

— Довольно ученъ, по крайней мѣрѣ не неучъ!

Слыша это, представляетъ его къ звѣздѣ (высокій русскій орденъ), которую „ангелъ“ носитъ съ несравненно большимъ удовольствіемъ, нежели при-

вычный, ординарный, у всѣхъ имѣющійся нагрудный крестъ. Но народу этого не видно. И въ то время, какъ священники склоняются передъ епископомъ въ рабскомъ страхѣ, онъ склоняется передъ „пастыремъ и архіереемъ, видимымъ олицетвореніемъ Христа, чуждымъ страстей и помышляющимъ объ одномъ небесномъ“, съ чувствомъ богомольнаго, боготворящаго умиленія, съ чувствомъ восторга. Духовенство наше, особенно въ высшихъ рядахъ монашества, чрезвычайно любимо, до обожанія, до обоженія.

Въ общемъ, однако, русская церковь увядаетъ своимъ особымъ способомъ, по своему особому типу, повинуясь своему особому закону и траекторіи полета, какъ и двѣ другія церкви, католическая и протестанская. Во многихъ отношеніяхъ она занимаетъ середину между ними. Она болѣе уязвима въ своихъ слабостяхъ, немощахъ, и меньше заслуживаетъ упрековъ въ высотахъ, въ порывахъ. Ея страданіе [illegible], тогда какъ напр., въ католичествѣ [illegible] именно [illegible]. Но это вѣрно. Всѣ три церкви страшно быстро понижаются въ своемъ уровнѣ, и это паденіе неудержимо, какъ высыхание средне-азіатскихъ озеръ и морей, какъ неудержимо [illegible] съ цивилизаціей. Вообще все христіанство, въ его христіанскихъ оформленныхъ [illegible] церквахъ [illegible], оно гаснетъ, [illegible], и уже во многихъ мѣстахъ только чадитъ [illegible]. Причина этого та, что христіанство вообще не космологично и поэтому не можетъ ни [illegible] себя [illegible] съ силою и правомъ противостоять космологичному знанію человѣчества, выросшему въ формѣ наукъ. Увы, „люби ближняго“ — никакъ не отвѣчаетъ на вопросъ о составѣ солнца, химическихъ соединеніяхъ, законѣ сохраненія энергіи. Христіанство болѣе и болѣе уходитъ въ моральныя проблемы, въ проблемы личныхъ, [illegible] которыя не могутъ помочь человѣчеству и въ великихъ вопросахъ голода, нищеты, труда, экономическаго устройства. Поневолѣ христіанство занимаетъ [illegible] уголокъ въ современной цивилизаціи, когда въ младенческіе средние

вѣка оно окрашивало и имѣло силу окрасить всю цивилизацію. Цивилизація не то, чтобы не хочетъ подчиниться христіанству, но христіанство не умѣетъ и не имѣетъ никакихъ способовъ и наконецъ отчасти не хочетъ подчинить себѣ цивилизацію, по разности категорій, въ которыхъ выражены оно (христіанство) и она (цивилизація). У нихъ нѣтъ зубчатыхъ, взаимно цѣпляющихся колесъ, какими они могли бы захватить другъ друга. Христіанство вдругъ оказалось ограниченнымъ, не всеобъемлющимъ, не универсальнымъ, когда оно выдавало себя за таковое и очень долго его принимали за таковое. Ни которая изъ церквей и наконецъ все христіанство не можетъ отвѣтить на самые мучительные вопросы ума, на самыя законныя требованія жизни; и цивилизація не столько враждебна къ нему, сколько получаетъ неожиданную возможность, почти невольную необходимость, смотрѣть на него почти съ грустью и съ жалостью, какъ на впавшаго въ младенца, или, пожалуй, какъ на впавшаго въ младенчество старичка, который не умѣетъ посовѣтовать, наставить выросшихъ своихъ дѣтей (народы, этнографія); да даже и понять какъ слѣдуетъ ихъ горести и нужды не умѣетъ-же. Можно замѣтить, что самые мудрые изъ прелатовъ и епископовъ, изъ проповѣдниковъ и богослововъ, все-же имѣютъ какое-то несовершеннолѣтіе сравнительно съ первоклассными учеными, поэтами, агитаторами. Л. Толстой не потому не могъ-бы подчиниться папѣ, что онъ — другой вѣры, иной церкви, чужого племени, но оттого, что свободное образованіе Толстого выше, чище, искреннѣе и основательнѣе, чѣмъ нынѣ уже искусственное и условное образованіе папы. То-же можно приложить къ первымъ пасторамъ, къ митрополитамъ. Между тѣмъ какъ Толстой учится разному 1. у русскаго мужика, 2. у Шопенгауэра, 3. у Мопассана, и все это — естественное и живое дерево, и Мопассанъ, и Шопенгауэръ, и русскій мужикъ, — папа весь раздѣляется на два существа: 1. я его, которое скрыто, и мы вовсе не знаемъ, что́-же именно, въ концѣ концовъ, оно думаетъ и знаетъ, и 2. санъ его, который очень много думаетъ по рубрикамъ своихъ обязанностей.

но все это — уже не живое, не настоящее въ немъ: все это — одѣянія, повѣшенныя на манекенъ, ими скрытый, но однако они потому только и не падаютъ на полъ, что ихъ все же держитъ собою этотъ манекенъ. Мы хотимъ этимъ сказать, что вольнолюбивая и страдальческая мысль человѣческая и сердце человѣческое давно переросли условную и искусственную фразеологію богословія и богослововъ. Религіозное мышленіе, въ предѣлахъ схемы христіанской, давно представляетъ собою высохшую мумію въ драгоцѣнномъ саркофагѣ, о которой никто не замѣтилъ даже момента, когда-же именно она перестала жить и дышать. Всегда она была та же; всегда страшилась измѣнить свои черты; всегда считала себя „истиной". И никто не замѣтилъ времени, когда эта „истина" съ недвижными чертами перестала быть кому-нибудь нужною и занимательною.

* * *

Въ обществахъ европейскихъ еще надолго останутся такъ называемыя „христіанскія чувства": какъ въ домѣ, гдѣ жилъ человѣкъ, еще долго остается „духъ его", строй его мыслей и чувствъ, и даже заведенные имъ „порядки". Но это уже не цѣльный организмъ, хотя бы даже въ степени „организма (системы) чувствъ". Христіанство сохранится въ европейской цивилизаціи долѣе всего въ видѣ странствующихъ афоризмовъ, прекрасныхъ изреченій; великолѣпныхъ практическихъ и этическихъ „максимъ" (правилъ); и нѣтъ никакихъ причинъ, чтобы эти прекрасныя выраженія не исторгали у отдѣльныхъ людей и особенно въ отдѣльные моменты ихъ жизни — слезы. Но это вовсе не то, что основа и фундаментъ жизни. Основою и фундаментомъ жизни европейскаго человѣчества давно уже служатъ: 1. экономика, 2. знанія (науки). Но гдѣ-же въ Европѣ метафизика, гдѣ мистицизмъ, безъ которыхъ не обходился ни одинъ великій народъ и ни одна великая эпоха?

Можетъ быть суждено европейскому человѣчеству выработать свою оригинальную метафизику и оригинальный мистицизмъ, который выразилъ-бы отношеніе къ Богу лица европейскаго, между тѣмъ какъ до сихъ поръ европейцы очевидно пользовались собственно еврейскими формами отношеній къ Богу (Библія, апостолъ Павелъ). По всему вѣроятію, сюда войдетъ много, но совершенно переработаннаго и безконечно углубленнаго язычества, какъ въ его эллино-римскихъ элементахъ, такъ и особенно въ германо-славянскихъ элементахъ. Пѣсни народныя, голосъ народный — они также хватаютъ за сердце человѣка. Дѣтскія пѣсни, колыбельныя пѣсни, бытовыя пѣсни — онѣ мотивами своими и тонами своими, и содержаніемъ своимъ говорятъ не менѣе, чѣмъ литургіи церквей. Но они подвижны, живы, прилипаютъ къ сердцу человѣка, они разнообразны, какъ сама жизнь: и въ этомъ отношеніи они выше литургій, слишкомъ схематичныхъ и общихъ и не отвѣчающихъ человѣку на скорбь этого часа, на радость этого дня. Но это — только лирика. Спрашиваемъ еще разъ: гдѣ же метафизика?

Человѣкъ метафизиченъ по самому существу своему, и если онъ воспринимаетъ религіи, успваиваетъ одну или другую, слушаетъ проповѣдниковъ, то потому именно, что онъ раньше услышанной проповѣди есть уже исповѣдникъ, священникъ до оформленнаго священства и пророкъ до оформленнаго пророчества. Вотъ этимъ-то врожденнымъ метафизическимъ вопросамъ человѣка христіанство и не съумѣло дать отвѣта, не только удовлетворительнаго, но и никакого. И отъ этого оно угасаетъ. Что такое человѣкъ до рожденія и что такое самое рожденіе? Что такое человѣкъ послѣ смерти и что есть самая смерть? Что такое грѣхъ, съ чего начинать его, съ какого „А"? О всемъ этомъ въ христіанствѣ нѣтъ ничего, кромѣ путаницы. Христіанство не имѣетъ метафизики даже о самомъ себѣ. „Христосъ пришелъ на землю и умеръ за грѣхъ людей". Что-же, стали-ли они безгрѣшны? Но статистика европейскихъ преступленій показываетъ, что они грѣшатъ болѣе римлянъ и грековъ и болѣе всѣхъ первобытныхъ (наивныхъ) дикарей. Но, можетъ быть, они грѣшатъ, а грѣхъ имъ уже не поставляется

въ преступленіе въ силу жертвы на Голгоѳѣ? Однако что-же именно искушила эта жертва, и, особенно какимъ образомъ? Адамъ согрѣшилъ и въ силу грѣха — умеръ; смерть есть послѣдствіе грѣха: итакъ послѣдствіемъ искупленія грѣха должно стать безсмертіе. Но мы умираемъ.. Мы однако-же умираемъ и грѣшимъ, и окаянны послѣ Христа, какъ и до Христа. Вотъ чудовищное по величинѣ эмпирическое опроверженіе всей Голгоѳы и всего, что въ представленіи народовъ и въ ученіи самихъ богослововъ связуется съ Голгоѳою! Рѣшительно ничего новаго, метафизически новаго, **бытійственно** новаго Христосъ не принесъ... кромѣ нравственныхъ правилъ. Но это — уже не метафизика. Продолжаемъ спрашивать: каковъ-же способъ „снятія проклятія, грѣха и смерти“ съ человѣчества? Здѣсь мы запутываемся еще болѣе. Адамъ палъ потому, что не послушался Бога. Неужели и дѣти Адама, все человѣчество „искупилось“ тѣмъ, что избраннѣйшее племя изъ этого человѣчества и въ царственномъ градѣ этого человѣчества, въ градѣ священниковъ и пророковъ, подняло руку и умертвило — самого Бога?! Бога?! — вотъ вопросъ. По основному воззрѣнію христіанства было убито именно существо божественное, „сынъ Божій“ Неужели Отецъ Его, „Отецъ нашъ, сущій на небесахъ“, проститъ намъ грѣхи наши въ отношеніи другъ другъ, ложь нашу, жестокость нашу, войны наши, вѣроломство наше потому именно и потому особенно, что мы замучили и умертвили Его сына?! То особое наказаніе, какое евреи понесли за смерть Его, — не наказаніе отверженія, разсѣянія и разоренія, — должны бы понести всѣ народы, всѣ человѣчество если смерть Спасителя имѣла отношеніе ко всему человѣчеству. Вѣдь не всѣ и евреи распинали Его, а горсть, крикливая на дворѣ Пилата. Но потерпѣли наказаніе всѣ, и жители Виѳлеема или Назарета, какъ жители Іерусалима. Такъ, если взять планету нашу, которую „искупилъ“ Іисусъ, то очевидно и она должна была быть наказана вся за смерть Іисуса, т. е. во всѣхъ частяхъ человѣчества. Или евреевъ не надо было всѣхъ и сплошь (національно)

казнить, или уже казни достойно все человѣчество, и германецъ, и русскій. „Казни“, мы говоримъ; а вѣдь начали говорить о „снятіи грѣха, проклятія и смерти“. Гдѣ-же именно оно, это избавленіе, это облегченіе, эта радость и бѣлый свѣтъ, будто-бы связующійся съ Голгоѳою? Для евреевъ — гибель; а для насъ... чахотка, ракъ, убійства, грабежи, сифилисъ. Гдѣ-же знаки „искупленія“? и вообще знаки метафизической перемѣны въ самомъ бытіи человѣчества? Все — ветхозавѣтно; даже хуже, чѣмъ ветхозавѣтно, ибо до „искупленія“ человѣчества и до проповѣди Іисуса въ одномъ небольшомъ городкѣ, въ маленькой странѣ нашлись-же такіе люди, какъ Марія и Елизавета, какъ двѣ сестры Лазаря, Марія Магдалина и самарянка. Нашлось 11 простолюдиновъ съ разумомъ и сердцемъ апостоловъ, и Никодимъ, и Закхей, и даже всѣ эти, съ великимъ сердцемъ, прокаженные, сѣнорожденные, разслабленные, блудницы, мытари. Вотъ эмпирическій матеріалъ, который уже ранѣе Его былъ и который нашелъ готовымъ въ „проклятомъ мѣстѣ“ Іисусъ. Ибо Іерусалимъ былъ проклятъ и обреченъ гибели послѣ Него. Ну, хорошо. Было за что проклясть Іерусалимъ, и основать новую религію на развалинахъ древней. Такъ можетъ быть. Теперь мы найдемъ, въ Парижѣ или Берлинѣ, еще самарянку? Еще Іосифа Аримаѳейскаго? Еще 11 апостоловъ? И Марію съ Елизаветою? Гомерическій хохотъ, который раздался-бы на этотъ вопросъ въ отвѣтъ, показуетъ, до чего эмпирическій человѣческій матеріалъ, найденный уже готовымъ Іисусомъ въ Іерусалимѣ, былъ выше того, который Онъ Самъ оставилъ послѣ Себя маленькой планетѣ съ жалкимъ, скорбнымъ и недоумѣвающимъ населеніемъ.

И, наконецъ, добро, благо умиротворенія и любви, принесенныя Имъ на эту скорбную планету. Какъ молилъ за Содомъ и Гоморру Авраамъ Бога: „если недостанетъ до 50 праведниковъ, то неужели тогда Ты казнишь его? Если недостанетъ до 20, до 30, и наконецъ, только до 10“. — „Если найду въ Содомѣ десять проведниковъ, то пощажу весь городъ ради ихъ“; вотъ рѣшеніе Божіе, рѣшеніе ветхозавѣтное.

А мы учимъ, что Ветхій Завѣтъ былъ жестокъ сравнительно съ Новымъ. Но если пересчитать святыхъ лицъ, удивительныхъ, трогательныхъ, выше которыхъ не видалъ міръ, въ Евангеліи, т. е. въ Палестинѣ во время Іисуса и такъ сказать у ногъ Его, — то ихъ найдется гораздо болѣе 50. И, все таки, онъ не былъ пощаженъ: хотя и остальные его жители все-же не были содомляне, а только вѣрны Моисееву закону о субботѣ, да „преданіемъ старцевъ", нити которыхъ началась отъ достойнаго Ездры.

Такимъ образомъ смутна для насъ не только надежда, что мы „искуплены отъ грѣха, проклятія и смерти"; но и какая-либо увѣренность, что новозавѣтная жизнь имѣетъ преимущества передъ ветхозавѣтною, и что даже въ зернѣ всего дѣла лежитъ.. подвигъ любви и милости, Небеснаго-ли Отца къ намъ, Сына-ли Его къ человѣчеству.

Во всякомъ случаѣ размышляющіе люди имѣютъ причину сомнѣваться въ мессіанизмѣ всего христіанства и слѣдовательно о лицѣ Іисуса, какъ Мессіи. Нашъ-то сифилисъ, регистрація-то домовъ терпимости! Слишкомъ малые знаки, что „Мессія уже пришелъ". А войны? Крестоносныя? За испанское наслѣдство? За австрійское наслѣдство? Слишкомъ малые знаки, чтобы „овца уже легла около тигра", а между тѣмъ именно по этому предсказанію пророка Исаіи мы и узнавали Христа.. „Вотъ, когда придетъ такой, что это принесетъ: то смотрите — то будетъ Мессія". Мы смотримъ — и не узнаемъ.. Да и Самъ Онъ о себѣ ничего подобнаго не предсказалъ:

„Огонь пришелъ низвести Я на землю: и какъ желалъ-бы, чтобы онъ уже возгорѣлся!

„Крещеніемъ должевъ я креститься; и какъ Я томлюсь, пока сіе совершится!

„Думаете-ли вы, что Я пришелъ дать миръ Землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ: но раздѣленіе.

„Ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ станутъ раздѣляться, трое противъ двухъ и двое противъ трехъ.

„Отецъ будетъ противъ сына и сынъ противъ отца: мать противъ дочери и дочь противъ матери; свекровь противъ невѣстки своей и невѣстка противъ свекрови своей". (Лукп. XII, 49 — 53).

Такимъ образомъ не одна эмпирическая наличность исторіи христіанства, но и самое ученіе Основателя Его, если сопоставить его съ предсказаніями о Мессіи, что вотъ Онъ „льна курящагося не загаситъ" и „трости надломленной не сломитъ", и что, съ пришествіемъ Его, „ляжетъ овца около тигра", — побуждаетъ многихъ начать спрашивать въ сердцѣ своемъ: „точно-ли Мессіею могли быть высказаны эти особенныя предсказанія, записанныя у евангелиста Луки? И съ такимъ очевиднымъ выраженіемъ желанія, чтобы онѣ исполнились?!"

Самый споръ его съ Іерусалимомъ, вращающійся около субботы, намъ, христіанамъ, кажется, будто шелъ о филантропіи, и что вотъ ей противились „злые евреи"; но для евреевъ того времени и до нашихъ временъ очевидно, что филантропія вовсе не входила сюда никакимъ элементомъ, ибо Его спрашивали, почему онъ не исцѣляетъ въ другіе дни, въ которые, конечно, Онъ могъ-бы исцѣлить; могъ-бы еще филантропичнѣе исцѣлить днемъ ранѣе, въ пятницу или въ четвергъ? Для евреевъ ясно было, что Онъ борется противъ „почилъ Богъ отъ дѣлъ своихъ въ седьмый день" и „пусть никакого дѣла не творитъ человѣкъ въ седьмой день каждой недѣли". Врачи теперь лечатъ и въ седьмой день — и это хорошо. Но такъ-ли хорошо, что и булочники пекутъ хлѣбы и въ седьмой день? И что лавочники въ лавкахъ, и мастеровые въ мастерскихъ, увы, давно лишены отдыха въ „седьмой день"! Іисусъ, который могъ бы исцѣлять и по четвергамъ и по средамъ, явно боролся противъ абсолюта „праздника": и за него вступились евреи по глубокому инстинкту, что стоитъ потрясти абсолютъ чего-нибудь, какъ потрясется и вся эмпирія, на этомъ абсолютѣ построенная, т. е. что у человѣчества, и у русскихъ, и у нѣмцевъ, будетъ отнято въ году 52 дня абсолютнаго отдыха.. Въ этомъ случаѣ, какъ и вообще во всей концепціи евангельской исторіи, христіане наивны, какъ дѣти. „Жиды были злы и убили Іисуса, потому что Онъ былъ добръ. Но добрый Богъ наказалъ злыхъ жидовъ, а царство и жребій ихъ передалъ намъ, кото-

рые добрѣе всѣхъ народовъ на землѣ". Бѣдный лепетъ, которому мы не въ силахъ вѣрить.

Тѣмъ не менѣе, всѣ предреченія Іисуса оправдались, и нѣкоторыя, какъ о гибели Іерусалима, Онъ сказалъ не какъ волю Отца своего Небеснаго, но какъ Свою волю. Предсказалъ съ подробностями столь разительными, что не остается сомнѣнія, что Онъ проницалъ въ будущее и повелѣвалъ вѣкамъ. „Вотъ, оставляется домъ вашъ пустъ"; „камня на камнѣ не останется отъ стѣнъ сихъ", „скажутъ горамъ: засыпьте насъ! и холмамъ: покройте насъ!" И, наконецъ уже приведенное мѣсто о „мечѣ и раздѣленіи", которое вѣдь, дѣйствительно раздираетъ христіанскую цивилизацію, какъ никакой мечъ и никакую цивилизацію. Что-же это такое? Скажемъ-ли мы что, это доступно было Сократу? Платону? Буддѣ? Конфуцію? Лаотзы? Магомету? Нѣтъ и нѣтъ. Іисусъ не просто выдается въ ряду ихъ, но Онъ вовсе не есть то, что рядъ этихъ людей. Іисусъ не человѣкъ а существо: и Евангеліе есть дѣйствительно единственная сверхъ-естественная книга, гдѣ переданъ разсказъ о совершенно Сверхъ-естественномъ Существѣ и самыя событія сверхъ-естественны же. При этомъ мы разумѣемъ не чудеса Іисуса, которыя могли быть апокрифичны или легендарны. Единственное и главное чудо и притомъ уже совершено безспорное — есть Онъ Самъ. Даже если согласиться съ крайними скептиками, увѣряющими, что Іисуса никогда не было и что миѳъ есть самая исторія, самый сюжетъ евангельскій, то все же отсюда скептики не получатъ никакой пользы: вымыслить такое лицо, со всей красотою Его образа и непостижимыми Его рѣчами, такъ же трудно и невѣроятно и было-бы чудесно, какъ и быть такому лицу. Предположимъ, что Платона никогда не было, а былъ кто-то, приписавшій ему діалоги, на которыхъ поставлено имя „Платонъ". Плохая шутка: тотъ, кто написалъ ихъ, пусть имя ему будетъ Сидоръ, а не Платонъ, и былъ-бы онъ персъ, а не грекъ — все равно и былъ какъ „гений Платонъ" (какъ Платонъ), съ тѣмъ именно содержаніемъ въ головѣ, какое приписываемъ Платону.

Вѣдь мы и все человѣчество не отъ того признали Іисуса „Сыномъ Божіимъ", что такъ велѣли намъ апостолы, что это завѣщали они намъ хранить, какъ вѣру; но мы сами и волею своею, прочитавъ рѣчи Іисуса, прочитавъ нагорную Его проповѣдь, да и всѣ Его реченія, восклицаемъ съ Наѳанаиломъ, которому ничего апостолы не нашептывали: „равви, ты — Сынъ Божій! Ты — царь Израилевъ!." И исповѣданіе самарянки, и исповѣданіе Никодима, и всего Израильскаго народа, устилавшаго одеждами Ему путь при входѣ въ Іерусалимъ и восклицавшаго: „благословенъ Грядый во Имя Господня", — все это есть наше исповѣданіе, безъ всякаго подсказыванія и помимо какого-либо авторитета для насъ самихъ евангелистовъ-разсказчиковъ.

И только, когда эти Іерусалимляне, съ пальмовыми вѣтвями встрѣтившіе Его, завопили подъ легіонами Тита, такъ удивительно точно предсказаннаго таинственнымъ Посѣтителемъ земли, — сердце наше испугалось, заробѣло... и все смутилось въ умѣ нашемъ.

Іисусъ человѣкомъ не былъ.

Но былъ ли Онъ Мессія?

И кто-же онъ, наконецъ?

Вотъ — вопросы, которые томятъ несказаннымъ томленіемъ многія русскія сердца. И они такъ глубоки, такъ захватываютъ фундаментъ всего дѣла, что ломкій кристаллъ исторически сложившихся церквей — католической, православной, лютеранской — никакъ не можетъ не хрустнуть просто отъ самой постановки ихъ.

О священствѣ, о древнихъ и новыхъ жертвахъ.

Докладъ, прочитанный на 2-мъ Религіозно-Философскомъ собраніи въ С.-Петербургѣ, въ отвѣтъ на пренія, возбужденныя докладомъ В. А. Тернавцева: „Русская церковь передъ великою задачею“.[1]

Споры наши, имѣя темою расхожденіе церкви и общества, спустились въ очень невысокую сферу: взаимныхъ, хоть и не прямыхъ упрековъ. При этомъ мы, интеллигенція, имѣли поучительный примѣръ со стороны представителей духовенства: отъ него мы не слышали еще ни одного укора, тогда какъ сами высказали нѣсколько. Ходъ дебатовъ невольно пріобрѣлъ публицистическую окраску. „Исправимтесь“: „мы постараемся — повѣрить, а они пусть начнутъ дѣлать: и все кончится благополучно“. Между тѣмъ стоитъ такъ поставить вопросъ: да отчего-же тысячу лѣтъ духовенство не дѣлало, и опять-же тысячу лѣтъ интеллигенція была или скептична, или еретична, — чтобы разсѣять наши публицистическія надежды и заставить спуститься ниже, глубже. На нашъ тревожный вопросъ: „отчего мы разошлись?“ въ поверхностномъ слоѣ публицистики вовсе нѣтъ никакого отвѣта, или есть отвѣты пустые. Подобно тому, какъ нѣкоторые запутанные вопросы ариѳметики, напримѣръ о непрерывныхъ дробяхъ, находятъ рѣшеніе свое только въ высшемъ алгебраическомъ анализѣ, такъ и тема, конечно публицистическая, о расхожденіи интеллигенціи и церкви, имѣетъ рѣшеніе не въ собственной своей сферѣ, а въ религіозной или, точнѣе, въ философско-религіозной.

[1] Вовсе не былъ помѣщенъ въ „Запискахъ религіозно-философскихъ собраній“ считавшихся при „Новомъ Пути“ за 1903 г. В. Р

Приемотримся къ духовенству, вдумаемся, оцѣнимъ. Не есть-ли это личный и живой, ходящій фетишизмъ? Говоря это, я не укоряю, а опредѣляю. Ибо очевидно каждое духовное лицо, принимая санъ, вступаетъ въ ячейку, не имъ приготовленную и въ которой онъ не можетъ пошевелиться. Итакъ, укорамъ здѣсь нѣтъ мѣста. Въ ризахъ священникъ, въ эпитрахили, и онъ же просто въ рясѣ — какъ бы различное бытіе. Онъ въ ризѣ — какъ бы икона въ окладѣ; безъ ризы — живопись безъ отнесенія къ ней молитвы. Отъ царя до нищаго передъ священникомъ въ эпитрахили мы всѣ безмолвны, безропотны, покорны. Нельзя не замѣтить на литургіи, что мы молимся святому мѣсту (храма), святой службѣ, но немножечко молимся и священникамъ. Самое слово „священникъ“ близко къ „святой человѣкъ“. Почему-то одѣянія ихъ, именно ризы, получили тотъ-же металлическій, золотистый или серебристый отливъ, такъ и оклады на образахъ: тенденція, невольная и безсознательная, къ сліянію — очевидна. Усопшій архіерей часто переходитъ на образъ (святители Николай, Филиппъ, Алексѣй, Петръ, Іона); и, конечно, жизнь всего духовенства тянется сюда, всѣ они узкою тропою, тѣснымъ путемъ идутъ какъ бы на алтарную стѣну. Не доходятъ, падаютъ, но это — все равно: важна верхняя площадка, на которой стоять избранные. Въ попеченіи объ этомъ „узкомъ пути Маріи“ духовенство и забыло міръ, широкіе пути Марѳы, заботъ, трудовъ, реальной помощи реальному міру. Священники, и особенно черное духовенство, суть поклоняемые dii minimi, нижній ярусъ христіанскаго Олимпа; да это ясно и выражено въ словахъ: „земные ангелы, небесные человѣки“. Откуда такъ все сложилось? Пошло все отъ таинства священства. Уже въ первыя апостольскія времена священники „рукополагаются“ („Дѣянія“, —IV, 23: „рукоположивъ пресвитеры въ каждой церкви“). Какое это имѣло значеніе? И Авраамъ, посылая слугу отыскать жену Исааку, и Іаковъ, благословляя дѣтей — „возлагаютъ руки имъ на голову“. Это — знакъ отечества рукополагающаго; знакъ учительства; жестъ заботы, повелѣнія, порученія. Но послан-

ный, получивший порученіе, или учитель — еще не суть „священники“. Развилось понятіе объ особой „благодати священства“. И вотъ тутъ, мнѣ кажется, произошло въ исторіи одно страшное и мучительное обстоятельство.

Когда древній законъ былъ разрушенъ ап. Павломъ, какъ не нужный для спасенія, а jus canonicum еще не родилось, то въ эту пору такъ сказать „междуцарствія“ двухъ законовъ, — для человѣчества, которому нужно же было чѣмъ нибудь руководиться въ подробностяхъ жизни, создано было понятіе и чувство „благодати“, какъ какого-то внѣ-законнаго поверхъ-законнаго вѣянія. „Благодатью спасаемся“, — данъ былъ имъ лозунгъ, плачущимъ, что Синай скрывается подъ водою, тонетъ въ волнахъ небытія; и обрѣзаніе, и субботы, о коихъ Богъ сказалъ: „дано вамъ это въ законъ вѣчный“. Изъ такихъ выраженій, какъ напримѣръ во 2-мъ посланіи Іоанна: „да будетъ съ нами благодать, милость и миръ“, или: „благодать вамъ и миръ отъ Бога-Отца“ (I Коринѳ., 1 3) и множества подобныхъ видно, что благодать представляетъ высшую степень человѣческо-божеской духовности, какого-то вѣянія, рѣянія съ небесъ на землю, или восторговъ человѣческаго сердца, безъ всякой принадлежности кому нибудь, безъ всякой спеціализаціи, безъ всякой классификаціи. Теперь, что же совершилось далѣе? „Благодать сердца“, неуловимая и не матеріализируемая, какъ и „миръ сердца“ въ приведенныхъ выше выраженіяхъ, стала какой-то уловляемой, помѣщаемой, перемѣщаемой, дѣлимой и классифицируемой духовной эссенціей, несомнѣнно пространственно-ограниченнаго значенія. И кажется, это возникло въ моментъ сложенія новозавѣтнаго закона, когда спасительный лозунгъ „благодать“ просто переставъ быть нуженъ и даже сталъ опасенъ, какъ характерное внѣ-законное и поверхъ-законное „вѣяніе въ сердцѣ“. Стала благодать „браться“ и „даваться“, и подѣлилась іерархически; и въ то же время полоть благодати, нѣкоей природной святости, врожденнаго бого-общенія, были сдернуты съ міра. Міръ сталъ голь; свѣтскъ, нищъ: безъ-благодатенъ; зато священство и вообще іерархія стало

устроено благодатно, и притомъ такъ матеріально благодатно, что глаголъ Предтечи: „покайтесь, ибо приблизилось царство Божіе“ замолкъ для него, замолкъ отъ Пиринеевъ до Вятки.

Чинно духовенство, я думаю, прекрасно. Но именно въ золотящихся одеждахъ его, иконообразное — оно ужасно потому, что непоправимо, неисправимо, нераскаянно. Я не преувеличиваю чувства и идеи грѣха: но безъ нея слабому человѣку трудно бы прожить. Согрѣшилъ — и стараешься добрымъ маленькимъ дѣльцемъ поправить занозу въ сердцѣ. Я видалъ студентовъ кающихся, гимназистовъ, чиновниковъ: кающихся другъ передъ другомъ. Всѣ мы знаемъ, какъ черною полосою проходитъ четвертая и седьмая недѣля великаго поста для мірянъ: они каются, и это видно, замѣтно въ обществѣ, это маленькій духовный трауръ въ странѣ. Совѣсть очевидно растревожена. Но видалъ-ли кто и замѣтно ли вообще покаяніе духовенства? Нельзя не обратить вниманія, что это таинство какъ бы ослаблено для нихъ, стало не чувствительно, разрѣжено. Теперь сейчасъ вы поймете, какъ это важно: свѣтская литература полна самобичеванія; но возьмите духовные журналы: это сплошное счастье и самоувѣренность, самодовольство. Такимъ образомъ духовенство почти потеряло въ укорахъ совѣсти жгучій моментъ къ подвигу, о недостаткѣ коего здѣсь въ собраніяхъ говорилось: оно не побѣжало къ голодающимъ, оно не предстательствовало предъ Грознымъ (кромѣ единственнаго случая — Митр. Филиппа), не волновалось отъ Аракчеева; не торопилось учить дѣтей въ школахъ. Греки называли боговъ „блаженными“ „οἱ μάκαρες“: вотъ такіе „счастливые боги“ суть и „земные ангелы, небесные человѣки“, „священники“, т. е. „святые“ и, словомъ, чинъ — духовенства въ эпитрахили. Въ рясѣ — онъ другъ, человѣкъ, ученый, въ душѣ иногда поэтъ, часто — гражданинъ. Но онъ надѣлъ ризу: а, теперь вы къ нему не достучитесь, теперь умерло его сердце и умеръ его умъ.

Какъ только благодать матеріализировалась и распредѣлилась между духовенствомъ, міръ сталъ рабомъ

его, отъ царя до нищаго. От. Матвѣй Ржевскій говоритъ Гоголю: „не подходишь подъ мое благословеніе, бѣгаешь благодати". Благодать ему представляется электричествомъ, струящимся съ его рукъ, какъ съ иголки громоотвода. Гоголь пусть и геній, но все же человѣкъ, а от. Матвѣй, каковъ бы онъ ни былъ лично, по способности каждый день надѣть эпитрахиль и идти по „узкому пути" на алтарную стѣну, въ кіотъ, подъ ризу — вовсе не человѣкъ, а нѣкоторая божественная вещь, божественное существо. У него ни тоски, ни горя; „οἱ μάκαρες" — блаженные боги! Наука, жизнь, трудъ, заслуга, геній — все померкло, понизилось передъ „возложеніемъ рукъ", непосредственно отъ апостоловъ до от Матвѣя: передъ тѣмъ „возложеніемъ", которое, кажется, первоначально имѣло характеръ просто доброты и заботы посылающаго о посылаемомъ. Сколько праведниковъ, какъ Бруно, погибли отъ духовенства! на сколько праведныхъ дѣлъ, событій, жизни — прямо плюнуто съ „узкаго пути Маріи" (мученичество, инквизиція, у насъ сектантство). Странно: семьдесятъ толстовцевъ и полторы тысячи пашковцевъ заставили духовенство „разодрать ризы на себѣ". Но вотъ нарисуйте картинно, ярко, какъ жгли Джіордано Бруно: ни Боссюэтъ, ни пасторъ Штекеръ, ни В. М. Скворцовъ[1] не посмѣютъ пепломъ головы отъ зрѣлища. И до сихъ поръ католичество вѣдь нисколько не раскаялось въ инквизиціи; восточная церковь не раскаялась, что около V—VI в. в. въ Греціи почти повально вырѣзывались жиды за печать Ветховаго Завѣта на себѣ. И когда спрашиваешь себя: да какъ на это все духу хватало, то находимъ отвѣтъ въ этомъ преобразованіи ученія о благодати: передъ „богами" все человѣческое — ничто, и геній, и заслуга, и жизнь. Въ то же время христіанское человѣчество, лишенное участія и собственности въ благодати, подпало или точнѣе подведено было духовенствомъ подъ „иго закона" гораздо жесточе, неумолимѣе, чѣмъ какъ было подъ нимъ до

[1] Завѣдующій миссіонерскимъ дѣломъ въ Россіи чиновникъ особыхъ порученій при Оберъ-Прокурорѣ св. Синода, присутствовавшій на собраніи этомъ и на всѣхъ другихъ

„искупленія" ветхозавѣтное человѣчество. Подведено подъ „иго" своихъ спеціальныхъ „духовныхъ" законовъ — активно; а пассивно — черезъ допущеніе государству издавать для стада какіе угодно законы. Въ этомъ стадѣ, у каждой овцы у насъ отнято всякое внутреннее сопротивленіе, всякій упоръ, твердость — противъ внѣшняго давленія. Твердость правая, упорство святое, которое опиралось-бы на листочекъ общаго вѣнца: благодати, всему человѣчеству данной. Это безсильное и безправное стадо со сломанными у него костями (отнята точка упора) естественно повело себя нервно, патологично, немощно и буйно; повело какъ самоѣдъ. Идея царственнаго достоинства, священства „по чину Мельхиседекову" (вить іерархическаго порядка, чьего-либо назначенія), откуда въ Ветхомъ Завѣтѣ и родилось пророчество, — эта благородительная и зиждительная идея была снята съ человѣчества: и угасло пророчество. Осталась только публицистика, нервная, сорная, блеклая. Но по мѣщански, она все же дѣлаетъ добросовѣстно свою мѣщанскую работу. Тогда какъ „старшій братъ" этого блуднаго сына Небеснаго Отца и не пророчествуетъ, и не дѣлаетъ; а только, ссылаясь на „благодать Христову", это какъ-бы новое „первородство", зажимаетъ носъ отъ „пороковъ" младшаго брата и обвиняетъ, упорнѣе всего обвиняетъ его передъ Отцомъ своимъ — Богомъ „щедротъ", какъ мы вѣримъ въ сердцѣ своемъ.

Это — частности. Но есть и міровая сторона въ нашей проблемѣ. Вѣдь о чемъ мы толкуемъ? О нереальности христіанства. Объ этомъ всѣ плачи, въ цѣлой Европѣ. Человѣкъ бы долженъ бѣжать къ Богу, а миссіонеры, инквизиція, коллегія „de propagande fide", Боссюэтъ или Штекеръ явно ухаживаютъ за „невѣрами", прямо — волочатся за публикой. Явленіе и комичное, и страшное. Волокитство вѣрующаго за невѣрующимъ есть общій фактъ цѣлой Европы, и притомъ начиная съ Тертулліана. А евреи

напримѣръ прямо не пускаютъ въ свою вѣру, тревожатъ, путаютъ: и все же „отъ Израиля бысть Спасеніе“ и Библію никому не нужно навязывать: ее иллюстрируетъ Доре, изучаетъ невѣръ-Ренанъ, всѣ ее чтутъ, о ней плачутъ, и съ изумленіемъ мы формулируемъ „бого-вдохновенна“.

Европа не—„боговдохновенна“. Отъ того и нужно всякаго недовѣрка ловить лесою Петра. Отсюда „de propaganda fide“ и даже наши собранія. Что за фактъ?

Да есть-ли реализмъ, реальность, реалистическій моментъ въ самомъ христіанствѣ? Возьмите картину. Одинъ и тотъ-же узоръ ея можно начертать карандашомъ, чернилами, акварелью, масляными красками. Мнѣ думается, христіанство есть истина, начертанная карандашомъ и самое большее акварелью, а ни въ какомъ случаѣ не масляными красками. Опять, значитъ, истина остается, истину я не оспариваю; а указую только на отсутствіе налитости кровью и сокомъ всего дѣла. Безъ-кровное и безъсочное—вотъ что такое наши религіозныя „понятія“. Даже дико сказать „понятія“ Почему религія должна быть понятіемъ, а не фактомъ? „Книга бытія“, а не „Книга разсужденія“,—такъ началось „ветхое“ богословіе. — „Въ началѣ бѣ Слово“ — такъ начинается „новое“ богословіе. Слово и разошлось съ бытіемъ, слово — у духовенства, а бытіе — у общества; и „слово“ это безкровно, а бытіе это не божественно Но, повторяемъ, гдѣ же корень этого расхожденія?

Перемѣна жертвъ. Какъ мы повторяемъ: „жертва Богу — духъ сокрушенъ, сердца уничиженнаго Богъ не уничижитъ“. Но почему это слово Давида намъ такъ понравилось, а равныя слова другихъ мѣстъ Писанія о принесеніи жертвъ Богу „въ сладкое благоуханье“ мы не помнимъ, пренебрегли ими? Я читалъ у Златоуста о древнихъ жертвахъ: „конечно не надо, конечно гадость, потому что воняетъ этотъ убитый скотъ“ Онъ только и понялъ, что дурной запахъ отъ древнихъ жертвъ Но вѣдь кровь есть не запахъ, кровь есть мистицизмъ и фактъ. Златоустъ

даже не вспомнилъ словъ Писанія: „кровь не проливай, а закапывай въ землю: ибо въ крови—душа животнаго“. Златоустъ уже ничего не понимаетъ въ жертвахъ, и съ новыхъ точекъ зрѣнія долбитъ слушателямъ: „жертва Богу — духъ сокрушенъ“. И сокрушились мы въ духѣ, т. е. пали, разрушились, потерявъ кровный, родной путь къ Богу въ таинственныхъ древнихъ жертвахъ. Настали „безъ-кровныя“ жертвы, водянистыя, риторичныя. Всѣ мы будто бы „сокрушены въ сердцахъ“, а на самомъ дѣлѣ обдѣлываемъ свои дѣлишки. Просто — мы не дѣлаемъ сладкаго Богу, и Богъ насъ забылъ, а Европа потеряла Бого-ощущеніе. Откуда — атеистическая наука и атеистическое искусство. Откуда — полемика духовенства и печальныя „волокитства“. Европа въ религіозномъ отношеніи — просто являетъ отвратительное зрѣлище, и я уже въ Тертулліанѣ-риторѣ чую носомъ „первое стилистическое въ Европѣ перо“, Ренана-историка. Всѣ они одной категоріи: или риторы, или политики. И ни у кого изъ новыхъ, а у древняго Давида вырвался глаголъ: „Богу жертва— духъ сокрушенъ“ и проч., ибо около таинственныхъ-то древнихъ жертвъ вспыхнулъ и фосфоръ вѣры, молитвы, пѣнія, музыки сердечной.

Повторяю и формулирую: кровь — жизнь, фактъ. Религія, невольно влившая кровь въ нить соединенія своего съ Богомъ — и была фактична жизненна.

Вода есть вода. И всѣ наши религіозныя представленія, и чувства, и слова, и усилія — водянисты Вотъ, я думаю, міровая сторона проблемы, которую еще рано обсуждать: но если Богъ продлитъ наши собранія, придется и въ это вникнуть. Центральнымъ пунктомъ обсужденія здѣсь будетъ: что значитъ „изгнаніе торгующихъ изъ храма“, т. е. было ли это иносказательнымъ „не нужно“ противъ установленныхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ жертвъ, и тогда отчего Іисусъ прямо этого не сказалъ? Или Онъ хотѣлъ только произвести перемѣну въ способѣ торговли жертвенными животными, голубками, ягнятами, козленочками, которые всѣ были въ чертѣ „Божьяго мѣста“? Напр., Онъ, можетъ быть, хотѣлъ, чтобы ихъ

кто-то дарилъ бѣднымъ, въ родѣ 2-хъ лептъ вдовицы, или чтобы они были отъ храма, были „казенные“ Тутъ не ясно:

1. или жертвы — отмѣнялись; и тогда слово Божіе о нихъ надо было отмѣнить прямо;

2. или нисколько онѣ не отмѣнялись, и тогда почему-же ихъ отмѣнили христіане вопреки точному Слову Божію, обязательному для насъ гораздо болѣе основнымъ образомъ, чѣмъ X заповѣдей, данныхъ Богомъ черезъ Моисея. Ибо завѣтъ о жертвахъ - древнѣе, всеобщѣе, настойчивѣе, чѣмъ это десятословіе.

Объ отлученіи отъ церкви гр. Л. Толстого.

Рѣчь, сказанная въ IV-мъ засѣданіи „религіозно-философскихъ собраній въ С.-Петербургѣ“.

Актъ Синода относительно Толстого я считаю невозможнымъ теоретически, а потому и въ дѣйствительности какъ бы не состоявшимся вовсе. Это по слѣдующей причинѣ: Синодъ и Толстой суть явленія разныхъ порядковъ. Нельзя алгебру опровергать стихами Пушкина, а стихи Пушкина нельзя критиковать алгебраически. Синодъ можетъ быть святымъ, и вѣроятно праведенъ или бываетъ праведенъ по личностямъ, его составляющимъ; но нужно же всмотрѣться во все его учрежденіе, въ рожденіе его и исторію, въ механизмъ его устройства, въ характеръ и мотивы вызова епископовъ, въ немъ засѣдающихъ, и въ самый процессъ засѣданія, и, наконецъ, въ постоянныя двухвѣковыя темы его сужденій, чтобы понять и согласиться, что это есть строгое, точное, такъ сказать, алгебраическое учрежденіе, безъ всякой собственной души въ немъ, безъ ея волненій, свободы, ея совѣсти и совѣстливости — непремѣнныхъ элементовъ всего религіознаго. Синодъ не есть религіозное учрежденіе, почти не есть, очень мало есть; и не имѣетъ ни традицій, ни формъ, никакихъ способовъ судить религіозно объ религіозномъ. Отсюда прозаичность бумажки о Толстомъ, имъ выпущенной. Митрополитъ Антоній, въ отвѣтномъ письмѣ графинѣ Толстой, не назвалъ Синодъ „Святѣйшимъ“, что тогда же меня поразило, какъ правда, какъ примѣръ невозможности употребить сей эпитетъ въ языкѣ неофиціальномъ, серьезномъ частномъ, сердечномъ. Синодъ, не говоря о лицахъ, а говоря объ учрежде-

ній, не имѣетъ сердца и вообще никакихъ признаковъ личнаго и живого, свободнаго существа. А Богъ — личенъ, живъ, свободенъ; и отъ Бога, и именемъ Божьимъ что нибудь сказать Синодъ просто не можетъ, не умѣетъ, не имѣетъ формы, по отсутствію въ самомъ немъ „образа и подобія Божія“. Между тѣмъ Толстой, при полной наличности ужасныхъ и преступныхъ его заблужденій, ошибокъ и дерзкихъ словъ, есть огромное религіозное явленіе, можетъ быть — величайшій феноменъ религіозной русской исторіи за 19 вѣковъ, хотя и искаженный. Но дубъ, криво выросшій есть однако дубъ, и не его судить механически формальному „учрежденію“, которое никакъ не выросло, а сдѣлано человѣческими руками (Петръ Великій съ серіей послѣдующихъ распоряженій). Посему Синодъ явно не умѣетъ подойти къ данной темѣ, долго остерегался подойти, и сдѣлалъ, можетъ быть, роковой для русскаго религіознаго сознанія шагъ — подойдя. Актъ этотъ потрясъ вѣру русскую болѣе, чѣмъ ученіе Толстого. „А, такъ вотъ въ чемъ наша вѣра“, могли воскликнуть русскіе въ параллель Толстовской „Въ чемъ моя вѣра“. Тамъ, у Толстого — тоска, мученія, годы размышленій, Іово страданіе, Іова буря противъ Бога. Даже бѣсы видѣли Іисуса и трепетали, но Синодъ вовсе не видѣлъ никакого Іисуса и похожъ на рожденныхъ до Христа: ни мученій, ни слезъ, ничего — только способность написать „бумагу“, какую могъ бы по стилю и содержанію написать каждый учитель семинаріи или гимназіи. Толстой — какъ бѣсъ передъ Іисусомъ: но актъ Синода просто есть рѣшеніе византійскаго или римскаго юрисконсульта, до рожденія Христа высказанное: до такой степени въ характерѣ и методѣ, и тонѣ его не отражается ничего христіанскаго.

Толстой написалъ „Чѣмъ люди живы“; онъ какъ бы видѣлъ ангела у мужика; я настаиваю на словѣ „видѣлъ“; густота размышленій уплотнилась до осязательности этого образа. Скажите: какія „видѣнія“ видѣлъ когда либо Синодъ? Никакихъ. Покажите мнѣ „знаменія“ Синода, — ибо, по Апостолу, „вѣрующіе требуютъ знаменій, когда философы спрашива-

ютъ доказательствъ“. У Синода есть доказательства, а „знаменій“ нѣтъ, и онъ въ одной части есть административное учрежденіе, а въ другой — философская академія, безъ всякаго „помазанія“. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, еще терминъ: каждый изъ членовъ Синода помазанъ, но вѣдь не каждый отдѣльный членъ Синода судилъ Толстого отъ себя и за себя, а судило учрежденіе, которое ни на коллективныя сужденія, ни на коллективныя рѣшенія помазанія не имѣетъ.

Всѣ это чувствовали и всѣ остались холодны къ рѣшенію, безотчетно чувствуя, что въ немъ нѣтъ ни святости, ни религіозности, а исключительно свѣтскость, мірской характеръ.

Это — мірское дѣло, только совершенное неміянами.

Я понялъ-бы „судъ Церкви, высказанный о Толстомъ“, если бы разъяренная улица, оскорбленная его ученіемъ и тезисами, разорвала портретъ его, запретила произносить его имя, выгнала-бы его изъ предѣловъ земли своей. Это — „судъ церкви“, judicium Ecclesiae (= „собранія народнаго“). Но бумага Синода о Толстомъ? Вотъ ужъ „молнія“, которая не жжетъ и не поражаетъ.

По поводу доклада О. Михаила о бракѣ.[1]

Докладъ о. іеромонаха Михаила о бракѣ возбуждаетъ фактическую критику. Прежде всего, о томъ-ли онъ говоритъ, что значится въ самомъ заглавіи доклада. Онъ говоритъ то о „плотскомъ союзѣ“, то о „духовномъ“; то о „мужѣ“, то о „женѣ“; о дѣтяхъ и ихъ рожденіи. Но все это даже и не начинаетъ брака. От. Михаилъ говоритъ о какихъ то Ромео и Юліяхъ, Гамлетахъ и Офеліяхъ, говоритъ о романѣ Волохова съ Вѣрой изъ „Обрыва“, а вовсе не о законномъ бракѣ церкви, не о таинствѣ церкви. А между тѣмъ заглавіе его доклада имѣетъ подзаглавіе: „психологія таинствъ“. Докладъ от. Михаила надо просто зачеркнуть, такъ какъ онъ написанъ о любовничествѣ, явленіи непозволительномъ съ точки зрѣнія церкви, скверномъ съ точки зрѣнія общества, и за которое слишкомъ дорого расплатились бы всѣ, кто, повѣривъ похваламъ о. Михаила, вздумали бы въ самомъ дѣлѣ, „плодиться, множиться“, безъ фрака, розъ и „обыска предбрачнаго“.

Если повѣнченные сейчасъ же, изъ церкви выйдя, разъѣдутся по разнымъ городамъ и никогда другъ съ другомъ до самой смерти не увидятся, то бракъ есть, состоялся, осуществился.

Если, прочтя не от. Михаила, а Ефрема Сирина и житіе Алексѣя Божія человѣка, они согласятся тутъ же, еще на порогѣ церкви, никогда плотски не касаться другъ друга, то не подымутся-ли они на высшую степень благочестія и можетъ быть стяжаютъ вѣнцы царства небеснаго?

[1] Озаглавлено: „Психологія таинствъ. Таинство брака“

Истинная „психологія таинствъ“ (подзаголовокъ прочитаннаго доклада) начинается съ вопроса: да какъ же это психологически и исторически произошло, что заголовокъ написанъ одинъ, а въ докладѣ говорится о другомъ, „о плотскомъ блудномъ житіи“? Зачѣмъ это плотское житіе понадобилось докладчику? И ради чего, ради какихъ таинственныхъ мотивовъ онъ его хвалитъ, хвалитъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей, рожденіе, называя все это „до дна чистымъ“, когда все это — по суммѣ общественнаго и законодательнаго къ нимъ отношенія — просто рогожа.

Не онъ одинъ, не только о. Михаилъ, поставивъ въ заголовкѣ статьи или книги титулъ: „Христіанскій бракъ“, начинаетъ подъ титуломъ восхвалять то, что дѣловымъ образомъ и законодательно церковь отвергаетъ, если не проклинаетъ: такъ поступаютъ рѣшительно всѣ авторы, писавшіе о „христіанскомъ бракѣ“, включительно до К. П. Побѣдоносцева. И этотъ позднѣйшій авторитетъ (какъ, впрочемъ, и всѣ самые ранніе) въ „Курсѣ гражданскаго права“, коснувшись „высокихъ воззрѣній церкви на бракъ“, не приводитъ никакихъ и ни одной подробности изъ чина вѣнчанія и даже не упоминаетъ, что онъ есть, а только говоритъ, что вотъ „полы — раздѣлились“, что соединяясь — они „гармонизуются“ и получается отъ этого „полнота силъ духовныхъ и тѣлесныхъ“; словомъ, какъ и от. Михаилъ, онъ тоже разсказываетъ о романѣ Вѣры и Марка Волохова, о Лаврецкомъ и Лизѣ Калитиной, сладкомъ и недозволительномъ любовничествѣ, а вовсе не о супружествѣ Лаврецкаго съ m-me Лаврецкой, не о „законномъ бракѣ“ Helène Безухой съ Пьеромъ, гдѣ ничто и никто не „гармонизуется“. Откуда-же это, эта двойственность заглавія и изложенія, темы и содержанія? Да авторамъ просто нечего было-бы говорить о „законномъ христіанскомъ супружествѣ“, ибо въ немъ по „святымъ уставамъ церкви“ или ничего не содержится, или содержится что-то неопредѣленное, или, наконецъ, содержится такая дрянь, о которой въ серьезной книгѣ безнравственно даже говорить.

Смотрите, какъ о. Налимовъ[1] расписалъ: „супруги обожаютъ и даже обоживаютъ другъ друга: вотъ центръ дѣла, сущность таинства; право его на признаніе и наше благоговѣніе“ Протираемъ глаза и спрашиваемъ себя: „гдѣ это? между Налемъ и Дамаянти? Одиссеемъ и Пенелопой? Игоремъ и Ярославною?“ Но все то — язычники, даже и не подозрѣвавшіе, что нѣкогда наступитъ такое благополучіе, что ихъ „взаимную любовь“ запишутъ въ метрическія книги, а передъ соединеніемъ сердецъ будутъ предварительно „обыскивать“ (предбрачный обыскъ) Побѣдоносцеву, о. Налимову и о. Михаилу и предложило говорить, какъ о составныхъ частяхъ „христіанскаго брака“, единственно объ этомъ „обыскѣ“ и его процедурѣ и затѣмъ просто перепечатывать изъ Требника „чинъ обрученія и вѣнчанія“, а изъ „Кормчей книги“ перепечатывать-же о „Степеняхъ родства и свойства, какъ препятствіи къ браку“. Ибо ничего ровно, кромѣ этого одного, въ „христіанскомъ“ супружествѣ не содержится.

Любви въ немъ нѣтъ и она не требуется.

Дѣтей въ немъ нѣтъ-же и они лишь риторически упоминаются: бездѣтный бракъ столь же доблестенъ, какъ и съ дѣтьми, ни въ чемъ передъ нимъ не малится, не скорбитъ, не упрекается; и вообще этого вопроса просто не существуетъ для церкви или онъ существуетъ меньше, нежели вопросъ о томъ: а не случилось-ли когда нибудь невѣстѣ и жениху быть воспріемниками младенца отъ купели, не состоятъ-ли между собою въ супружествѣ ихъ дяди и тетки, ихъ братья и сестры, и т. п. вопросы, напоминающіе направленіемъ и тономъ скорѣе сплетни и сплетничанье, чѣмъ законъ и серьезное отношеніе

Да и самаго супружества, какъ соединенія плоти и крови, тоже нѣтъ въ „христіанскомъ бракѣ“: на чемъ вѣдь и были основаны, „законно“ основаны всѣ такъ называемые фиктивные браки нашихъ нигилистовъ въ 60-хъ годахъ Повѣнчались разъѣхались. Былъ бракъ? Церковь отвѣчаетъ: „былъ“! Не

[1] Какъ и от. Михаилъ, оба — молодые (не старые) профессора Спб. Духовной академіи. Послѣдній священникъ.

думайте: не такъ это невинно. „Фиктивные“ супруги 60-хъ годовъ, жаловались благочестивые люди, „оскорбили“ церковь. Но вѣдь чѣмъ? Тѣмъ, что они не „уважили“ вѣнчанія, взяли его какъ попутную и имъ нравственно не нужную вещь. Хотя какъ же имъ было и не взять его, когда закономъ же установлено и церковь учитъ, что въ немъ единственно заключается бракъ. Такъ они оцѣнили сокровище. „Сокровище“ и взяли; а потомъ... не то, чтобы бросили, какъ ненужное, а вовсе о немъ забыли, потому что дѣйствительно для любви, дѣтей и дѣторожденія непонятно, какое имѣетъ значеніе это „сокровище“. Но, сказалъ я, дѣло это не такъ невинно: міръ со своей стороны, никакъ не можетъ и не долженъ „оскорбляться“, если сама церковь не то, чтобы не обращаетъ большого вниманія, а просто никакъ не смотритъ на тѣ необозримо-многочисленные случаи, когда бракъ тоже фиктивенъ, но уваженіе къ вѣнчанію было соблюдено, напр., если 1. жена жалуется, что мужъ, повѣнчавшись съ нею, затѣмъ черезъ три года бросилъ ее; или 2. когда мужъ жалуется, что жена поступила съ нимъ такимъ-же образомъ. Церковь въ такихъ случаяхъ спрашиваетъ: „да вѣдь вѣнчаніе-то было?“. — „Было“. — „Ну, что же вы состоите въ бракѣ; а что мужъ жену оставилъ, то вѣдь можетъ онъ оставилъ ее для молитвы и поста: это не возбраняется и даже похвально“ Равно „жена могла оставить мужа для молитвеннаго подвига: какъ доказать, что — нѣтъ? Доказательствъ нѣтъ и мужъ (или жена) должны ‚смириться‘“.

Фиктивные браки всегда были въ церкви. Но до 60-хъ годовъ — для „скорби“ міра, людей, населенія; но вотъ съ 60-хъ годовъ пошли они „для удовольствія“ міра; а этого церковь не переноситъ, и она поднялась собственно противъ пріятнаго міру „потворства плоти“, того самаго сладкаго любовничества, которое похваливаютъ о. Михаилъ, о. Налимовъ и Побѣдоносцевъ, а вовсе не поднялась противъ самой фиктивности, какъ нѣкоей пустоты и безсодержательности, которая въ бракѣ не только ею не порицалась, но всегда похвалялась.

Чтобы не отвлекаться въ разсужденія, приведу фактъ, который дастъ намъ осязательный матеріалъ для анализа: на страницѣ 375 „Исторіи оберъ-прокуровъ Св. Синода" проф. Благовидова разсказанъ слѣдующій случай. „Во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 10-го декабря 1827 года оберъ-прокуроръ Мещерскій сообщилъ Государю, что городовой секретарь Повало-Швейковскій испрашиваетъ высочайшей милости — утвердить его бракъ съ дочерью помѣщика Ефросиньею Ваулиною, такъ какъ Синодъ, расторгнувъ данный бракъ по причинѣ родства незаконныхъ супруговъ, поставилъ въ самое несчастное положеніе пятерыхъ дѣтей, прижитыхъ отъ неосмотрительно заключеннаго брака. Николай Павловичъ, подъ вліяніемъ Мещерскаго, повидимому, нашелъ возможнымъ удовлетворить просьбу Повало-Швейковскаго и написалъ на оберъ-прокурорскомъ докладѣ: „бракъ расторгать, когда онъ дозволенъ былъ духовнымъ начальствомъ, я не признаю ни справедливымъ, ни удобнымъ". Но по докладу[1] митрополита Серафима Государь вынужденъ былъ взять назадъ свой добрый порывъ, и бракъ былъ расторгнутъ. Дѣти лишились отца и матери, переименованы въ „незаконнорожденныя", потеряли права на фамилію и наслѣдство отца, а мать ихъ превращена вновь въ дѣвицу Ваулину съ предложеніемъ выѣхать изъ дома мужа и вернуться къ не весьма утѣшеннымъ родителямъ, можетъ быть такимъ казусомъ сведя ихъ и въ могилу.

Теперь я прошу быть слушателей внимательными. Родство и свойство, какъ препятствія къ браку, взяты всѣ изъ языческаго римскаго законодательства. Въ Евангеліи о родствѣ и свойствѣ, какъ препятствіяхъ къ браку, не упоминается вовсе; въ

[1] Здѣсь ужасно важно, что основныя каноническія книги, которыя апокрифичны и въ богословской наукѣ, могутъ — это оффиціально утверждено и открыто объ этомъ учится — печатать для практическаго въ судѣ и канцеляріяхъ употребленія безъ означенія на заглавномъ листѣ, что это — апокрифы. Напр. „Апостольскія правила" суть приписываемыя апостоламъ и передавшія черезъ св. Климента, но — неизвѣстнаго происхожденія и суть безспорно не апостольскія. Или „Апостольскія постановленія" (какое заглавіе!) — просто арианскій сборникъ вымышленныхъ, полемическихъ разсужденій, едва дозволяемый къ переводу и печатанію. Но достаточно было императору Николаю показать, напр. „Апостольскія постановленія", чтобы онъ, пораженный тяжеловѣсностью книги (почти Евангеліе!) — смутился и взялъ назадъ доброе свое рѣшеніе.

Библіи, во „Второзаконіи" дозволенъ бракъ двоюродныхъ и бракъ дяди и племянницы. И вообще тамъ вовсе не тѣ степени родства указаны препятствіями къ браку, какъ у насъ.

Библія есть книга боговдохновенная.

Языческое римское право есть нѣчто языческое. Тутъ выбрано языческое, языческіе о бракѣ законы, и вовсе отвергнуты боговдохновенные. Отвергнуты, — и даже не справляясь съ Библіей.

Но всякій знаетъ, что рѣшительно у всѣхъ народовъ нормы брака суть часть религіознаго культа, и взятыя изъ Рима, онѣ взяты, такъ сказать, прямо изъ-подъ насѣдки Венеры, какъ ея тепленькія яички, и вкачены въ церковь. Одно изъ этихъ тепленькихъ яичекъ Венеры и ударило въ голову ровно пятерыхъ христіанскихъ дѣтей.

Вотъ полный очеркъ дѣла, о которомъ о. Михаилу нужно составить новый докладъ.

Въ случаѣ Повало-Швейковскаго мы наблюдаемъ:

1. супружество есть, но брака нѣтъ, или онъ есть преступленіе;

2. любовь есть, но бракъ осужденъ;

3. дѣти есть, но признаны плодомъ блуда;

4 вѣрность была, но объявлена ненужною. На завтра послѣ расторженія пусть „дѣвица Ваулина" выйдетъ за кого угодно, а холостякъ Повало-Швейковскій женится тоже на первой встрѣчной дѣвицѣ, безъ всякой памяти о пятерыхъ рожденныхъ ими дѣтяхъ. Этихъ послѣднихъ на кухню что ли сослать? Въ прорубь? Въ воспитательный домъ?

Если бы ученіемъ церковнымъ о бракѣ было то интересное, милое и содержательное, что мы выслушали въ докладѣ о. Михаила; если бы къ этому она клонила ухо свое: то очевидно, что все ея административное и законодательное отношеніе къ нему было-бы иное, другое. Она была-бы чутка къ семьѣ, а не къ вѣнчанію; требовательна къ семьѣ-же, къ теченію жизни въ семьѣ; тогда-бы она или ея представители, священники, трепеща за состояніе семьи въ странѣ, въ народѣ, не только слѣдили бы неусыпно: а какъ-то поживаетъ на самомъ дѣлѣ

каждая пара? не ссорятся-ли? не измѣняютъ-ли? почему ссорятся и измѣняютъ? кто съ кѣмъ и при какихъ условіяхъ? въ какихъ сочетаніяхъ (возрастъ, родство, племя) это бываетъ рѣже и въ какихъ чаще? Да и не одно это: священники, каноники, епископы (въ послѣдней инстанціи они блюдутъ бракъ) сядемъ сидѣли бы въ театрѣ, слѣдя за отраженіемъ семейныхъ нравовъ на сценѣ, читали-бы повѣсти, разсказы, а особливо всякія „корреспонденціи“ съ описаніемъ бывающихъ случаевъ фактической семейной жизни; равно посѣщали-бы толпами суды, гдѣ вдругъ вскрывается вся подноготная семьи, ея нерѣдко кровавый ужасъ. И съ этою чуткостью слѣдя за Марками и Вѣрами, Калитиными и Лаврецкими, Юліями и Ромео, — о чемъ намъ яко-бы съ любовью, но конечно притворно заговорилъ о. Михаилъ, — слѣдя за этимъ не вѣкъ, но уже тысячелѣтія и даже два тысячелѣтія, церковь имѣла бы матеріалъ построить такой „Кельнскій соборъ“ (узоръ, великолѣпіе, сложность) законовъ о бракѣ, передъ которымъ народы и человѣчество склонились-бы съ изумленіемъ: „вотъ небесная мудрость, сведенная на землю. Отцы! священники! святые!..“

Если-бы боль семьи, а не ошибки въ совершеніи ритуала, язвили душу церкви: какою нѣжностью обвила бы она болящія семьи! „Драгоцѣнное растеніе — хвораетъ! Родной садъ — побитъ морозомъ, градомъ, червемъ!“ Но, ей-ей: червь, павшій на яблоки въ саду батюшки куда интереснѣе ему, чѣмъ червь, павшій на благословеніе божіе, мужа и жену. Не любятъ-ли они? Отвѣтитъ: „Любите“.—Несчастны? — „Потерпите“. Если бы, говорю я, хоть одинъ священникъ, не говорю сонмы ихъ, съ авторитетомъ сонмовъ, приналъ ухомъ къ сосѣднему дому и слушалъ черезъ щель въ стѣнѣ его, со скорбью и мукой, что дѣлается за стѣною, и повѣдалъ-бы объ этомъ міру, „церкви“, и раскричался-бы и расплакался-бы на улицѣ, какъ они плачутся и кричатъ на улицахъ, что Толстой ихъ обидѣлъ въ заграничномъ изданіи „Воскресенья“ — то къ ногамъ ихъ приналъ-бы міръ, а сами-бы они съ невѣроятной живостью (ну, какъ миссіонеры реагируя на „ересь“) нашли-бы средства исцѣленія для каждой боли и всѣхъ болей. Все обратно сейчасъ. До семьи — нѣтъ дѣла. Все дѣло — въ вѣнчаніи. „Поцѣловали-ли руку пресвитера церковнаго“?—„Да“.... „Тогда все кончено, сдѣлано.“ „Не поцѣловали? А, тогда — и не началось ничего; нѣтъ брака, нѣтъ семьи, таинства не было, а есть — блудъ одинъ; и, если отъ него есть дѣти — то это дѣти блуда, которыхъ родители не въ правѣ никогда назвать своими дѣтьми“.

Всѣ неудачныя и ссорящіяся семьи церковь, при такомъ поворотѣ вниманія, стала бы сама, по своему призванію, позыву расторгать, да еще и непремѣнно съ насиліемъ, какъ она расторгаетъ съ насиліемъ всѣ „незаконные браки“. Но она этого не дѣлаетъ и даже совершенно обратно: счастливые браки, но незаконные она расторгаетъ; несчастные, но законные — ни въ какомъ случаѣ не расторгаетъ. И даже когда супруги до крови доходятъ, она и тогда не допускаетъ супругамъ расходиться.

Разсмотримъ подробнѣе это „сокровище“, малѣйшимъ невниманіемъ къ которому такъ оскорбляется церковь, а по ея инспираціи — оскорбляется-же имъ и даже наказуетъ за такое оскорбленіе и государство. Въ данномъ случаѣ, въ области брака, церковь всегда имѣла „два меча и двѣ короны“ — духовную и свѣтскую, ей строго повиновавшуюся. Богъ сотворилъ Адама и Еву, плоти ихъ, страсти ихъ; великолѣпное Адамово восклицаніе при воззрѣніи на красоту Евы, и въ Евѣ: „къ мужу — влеченіе“. Но какъ это — Божіе твореніе, то церковь, не будучи его авторомъ — и равнодушна къ нему. Она — авторъ обряда и „условій вступленія въ бракъ“: и вотъ къ этому своему сочиненію уже ревнива, какъ поэтъ къ стихамъ своимъ и прозаикъ къ прозѣ. Тутъ она ни единому частному человѣку и ни всему государству не дозволитъ переложить слова, строчки, жеста: до того все священно. Итакъ, есть двѣ вещи: сотворенная Богомъ въ комплексѣ муже-женскихъ особенностей и влеченій, анатоміи и физіологіи, и ихъ отсвѣта — психики: до нея Церкви дѣла нѣтъ. Ста-

рички, юноши, съ любовью и безъ любви, однолѣтки и разнолѣтки, съ приданымъ и безъ приданаго — она всѣхъ и съ совершенно равнымъ чувствомъ повѣнчиваетъ. „Стерпится — слюбится". Хотя замѣчательно, что во всѣхъ безчисленныхъ словахъ Писанія о бракѣ ни одного нѣтъ слова о томъ, что „бракъ данъ человѣку для долготерпѣнія". Такого текста нѣтъ. Итакъ, на золотую вещь божескаго сотворенія церковь повидимому положила, выковавъ въ III-IV вѣкѣ, золотой-же окладъ великолѣпнаго обряда. Икона, казалось-бы, священна не по существу оклада, въ который вставлена; а ужъ скорѣе окладъ цѣнится по существу иконы. Божія вещь — это матеріалъ брака, матерія его, отмѣченная и опредѣленная въ „священной" исторіи изумительными, вѣчными, не забываемыми словами. Въ бракъ сотворены были люди, и для совершенія его сотворены „мужчиною и женщиною", „мужемъ и женою"! Кажется-бы икона, съ таково-то подписью! съ такой исторіей, записанной въ твореніи міросданія! Но вотъ случилось, случается иконѣ быть вынутою изъ „оклада церковнаго": она говоритъ о вынутомъ „блудъ! проклято!" Вставлено опять въ кіотъ: „теперь — свято". Позвольте, да если икона и кіотъ соотвѣтствуютъ, если это — доброе въ добромъ, къ Божію доброму сотворенію церковь прибавила свое художественное доброе изобрѣтеніе, то они прекрасны оба, и вмѣстѣ, и порознь; хорошо — когда соединены, не прекрасно-же и тогда, когда не соединены. Церковь разбиваетъ икону (фактическій, натуральный бракъ) всякій разъ, когда она не въ кіотѣ. Что-же это за жесты? психика? что за метафизика? Ибо таковое отношеніе не единичнаго ума, а сонма головъ, думавшихъ, писавшихъ, законодательствовавшихъ, доселѣ управляющихъ — это, конечно, не lapsus linguae, а какая-то цѣлая метафизика.

Нужно было Божію вещь объявить худою, чтобы поднялась до абсолютной, непостижимой цѣнности оправа, въ которую она вкладывается. У евреевъ, которые не только національно имѣютъ всѣ слова Божіи о бракѣ, но и самый бракъ имѣютъ въ несравненной съ нами теплотѣ, нѣжности, прочности и глубинѣ, „вѣнчаніе" есть же, по обрядъ его (по академику Хвольсону, христіанину и въ то же время урожденному еврею, знаменитому гебраисту) не только не есть „таинство", но его можетъ совершить и не раввинъ, а всякій частный человѣкъ, другъ, знакомый, сосѣдъ. Тамъ это просто легкое голубое покрывало, положенное на голубую вещь Божьяго сотворенія; красивѣе такъ — и люди дѣлаютъ. Обрядъ — нарядъ. Въ радостную минуту, въ минуту столь важную — лучше выйти въ голубомъ, длинномъ, древнемъ одѣяніи. Но существо, конечно, въ одѣтомъ человѣкѣ, въ этихъ потомкахъ Адама и Евы, и наслѣдникахъ всѣхъ обѣтованій, имъ отъ Бога данныхъ. Такъ это и есть, и иначе и не могла возникнуть въ какомъ-то абсолютномъ значеніи „одежда новобрачныхъ", не будь сведены до „долу", до низу, до полнаго ничто они сами, брачующіеся, и съ ними всѣ, до нихъ побрачившіеся, вплоть даже до Адама и Евы, первой супружеской четы. Безъ проклятія брака — ничтожно вѣнчаніе, прикладная вещь; едва нужное, въ сущности — не нужное. А если онъ проклятъ? А, тогда все благословеніе брака, сущность его, сила его, надобность въ немъ — будетъ перенесена на вѣнчаніе. Вотъ происхожденіе послѣдняго, т. е. въ силѣ его, могуществѣ. Позвольте, за это заплатили кровью уже сотни, тысячи, даже милліоны (въ исторіи) дѣтей и передѣлывать этого сейчасъ нельзя; все значеніе вѣнчанія проистекаетъ изъ мысленной, сердечной, моральной и догматической проклятости самаго брака, въ натуралистическихъ его чертахъ, какъ сотворенной Богомъ вещи. Она — гадка, а передѣлываніе ея изъ гадкаго въ годное и происходитъ черезъ вѣнчаніе. Привѣшивается золотая пломба къ омерзительной рогожѣ. Рогожа сама по себѣ (супружество, дѣти) не только не имѣетъ какой-нибудь цѣны, но стоитъ въ цѣнности ниже нуля („блудъ", „прелюбодѣйныя дѣти", обычно убиваемыя); но прочнымъ, не разрываемымъ шнуркомъ къ ней привѣшивается золотая пломба съ надписью: „подо мною значущееся — вещь невѣроятной цѣны; а свидѣтельствую объ этомъ я, стражъ небесныхъ дѣлъ". Теперь вдругъ

рогожа становится невѣроятно драгоцѣнна, тѣти святы, сожитіе — свято же; все — нерасторжимо. Хотя бы никакого содержанія въ „сожитіи" ихъ не было, кромѣ интереса мужа къ приданому жены, и жены — къ физіологическимъ силамъ мужа, т. е. рогожа и правда въ данномъ исключительномъ случаѣ была бы дѣйствительно грязна.

Докладъ о. Михаила невѣренъ не только въ томъ, что у него — заглавіе одно, а содержаніе другое (любовничество, какъ впрочемъ и въ рѣчахъ не только о. Налимова, но и проф. П. И. Лепорскаго, проф. С. А. Соллертинскаго, да и всѣхъ участниковъ собранія, кромѣ одного М. А. Новоселова, который откровенно бракъ — проклинаетъ, а вѣнчанія — требуетъ): но онъ не вѣренъ и въ томъ отношеніи, что утверждаетъ, будто „бракъ (любовничество) весь до дна чистъ"; что противорѣчитъ діаметрально ученію церкви, которая учитъ, что все брачное, отъ любви до супружескаго соединенія и самаго рожденія дѣтей и, наконецъ, сами дѣти — есть скверна внѣ церковнаго освященія, безъ церковнаго освященія, до церковнаго освященія. О. Михаилъ — профессоръ каноническаго права въ С.-Петербургской Духовной Академіи, неужели же онъ забылъ, что только при императорѣ Александрѣ III было разрѣшено супругамъ, вступившимъ въ бракъ, усыновлять дѣтей, ими до брака рожденныхъ? Нѣтъ, засыпать землицей дѣтскую кровь, „чтобы не видно было", вамъ никто не позволитъ. 900 лѣтъ, безъ малѣйшаго протеста хотя бы единаго священника и монаха, положимъ изъ 6-ти дѣтей такихъ-то родителей, старшее еще до вѣнчанія рожденное такъ и не могло сказать прочимъ: „братецъ", „сестрица"; и родители сколько они ни плакались объ отъединеніи этого шестого отъ пятерыхъ, церковь ихъ плачемъ не тронулась и государство не пощадило. О, какъ трудно говорить: да что ему, государству, за дѣло до чрева жены моей, до монхъ чреслъ? Но государство чувствовало себя твердымъ, повинуясь „святымъ уставамъ церкви", которая всегда учила, что внѣ ея „благословенія", а въ сущности — позволенія (въ монастырях, когда послушникъ просится у игумена выйти, тотъ его „благословляетъ выйти": архіерей священника „благословляетъ сказать слово", и, словомъ, мягкое церковное „благословеніе" всегда равняется и означаетъ просто суровое: „позволяю", не „позволяю"). сожительство есть блудъ, и дѣти суть „прибудные", нечисть и скверна, которую нельзя поставить въ счетъ человѣческій. Развѣ бы можно было точно людей, человѣческихъ младенцевъ убить тысячи, сотни тысячъ, не ужаснувшись?! Но ужаса никто, кромѣ матерей — исполнительницъ казни, не чувствовалъ; т. е. для государства и церкви они были какъ бы слѣпыми щенятами, „безъ свѣта Христова на нихъ".

Анализируемъ привѣску пломбы, составъ „кіота".

Сходитъ, черезъ посредство священника, благодать на „сочетавающихся" и невидимо (еще бы видимо!) „сочетаетъ" ихъ въ „плоть единую"; послѣ чего оба и становятся: онъ — не холостымъ, а „женатымъ", она — не дѣвицею, а „замужнею". На этомъ и основаны были фиктивные браки: что куда бы они ни разъѣзжались, онъ „уже женатъ", а она „замужняя". Напротивъ, родившая дѣтей безъ вѣнчанія — все „дѣвица", ибо ни съ кѣмъ не „сочеталась" черезъ „благодать". Весь позоръ дѣвицъ съ ребятами отъ этого и происходитъ: не считали бы ихъ „дѣвицами"; какъ же бы они стыдились истины своего положенія? Но вотъ существуетъ и примѣняется законъ и дозволеніе, что въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда жениху невозможно лично присутствовать при „бракосочетаніи", по болѣзни, а еще чаще по невозможности пріѣзда, а между тѣмъ заключеніе брака (напримѣръ, по политическимъ соображеніямъ) очень нужно и притомъ нужно безотлагательно, то церковью разрѣшается жениху послать замѣстителя себя: этотъ замѣститель и становится съ невѣстою подъ вѣнецъ.... На кого же тогда сходитъ благодать? На замѣстителя? Но тогда онъ бы и „сочетавался" съ невѣстою, дѣлался мужемъ ея, что церковь отвергаетъ. Нѣтъ, невѣста становится женою того отсутствующаго жениха; но, вѣдь, благодать очевидно же туда, напримѣръ, въ Англію или Францію, не перешла? Она

творилась, низводилась здѣсь, въ этотъ часъ, въ этомъ мѣстѣ храма и этимъ священникомъ. Все „этимъ", „это" — и никакъ это не могло относиться къ „тому", въ Англіи. А если бы предположить, что благодать туда, въ Англію, перенеслась, то для чего тогда и замѣститель, зачѣмъ непремѣнное его здѣсь присутствованіе, очевидно можно бы вѣнчать рожденствующихъ молодыхъ людей, какъ папа посылаетъ „палліумъ" (шерстяную ленту) посвященнымъ въ епископскій санъ, безъ личнаго явленія кандидатовъ въ Римъ. Да и, наконецъ, если „замѣститель" возможенъ въ таинствѣ, то отчего очень болящаго или слабаго младенца не „замѣстить" бы здоровымъ? Отчего не „отпускать" грѣхи на исповѣди, услышавъ передачу ихъ отъ друга грѣшнаго? Отчего?... Да явно — все это было бы чудовищнымъ, кощунственнымъ, а въ вѣнчаніи оттого это не кажется таковымъ, что никакой „благодати" здѣсь церковь не предполагаетъ сходящею на людей, ничего сакраментальнаго тутъ не происходитъ, а есть это просто обрядъ, нарядъ; но не хорошій, положенный на хорошее, а хорошій, положенный на дурное, святое — на грѣшное, не только въ соотвѣтствіи ему, а въ полной съ нимъ противоположности!!!

Да такъ объ этомъ церковь и учитъ: о передѣлкѣ (черезъ вѣнчаніе) черной вещи въ бѣлую.

Проклять бракъ; трижды священно вѣнчаніе!

А если бы бракъ благословенъ былъ? — то вѣнчанія даже и не возникло бы; или оно осталось бы безъ значенія (пломба около дорогого сукна, кіота около иконы).

Вотъ исторія и метафизика возникновенія вѣнчанія.

Не возникло бы его иначе, какъ наряда, одѣянія, красоты, эстетики; безъ всякаго сакраментальнаго значенія, и, конечно, безъ юридическаго обязательства, безъ всякаго интереса къ нему государства, хотя, можетъ быть, съ большою любовью къ нему общества и единичныхъ людей. Тутъ въ эту радостную минуту все дѣлается для красоты, красиво. Но это — художество, а не „таинство" и не „законъ".

Но дѣйствуетъ-ли, хотя-бы просто какъ сила доброжелательности, „сочетавающее благословеніе пре-

свитеровъ"? Увы, картина разводовъ именно у насъ православныхъ и у католиковъ столь сильная (сильнѣйшая, чѣмъ у протестантовъ, у которыхъ нѣтъ „таинства брака", и чѣмъ у евреевъ, гдѣ вѣнчаніе только обрядъ), показываетъ, что въ вѣнчаніи содержится скорѣй какая-то отрицательно-разрушительная сила, темно-скрытая, и она тѣмъ дѣйственнѣе, чѣмъ подходятъ къ ней съ большей вѣрой въ фетишизмъ ея. Самые холодные браки (признано) — у духовенства, очень скверны они — въ крестьянствѣ, у купцовъ (грубы, жестоки, частыя свары). Я наблюдалъ — довольно теплы у учителей, у чиновниковъ, которые относятся къ вѣнчанію „такъ себѣ". И необыкновенно теплы, почти какъ у „жидовъ" — у любящихъ студентовъ и студентокъ, вообще „интеллигентныхъ молодыхъ людей", которые любятъ, женятся, плодятся, приданаго не беруть; и, увы, на вѣнчаніе смотрятъ также, какъ духовенство на семью: какъ на фикцію тяжелую, но неизбѣжную. Гдѣ этого родникъ? Въ вѣчной противоположности Бога и кумира; „кумиръ" обряда занялъ мѣсто Бога; кіотъ — образа; да и еще какъ занялъ, кѣмъ вмѣщенъ туда? Именно, онъ занялъ по закону и вслѣдствіе противоположности, съ ненавистью къ подлиннику, въ вещи, яко-бы грѣховной, какъ святое... Жилецъ убилъ хозяина и поселился на его мѣстѣ: недоброе обитаніе!

Вотъ вблизи-то къ этому „обитанію" все и рушится въ фактической христіанской семьѣ. „Психологія таинства" — неожиданная вѣроятно для о. Михаила.

* * *

„Грѣховный союзъ мужа и жены" сотворенъ Богомъ въ раю, до грѣхопаденія и внѣ расчета на грѣхопаденіе, которое было актомъ свободной воли человѣка. Разумѣется онъ никогда не былъ грѣховенъ, всегда былъ голубая вещь, золотой предметъ; но допустить это — значитъ пресвитерству уйти назадъ изъ „Каны Галилейской", собрать диптихи и метрики, отложить въ сторону бронзовые вѣнцы, а войти, по образцу Спасителя, дорогимъ и милымъ гостемъ (но только гостемъ) на свадебныя пирше-

ства, за свадебный столъ, и просидѣть просто — бѣлою его скатертью до поздней ночи, раздѣляя веселье людей и преображая присутствіемъ своимъ его изъ легкомысленнаго въ сладко-умилительное.

Теперь-же введены такіе ужасы, какъ 1. расторженіе счастливыхъ браковъ, и 2. преступное признаніе „не браками“, не „таинствомъ“ преблагополучныхъ семей, которыя безъ вѣнчанія вступили и такъ въ супружество. Какъ профессоръ каноническаго права, какъ ученый, о. Михаилъ очень хорошо знаетъ, что всѣ такія натуральныя семьи суть самые наизаконнѣйшіе браки и полное таинство „во образъ союза Христа съ церковью“, разъ что они живутъ: 1. мирно; 2. цѣломудренно; 3. чадолюбиво. Но это секретъ, просто секретъ науки каноническаго права, хранится въ глубокой тайнѣ, въ совершенномъ укрывательствѣ; отнюдь не разглашается, что обязательность вѣнчанія для подлинности брака не была требованіемъ церкви за весь періодъ вселенскихъ соборовъ и вообще всего опредѣленія догматовъ, а просто явилась по эдикту императора Льва VI Мудраго, заключившаго договоръ съ нашимъ княземъ Олегомъ, и еще позднѣе, въ XI вѣкѣ, одного изъ Комненовъ, кажется, императора Алексѣя. Цари эти были простые и въ нихъ не больше каноническаго значенія, чѣмъ въ Бовѣ-Королевичѣ.

Чтобы объявить столь нужнымъ „благословеніе пресвитера“, вѣдь надо было уничтожить, свести на „нѣтъ“ или, пожалуй, объявить „недѣйствительнымъ“ благословеніе первой четы Богомъ. Послушайте, для чего мнѣ благословеніе отца Іоанна, если я имѣю Божіе?

Могли бы вспомнить, что пророкъ Нафанъ даже Давида и Версавію не разлучилъ, не расторгъ ихъ брака, ибо хотя и преступны были его мотивы, и все было грѣшно и страшно передъ нимъ (сочетаніемъ) до самаго порога дѣла, — однако уже потомъ „яже Богъ сочета — человѣкъ да не разлучаетъ“. Но Библія забыта. Не только примѣръ Давида и Вирсавіи не былъ выполненъ для спасенія христіанскихъ семей и напр. христіанской семьи Повало-Швейковскаго, но и она сама губилась на основаніи Венеры

Римской. А что Библія была забыта не только въ 1827 году, но и въ первыя времена христіанства не читалась иначе, какъ извѣстное лицо у Гоголя читаетъ алгебру, это можно видѣть изъ того, что при вопросѣ: „ну, а какъ же устроить и расположить христіанскую семью?“ — полѣзли подъ хитонъ къ Венерѣ, просто на просто забывъ, что объ этомъ уже говоритъ Богъ черезъ Библію. А такъ какъ забыть этого невозможно, ибо Библія все таки почитывается, то не повѣрили ей, какъ и Петрушка не вѣритъ, конечно, алгебрѣ.

Все это о. Михаилъ долженъ въ предстоящей ему обширной дѣятельности, какъ преподавателя, довести до свѣдѣнія міра, скорбнаго, униженнаго, и, позволю себѣ сказать, обкраденнаго отъ самаго для него великаго и нужнаго таинства, притомъ единственнаго, ему непосредственно даннаго.

Тема брака слишкомъ сложна, чтобы ее исчерпать. Ограничусь наброскомъ слѣдующихъ, недоумѣній, которыя томятъ меня:

1. Отчего бракъ стоитъ въ церкви какимъ-то одинокимъ таинствомъ? Къ нему нѣтъ подступовъ, полутѣней ни въ музыкѣ церковной, ни въ живописи. Возьмите таинство покаянія: тамъ вѣдь звуками покаянными проникнуто множество церковныхъ напѣвовъ, картинами покаянія, житіями покаявшихся людей церковь полна и въ преданіяхъ, и въ иконахъ. Бракъ какъ „дикое мясо“ на организмѣ: выньте его изъ церкви, — и вамъ для этого не придется разрывать ризъ церковныхъ. Попробуйте затронуть покаяніе — и вы разстроите весь планъ церкви.

2. Кана Галилейская едва ли не принимается „всуе“ въ ученіи о бракѣ. Іисусъ посѣщалъ мытарей, т. е. сборщиковъ податей, но окладные и неокладные сборы и все министерство финансовъ не ввѣрены отъ этого пресвитерамъ. Онъ чудесно накормилъ пятью хлѣбами пять тысячъ народа; но хлѣбопекарни не объявлены во власти церкви. Чудесный уловъ рыбы не созидаетъ правъ церкви на Каспійскіе рыбные промыслы. Явно, что богословы, ссылаясь на Кану Галилейскую, употребляютъ чистый софизмъ.

О нѣкоторыхъ подробностяхъ церковнаго воззрѣнія на бракъ.

Мнѣ очень совѣстно, что я хочу вторично занять вниманіе нашего собранія на 20 минутъ. Я это дѣлаю для того, чтобы обратить вниманіе духовныхъ особъ и мірянъ на нѣкоторыя такія стороны седьмого таинства, которыя никогда не подвергались обсужденію.

Переберемъ его аксіомы. Бракъ есть „таинство церкви“. Міръ склонилъ передъ этимъ голову. Таинство это выражается черезъ вѣнчаніе. Міряне не оспариваютъ. Вѣнчаніе „грѣховный плотскій союзъ очищаетъ, освящаетъ“. Приняли и это. Итакъ, вѣнчаніе какъ бы раздѣлило грязныя воды „блуда“ отъ чистыхъ водъ брака и сотворило по Апостолу „бракъ честенъ и ложе не скверно“. „Да! да!“ — скажутъ духовные; „такъ именно мы и учили міръ, къ этому міряне уже пріучены“. И вотъ отчего съ такимъ крайнимъ напоромъ всѣ ищутъ вѣнчанія, страшатся вступить безъ него въ связь. Ибо кто же захочетъ понести на себѣ укоръ „блуда“, первый оттѣнокъ желтаго билета, начальную полосу этого позорнаго спектра?

Но такова ли и внутренняя мысль церкви, какъ это внѣшнее и громогласное высказываніе ея, по которому учился міръ? Увы, очистительная послѣ рожденія младенца молитва читается въ тѣхъ самыхъ терминахъ, безъ малѣйшей перемѣны словъ, въ бракѣ послѣ вѣнчанія, какъ и въ блудѣ до вѣнчанія. Воды чистыя и нечистыя — сливаются. Оказывается, вѣнчаніе ничего не „преобразило“ изъ темнаго въ свѣтлое, ничего не „очистило“. И „бракъ скверенъ“, и „ложе нечисто“ — въ церковью благословенномъ сожитіи, какъ и въ неблагословенномъ.

Каково же благословеніе? Мы говоримъ уже не о дѣйственной его силѣ, которая по разуму самой церкви, въ приведенномъ фактѣ выраженномъ, не дѣйственна, а объ искренности. Издали, на глазахъ народа, въ пышномъ обрядѣ, при зажженныхъ букахъ свѣчей, словомъ, когда все ярко, видно, свѣтъ бьетъ въ окна, стоитъ на улицѣ день, глаголются добрыя слова безъ всякаго укора, и вѣдь въ силу то ихъ къ „доброму пастырю“ и набѣжалъ народъ благословиться на „бракъ честенъ, ложе нескверно“. Но вотъ исполнилось благословеніе. Ночь. Уединенная комната. Черезъ запертыя ставни не пробивается и луннаго луча. Нѣтъ гостей и вообще нѣтъ свидѣтелей, свидѣтельствованія. На постели лежитъ утружденная, настрадавшаяся, а вмѣстѣ и несказанно обрадованная первымъ сыномъ женщина. Она до того погружена въ себя, и такъ слаба еще отъ болѣзни, что видитъ только зрительно, что вошелъ священникъ, и радуется, восхищается этому, что видитъ церковь другомъ себѣ въ такую минуту. И мужъ, также въ страшномъ волненіи, озабоченный здоровьемъ жены, тоже все лишь зрительно видитъ и, конечно, не вникаетъ въ смыслъ произносимыхъ словъ. Въ этомъ полномъ уединеніи и въ сущности никѣмъ не выслушиваемый, священникъ, конечно, скажетъ ту внутреннюю мысль церкви, такъ сказать, свободную, не стѣсненную присутствіемъ зрителей, настоящую, подлинную; скажетъ вдохновеніе церкви въ отличіе отъ утилитарно-приличныхъ словъ, наружу прозвучавшихъ въ вѣнчаніи. Вотъ они: „прости ей, Господи, днесь родившей, грѣхъ ея, понеже вси мы есмы сквернавы передъ Тобою“.

Ложе было и въ этомъ законномъ бракѣ „скверно“, „грѣховная плотская связь“, какъ она стояла до вѣнчанія, такъ и осталась. Вѣнчаніе ничего не перемѣнило. Оно именно есть утилитарная вещь; я думаю, чтобы міру не было страшно. „Какъ же ты, мать святая церковь, смотришь на рожденіе?“ Она отвѣчаетъ: „на семью, на бракъ? Сорадуюсь имъ и вотъ въ свидѣтельство этого я благословляю ихъ“. Это именно отвожденіе страха въ сторону. Но вотъ

онъ отведенъ; міръ радуется, играетъ, „плодится, множится“. „Все это — грѣхъ“, произноситъ церковь безмолвно, неслышно, шопотомъ.

Я замѣтилъ въ первомъ докладѣ нашему собранію, что вѣнчаніе стоитъ одиноко и отрѣзано въ церковномъ строѣ; это какъ „коховская палочка“, капсулировавшаяся въ заболѣвшихъ было, но выздороровѣвшихъ легкихъ. Она есть и она болѣзнетворна, смертоносна для существа легкихъ: но она капсулировалась, т. е. со всѣхъ сторонъ окружилась непроницаемою тканью. Такъ и вѣнчаніе: полейся его тоны, мистическіе и нѣсколько страстные по задачамъ плотскаго союза въ музыку церковную, въ живопись церковную и церковь вся начала бы преображаться,

Ну, скажите, что̀ черные лики, старческіе, изможденные, смотрящіе изъ кіотовъ храма, могутъ сказать собою или отъ себя самимъ вѣнчающимся? Вѣдь только отъ того, что никто изъ вѣнчающихся, радостно въ себя погруженныхъ, и никто изъ празднично настроенныхъ гостей не оглядывается кругомъ и не вглядывается въ церковные лики, — только отъ этого невниманія никто не замѣчаетъ, до чего странная и чуждая толпа вошла въ храмъ съ чуждыми храму мыслями, чувствами; до чего она самому храму не нужна и, по правдѣ сказать, враждебна. И вотъ они вышли. Остался священникъ одинъ. „Наше мѣсто чисто! Слава Богу!“ могъ бы онъ облегченно вздохнуть, кладя земный и почти извиняющійся за минутное оскверненіе храма поклонъ передъ темными и суровыми ликами, какъ бы чуть-чуть погрознѣвшими даже за минуту вѣнчанія.

Несоотвѣтствіе храма и вѣнчающихся въ немъ — поразительно. Это какъ рой пчелъ, залетѣвшій въ комнату. Останься они здѣсь, задержись: или они пережалятъ людей, или люди передавятъ ихъ. Сдѣлаемъ опытъ, секундный, страдальческій, мысленный, но окончательно рѣшающій вопросъ о чистосердечіи благословенія на бракъ: ну, задержись въ храмѣ пчелиный рой новобрачныхъ не на часъ, а на недѣлю, не для сухонькаго и внѣшняго

выслушиванія словъ о чадородіи, а также и для выполненія заповѣди объ этомъ, ссылаясь, цѣпляясь за слова: „бракъ честенъ, ложе нескверно“, — и вдругъ пелена фатаморганы спала бы съ глазъ міра. Въ храмѣ православномъ, христіанскомъ... поцѣлуи, объятія, ласки! раскрытыя перси, горячія руки!! и дальше, больше — самое заберемененіе!!! Я дѣлаю страдальческій опытъ. Онъ нуженъ. Онъ учитъ насъ, что, по воззрѣнію церковному, мы „всѣ незаконнорожденные, все въ бракѣ — блудъ“. Храмъ послѣ нѣсколькихъ сутокъ, проведенныхъ въ немъ счастливыми Ромео и Юліей, Лизою Калитиной и Лаврецкимъ, молодымъ посвященнымъ священникомъ и его матушкой, пришлось бы вторично освятить. такъ онъ неслыханно, невыразимо оскверненъ, оскорбленъ, искаженъ, до основанія метафизически разрушенъ... счастливыми минутами новобрачныхъ, казалось бы невинными и благословленными (въ вѣнчаніи!)

Вотъ ужъ когда „разодралась бы завѣса церковная“, не въ матеріи ея, а во всемъ цѣломъ смыслѣ храма, какъ таинственнымъ образомъ въ секунду Голгоѳы „разодралась отъ основанія до верха завѣса“ въ вѣтхо-завѣтномъ храмѣ! Скажутъ лукаво: „это не грѣхъ, а только не своевременно и не своемѣстно“. Нѣтъ, вотъ школы въ церкви есть; есть парты, ученики, немножко даже шалостей ученическихъ, хотя ученіе не есть „таинство церкви“. А, вѣдь, „бракъ — таинство церкви“; этимъ обнадеженъ міръ. Да, но вотъ превращеніе части храма въ классъ — не оскверняетъ, не разрушаетъ его, а подлинное превращеніе храма, не въ чтеніи и слушаніи, а самымъ дѣломъ, плотію и кровію, въ „Кану Галилейскую“ покачнетъ „камень Петровъ“ отъ земли до неба. Замѣтимъ насчетъ Каны Галилейской, что у евреевъ бракъ всегда совершался на дому и именно въ покояхъ дома, окружавшихъ „хуппу“, отдѣльный переносный шатеръ, гдѣ новобрачные оставались наединѣ для исполненія заповѣди чадородія. Оттого Спаситель ихъ и не видитъ въ евангельскомъ разсказѣ, что ихъ среди гостей уже не было. Вотъ такая-то

„хупна“, бывшая въ Галилеѣ, не противорѣчившая Ветхому Завѣту, завѣту обрѣзанія, она, какъ часть храма (разъ уже бракосочетаніе происходитъ у насъ не на дому, а въ храмѣ), совершенно несовмѣстима съ завѣтомъ крещенія и невообразима въ церкви нашей. Послушайте: около „хуппы“ — и цвѣты; вокругъ нея — гости! пиршественный столъ и самое вино какъ въ „Канѣ Галилейской“. И все это — въ храмѣ!! Священники зачитаютъ хоромъ: „да воскреснетъ Богъ“, эту молитву огражденія отъ „нечистой силы“.

Бракъ есть въ церкви только вербально, а въ самой вещи его нѣтъ и быть не можетъ, пока строй сущей церкви цѣлостенъ.

Отношеніе къ браку неискренно; начать къ нему искренно относиться значитъ для церкви начать преображаться (иная живопись, новая музыка, цвѣты, въ храмѣ растущіе, земляца на полу его, и проч.).

Благословеніе брачущимся произносится губами, а не сердцемъ. Изъ сердца долженъ будетъ вырваться новый вопль, потрясающій стѣны, необыкновенный, страшный: до того все былое въ церкви христіанской абсолютно, какъ бы и до „того свѣта“, не совмѣстимо съ храмомъ, таинственно-брачнымъ, если-бы въ него, ну хоть подъ напоромъ начавшейся критики, вдругъ начала преображаться живопись и музыка теперешняго православнаго храма!

Ну вотъ проф. Налимовъ мудро началъ говорить о влюбленіи юныхъ, этомъ главномъ чувствѣ, безъ котораго бракъ не начинается, не заключается, не долженъ бы заключаться. Введите однако этотъ прекрасный и должный моментъ въ музыку вѣнчанія взамѣнъ грубаго, а главное сухого какъ пропись дьяконскаго возгласа: „жена да боится своего мужа“: польются звуки мистической любви, слова заговорятъ о звѣздахъ, о цвѣтахъ, о томленіяхъ влюбленія, о лунной ночи и томительныхъ ожиданіяхъ, о завтрашнихъ объятіяхъ и поцѣлуяхъ. Ну, пусть проф. Наломовъ скажетъ; развѣ это можно бы ввести въ вѣнчаніе, а такое вѣнчаніе совершить въ нашей церкви?

А между тѣмъ слова проф. Налимова звучали хорошо. Никто ихъ не находилъ неблагородными, что-либо уничижающими, марающими. Да, но церковь они замарали бы. Тутъ несовмѣстимость категорій, тутъ расхожденіе категорій. Вѣдь въ вѣнчаніи ничего брачнаго нѣтъ: сухонькія слова, маленькое нравоученіе, аллегорическія формулы, и никакого къ браку не имѣющіе отношенія жесты и движенія. Ну, помѣнялись кольцами. Что это выражаетъ? Ничего или что-то смутное. Обошли вокругъ аналоя. Это что выражаетъ? Обошли или не обошли — это не есть ни да, ни нѣтъ въ отношеніи къ браку. Пронесли короны надъ головами — значитъ радостно; но почему это спеціально брачная радость? Просто — радость, вообще. Приложились ко кресту — это всегда бываетъ послѣ обѣдни. Но вообразите, что бракъ совершился-бы, какъ въ Галилеѣ, на дому и только при родныхъ, и что при словахъ о чадородіи совершалось бы священникомъ помазаніе елеемъ персей новобрачныхъ, съ молитвой о благополучномъ и благодатномъ питаніи будущихъ дѣтей. Но это уже такъ же невозможно ввести въ теперешній обрядъ и внести въ теперешній нашъ храмъ, какъ и разсужденіе о. Налимова о влюбленіи, какъ прекрасномъ и необходимомъ моментѣ брака. Обнаженныя перси дѣвы-невѣсты? Священникъ, кладущій на нихъ знаменіе креста священнымъ міромъ, которымъ помазуется лобъ вѣрующихъ? Да и не одни перси, а и чрево, лоно, все что „по образу и подобію своему сотворилъ Господь намъ“?!! Передъ аналоемъ, крестомъ, Евангеліемъ и ликами усопшихъ архіереевъ, постниковъ, пустынниковъ, мучениковъ за вѣру, глядящихъ со стѣны алтарной?! — Невозможно! не представимо!! Дѣва нагая или полу-нагая, влюбленная и любимая, и передъ нею старый священникъ съ кисточкою и міромъ?! „Съ нами крестная сила!“ Онъ помнитъ, онъ училъ и заучилъ, что именно это всегда являлось какъ дьявольское наваожденіе — искусить пустынниковъ, святыхъ, страстотерпцевъ, теперь — его! „Съ нами крестная сила!“ — и онъ, не докончивъ обряда

или „таинства", выбѣжалъ-бы вонъ изъ храма, смущенный, испуганный, трясущійся; но, незамѣтнымъ глазкомъ души продолжая глядѣть или вспоминать открывшееся ему сладкое зрѣлище — соблазнъ? истина? Кто разрѣшитъ это? хотя и можно-бы вспомнить, что въ Апокалипсисѣ говорится о невѣстѣ Богу, а во всемъ Ветхомъ Завѣтѣ Богъ клянется Израилю, какъ Супругъ его?! Но вѣдь именно всѣ эти слова церковь обошла мимо, зажавъ уши, зажмуривъ глаза, не постигая, отказываясь вдуматься.

Ни влюбленія, ни персей, ни питанія дѣтей въ бракѣ христіанскомъ не содержится. Ничего не содержится, кромѣ хора нѣвчихъ, дьяконской октавы, священническаго тенора; но это не оригинально и не исключительно для брака, это — въ каждой литургіи, молебнѣ. Вообще вѣнчаніе прямого отношенія къ браку не имѣетъ, органической съ нимъ связи не имѣетъ. Бацилла капсулирована. Разрушьте капсулю — легкія умрутъ. Чтобы жили легкія, не давайте жить бациллѣ. Вотъ отношеніе брака и церкви.

Но зло ли бракъ въ его влюбленіи, въ его персяхъ, питаніи младенцевъ, страданіяхъ рождающихъ? Простите, слушатели, но сердце мое волнуется, едва я перечисляю рубрики и трудовъ, и радостей семейныхъ. Для меня нѣтъ ничего ихъ выше и ничего ихъ глубже. И нѣтъ болѣе твердой стези къ Богу, какъ эти труды и радости. И вы, слѣдя за моей рѣчью, входя въ мои сочувствія — сочувствуете имъ: это я знаю, почтенные слушатели, хоть и не вижу васъ. Такъ добръ родъ человѣческій, что всякое благо одного радуетъ и всѣхъ. „И мы съ тобой" — вотъ возлась простого человѣка. „Добрый возлась!" Имъ живетъ міръ. Да, но церковь не съ нами — и вотъ тутъ начинается ужасная боль, вторичное начинается „раздраніе завѣсы", уже сердечной, а не церковной. А, вѣдь, сердце наше есть тоже храмъ; это не полый, пустой мускулъ. И его завѣсы право стоятъ височныхъ завѣсъ въ царскихъ дверяхъ.

Не буду разсуждать, а стану приводить факты. Въ книгѣ Сергѣенко „Какъ живетъ и работаетъ гр. Толстой" разсказанъ слѣдующій случай. „Въ августѣ 1896 г.

въ Ясной Полянѣ произошло трагическое событіе: кучеръ нашелъ въ пруду мертваго ребенка. Вся семья Толстыхъ была очень потрясена этимъ событіемъ. Особенно удручалась одна изъ дочерей Льва Николаевича, будучи почти убѣждена, что мертвый ребенокъ принадлежитъ косой вдовѣ, скрывавшей свою беременность. Но вдова упорно отрицала взводимое на нее обвиненіе и клялась, что она невинна. Начали возникать подозрѣнія на другихъ. Передъ обѣдомъ Левъ Николаевичъ отправился въ паркъ, чтобы пройтись немного, но вернулся не скоро, при чемъ видъ у него былъ усталый и взволнованный. Онъ былъ на деревнѣ у косой вдовы. Не убѣждая ее ни въ чемъ, онъ только внимательно выслушалъ ее и сказалъ: — „если это убійство дѣло не твоихъ рукъ, то оно и страданій тебѣ не принесетъ. Если же это сдѣлала ты, то тебѣ должно быть очень тяжело теперь: такъ тяжело, что болѣе тяжелаго для тебя не можетъ быть въ этой жизни".

— „Охъ, какъ тяжело мнѣ теперь: будто кто камнемъ сердце надавилъ!" — воскликнула, зарыдавъ, вдова, — и чистосердечно призналась Льву Николаевичу, какъ она задушила своего ребенка и какъ бросила его въ воду.

Оттого онъ и былъ такъ задумчивъ." (Сергѣенко, цитированная книга).

Тутъ, господа, милліонъ вопросовъ. Разберемся въ пяти-шести. Прежде всего я думаю, Льву Николаевичу да и его прекрасной дочери, затревожившейся о косой бабѣ, многіе грѣхи, и даже церковные, простятся за этотъ вечеръ, молчаливое направленіе шаговъ къ бабѣ и за этотъ изумительный по глубинѣ вопросъ ей. По-истинѣ, нужно было въ огромное сердце писателя переложить сердчишко бабы, чтобы подслушать такъ его трепетъ. Это — одинъ вопросъ. Другой: ну, почему бы такъ не поступить священнику? Но такихъ разсказовъ о священникахъ не разсказано, ни объ одномъ, ни за какіе долгіе вѣка, а въ „задумчивости Льва Николаевича", я думаю, и промелькнулъ этотъ же вопросъ, среди серіи, среди милліона другихъ: „да почему же не они, а вотъ моя дочь, барышня

неопытная тревожится? Ей больно, мнѣ больно: — только священнику не больно". Увѣренъ, что печальнѣйшій эпизодъ расхожденія Толстого съ церковью имѣетъ мотивомъ въ себѣ вотъ такія безмолвныя и многочисленныя наблюденія, что очень какъ то неболящіе первы у духовенства; мимо всего-то они проходятъ холодно. Теперь оставляю эту рубрику вопросовъ Толстого и перехожу къ собственнымъ. Хорошо проф. Налимовъ говорилъ о влюбленіи. Великій, онъ говорилъ, фактъ, міровой фактъ, гдѣ-то въ звѣздахъ завитый, оттуда сходящій на землю. Но представьте, что испытать міровое это чувство влекутся всѣ, текущіе отъ Евы, „яко та есть мать жизни"; и всѣ же покорны слову Божію, сотворяющему, передѣлывающему по Своему человѣка: „и къ мужу влеченіе твое (женщины) и онъ будетъ господствовать надъ тобой". Сейчасъ эти слова церковь объяснятъ, какъ относящіяся только къ законному мужу и послѣ вѣнчанія; но вѣдь тогда Богъ бы сказалъ Евѣ: „вотъ, Ева, — ты согрѣшила; и когда черезъ пять тысячъ лѣтъ будетъ вѣнчаніе, тогда законныя жены будутъ имѣть влеченіе къ законнымъ мужьямъ, а законные мужья будутъ надъ ними господствовать". Вообще, господа богословы вѣчно какъ бы укоряютъ Бога въ неточности словъ, ибо подставляютъ взамѣнъ натуральнаго смысла ихъ какой то невѣроятный, и это безъ всякой оговорки, безъ смущенія и грусти. Точно Бога нѣтъ, а они одни въ пустомъ мірѣ за Него разговариваютъ. Ясно, что Богъ сказалъ о существѣ твари женской въ отношеніи мужской, а не о православныхъ законныхъ женахъ. И вотъ эта косая солдатка только оказалась безсильна противъ воли Божіей, хотя гипнотизированная стыдомъ передъ рожденіемъ, долго-долго вѣрно ей противилась. Но слово Божіе мимо не идетъ и клонитъ дубы, а не то что трость. Правъ о. Налимовъ, а къ мысли его о всемірномъ влюбленіи я прибавлю свою скорбь о косомъ глазѣ вдовы. Ну, что ей было дѣлать съ косымъ глазомъ? Никому она не нравилась, и годы ея вѣрно были не молодые, и при словахъ: „возьми меня невѣстою" — вѣрно всякій бы засмѣялся. Но, господа, но, христіане, тутъ ея бѣдность, и неужели у бѣднаго мы снимемъ и послѣднюю рубаху? Богатства ей никто не далъ и никто бы ради ея потребности въ любви не принялъ бы на себя тяжеловѣсныхъ и длительныхъ обязательствъ. „Тогда воздержись", — скажетъ о. Дернов. И воздержалась бы, но Божій глаголъ: „и онъ (мужчина) будетъ господствовать надъ тобой" — давитъ на нее сильнѣй о. Дернова. Вотъ гдѣ коллизія, что Дернова требованіе встало въ упоръ противъ Господняго и Господне одолѣло. А я приведу и примѣръ: можно ли сказать, что Моисей вписывалъ въ книги свои разсказы такъ себѣ, какіе попадутся, а не такіе, которые служатъ каждый раскрытіемъ огромной міровой истины? Богословы наши вѣдь совершенно отвергаютъ боговдохновенность всего Ветхаго Завѣта, признавая его тоже, какъ и бракъ, только концами губокъ, а не бурей сердца. И такъ для чего, для какой надобности Моисей включилъ въ книгу Бытія разсказъ объ уединеніи Лота, отсутствіи людей кругомъ его жилища и печальномъ словѣ дочерей его — одной къ другой: „намъ уже не отъ кого зачать дѣтей по обычаю всей земли". Въ еврейскомъ текстѣ звучитъ выразительнѣй: „по закону всей земли". И вотъ, какъ сомнамбула черезъ страшную пропасть идетъ по узенькой дощечкѣ, чтобы совершить что-то, указанное ей луною и какимъ то „тѣмъ свѣтомъ", для насъ закрытымъ, — ей открытымъ, такъ двѣ дочери Лота одна за другой приходятъ къ чудовищному поступку, чтобы исполнить „законъ земли", а въ сущности — еще въ раю данную заповѣдь Адаму и въ немъ всему роду человѣческому. Но слушайте дальше разсказъ Моисея, и вы извлечете урокъ для нашего времени: одна за другою дочери объявляютъ громко, отъ кого онѣ зачали. Какой урокъ, какое предвидѣніе грядущихъ судебъ! Да вѣдь начать сокрывать, отъ кого и какъ произошло зачатіе — значитъ прямо ступить на первую ступеньку той лѣстницы, послѣдняя ступень которой навѣрное обагрится дѣтской кровью.

Теперь возвращаюсь къ случаю Толстого. Онъ со-

вершенно аналогиченъ разсказанному мною прошлый разъ эпизоду съ Новало-Швейковскимъ. Тамъ растоpгнуто уже бывшее; здѣсь есть попытка помѣшать неодолимому. Въ обоихъ случаяхъ идетъ борьба противъ рожденія, post factum и ante factum. Въ сущности одно и тоже въ обоихъ случаяхъ; только тамъ дѣло дошло до государя и митрополита, а здѣсь выразилось обыкновеннѣе, но зато какъ повседневно и повсюду: именно, что вотъ барышня Толстая и онъ самъ, еретикъ, смутились въ сердцѣ своемъ, заволновались, а мѣстный приходскій священникъ остался на мѣстѣ. Священнику всего менѣе есть дѣла до рожденія, — вотъ коренной фактъ, который я здѣсь всесторонне выясняю, хотя, вотъ видите-ли „бракъ есть“ спеціальное ихъ „таинство“. Теперь я анализъ продолжу впередъ. Около имѣнія Толстого или гдѣ въ другомъ мѣстѣ совершилось такое же, какъ пишетъ Сергѣенко, „потрясающее событіе“: въ дровяномъ сараѣ, въ пруду, на чердакѣ, на улицѣ въ морозный день нашли мертваго ребенка. Книгу Сергѣенко, вѣроятно, множество духовныхъ лицъ прочли, и вотъ я задумался надъ разсказаннымъ фактомъ, а они — едва ли. Ихъ все смущаетъ, видите-ли, — „не штундистъ ли Толстой?“ Это конечно, „язва въ пяту церкви“, а мертвый ребенокъ оказался „язвой въ пяту Толстого“, а для церкви — это даже и не заноза; не заноза въ бытіи христіанскаго міра, штундизмомъ колеблемаго, а дѣтоубійствомъ не колеблемаго. Тутъ-то и пунктъ моихъ размышленій: въ опредѣленіи степеней важнаго и малозначительнаго болящаго въ сердцѣ и едва щекочущаго. Итакъ, найденъ мертвый ребенокъ въ какомъ-нибудь приходѣ, ну, напр., одного изъ здѣсь присутствующихъ священниковъ. Можетъ быть, на будущій годъ другой трупъ будетъ найденъ. Можетъ быть и, даже, вѣроятно. Приведенный въ смятеніе, какъ Толстой или его дочь, священникъ, верховодитель брака и всѣхъ его составныхъ частей, не долженъ ли былъ-бы войти на каѳедру церковную и вмѣсто обычнаго поученія, что по воскресеньямъ надо ходить въ церковь, а въ посты не употреблять молока, сказать бы: „что вы такъ

мятетесь, дочери Евы? Стыдно, грѣхъ, упрекаю васъ, обязанъ по должности, но вотъ слушайте. Слушайте, члены собранія. Стыдъ этотъ и грѣхъ гораздо легче, чѣмъ вы ощущаете, это стыдъ и грѣхъ только по щиколки, ну по-поясъ, но не по горло, не до макушки, чтобы залить водой младенца, удавить его. Постыдившись маленько, придите ко мнѣ на исповѣдь, отпущу я такой грѣхъ, а она пусть себѣ раститъ ребеночка на радость людямъ и во славу Божію. А вы, родители, которые станете мучить дочерей своихъ до глубины дѣтоубійства — тѣмъ я причастія не дамъ. Ибо отрекаться отъ дитяти своего въ несчастіи (дѣвушка — роженица) — это хуже каинова окаянства“.

Я боюсь, что слушатели недостаточно уловили суть моей мысли. Теперь стыдъ рожденія вмѣ вѣнчанія доходитъ до горла, до удушенія дѣтей. Такъ, это всѣ знаютъ. Теперь, чтобы дѣти не убивались, надо этотъ стыдъ понизить, разъяснить, оговорить, сдѣлать ссылки на Лота и на слова: „мужъ будетъ господствовать надъ тобою“, надо надѣть узду (скажу жестокое слово) на безчеловѣчныхъ родителей, выгоняющихъ такихъ дочерей прямо на улицу, на морозъ, безъ хлѣба, помощи. Позвольте — вотъ аналогія. За стѣнами нашего собранія стоитъ человѣкъ и мы навѣрное знаемъ, что онъ удавится, если мы не покончимъ наше собраніе въ 11 вмѣсто 12 часовъ. Такъ мы непремѣнно всѣ выбѣжимъ отсюда въ 11 часовъ, дабы предупредить совершенно безсмысленное и насъ ни мало не касающееся, однако же роковое для жизни маніака его рѣшеніе. „Кровь его да не будетъ на рукахъ нашихъ“ — возопимъ мы и разбѣжимся, радуясь, что спасли жизнь человѣку, хоть и прервали интересныя пренія. Совершенно въ подобномъ положеніи и церковь. Достаточно ей сказать:

— Стыдитесь меньше!

И дѣтоубійства не будетъ. Но она всѣ вѣка говорила, хорошо зная, что дѣло уже и безъ того дошло до дѣтоубійства: „вы мало стыдитесь! вы — безстыдницы! Стыдитесь **больше**!...“ И этимъ тысячелѣт-

нимъ напоромъ мнѣнія произвела дѣтоубійства. Вѣдь есть коллективный гипнозъ, какъ есть и индивидуальный.

Стыдъ этотъ столь великъ и неотразимъ и именно религіозенъ, а не политиченъ, что не было даже монарха, монархини, который объявилъ бы о своемъ ребенкѣ, внѣ вѣнчанія рожденномъ. А Моисей примѣромъ Лота указалъ: „всегда надо это объявить". Церковь всего этого круга идей не сообразила. Она не приняла бездны словъ о рожденіи въ Св. Писаніи. Она помнитъ только власть, авторитетъ. Я сказалъ уже, что бракъ церковный въ отличіе отъ міроваго, отъ всемірной его концепціи, — ни дѣтей, ни супружества, ни любви, да и вообще ничего въ себѣ не заключаетъ; есть fata morgana, издали манящее обманчивое изображеніе, подобіе. Полная мысль брака конечно заключаетъ въ себѣ сбереженіе всѣхъ дѣтей и всего человѣческаго сѣмени, о которомъ сказано, что оно „сотретъ главу змія". Кстати объ истолкованіи Писанія. „И сѣмя жены сотретъ главу змія" (Бытіе IV). Слова эти ухитрились истолковать въ Мессіанскомъ смыслѣ, въ то-же время оставляя догматомъ церкви ученіе, что Мессія родился отъ дѣвы, virgo, puella до, во время и послѣ рожденія. Опять поправка точныхъ словъ Божіихъ, будто Богъ косноязыченъ и не сумѣлъ, ожидая корректуръ богослововъ, обозначить точно: „и вражду положу между тобою (зміемъ) и Евою и отъ сѣмени ея изойдетъ Дѣва, которая сотретъ главу тебѣ", или: „рожденный отъ Дѣвы нѣкогда сотретъ главу тебѣ". Конечно, до грѣхопаденія давшій заповѣдь чадородія — изрекъ тотъ общій „законъ землѣ", что чадородіемъ будетъ „стираться глава змія", ибо съ грѣхомъ пришла смертность на человѣка, но черезъ рожденіе это новое его качество остается только личною бѣдностью, но сохраняется общее Адамово или всего рода человѣческаго безсмертіе. Страданіе мое — останется, но страданіе насъ исчезнетъ. И человѣчество, какъ corpus universalis — безсмертно и безгрѣшно. Болѣзнь при родахъ опять объясняется: женщина въ секунду родовъ имѣетъ въ себѣ двѣ жизни, удвоенную жизнь, какъ бы квадратъ ея. „Уязвленіе въ пяту" Евы зміемъ и сказывается въ родовыхъ мукахъ: дьяволъ какъ бы страется вырвать эту побѣду надъ нимъ, или, какъ въ Апокалипсисѣ сказано: „драконъ пускаетъ воду во слѣдъ женѣ". Болѣзнь есть отмщеніе дьявола за позоръ свой, пораженіе — и церковь конечно должна бы каждой роженицѣ и каждому новорожденному воздать хвалу, какъ моменту побѣды въ вѣковой борьбѣ съ дьяволомъ. Вѣдь не отвергаетъ же церковь, что грѣхъ и дьяволъ принесли смерть именно, смертность; и что эта смертность человѣческаго рода встрѣчаетъ препятствіе себѣ, да и прямо разрушеніе себя, въ рождаемости. „Смерть, гдѣ твое жало?" — можетъ воскликнуть роженица, поднимая на рукахъ младенца и испуская духъ сама. Рожденіе — свято, даже святѣйшій на землѣ актъ, какъ вѣчная побѣда надъ первороднымъ грѣхомъ И вотъ тутъ-то, въ опредѣленіи своего отношенія къ рожденію, церковь и запуталась. Ей надо было всячески и безмѣрно поощрять рожденіе, въ храмовой живописи, литургическихъ пѣснопѣніяхъ, въ мудромъ законодательствѣ — роскошномъ, бѣломъ, съ сосцами для питанія не то, что человѣческихъ младенцевъ, но, кажется, всякой былинки. Ей бы ввести національные праздники древо-насажденій, цвѣто-поливовъ; ввести какъ абсолютную подробность брака не „обыскъ" и „метрики", а дачу юнымъ бракосочетавшимся по парѣ домашнихъ животныхъ, въ подмогу жизни и примѣръ плодорожденія: какъ и животныя естественно окружили Виолеемъ, прообразъ и мечту всякой молодой, идеальной семьи. Съ животными, около животныхъ — всегда мягче люди. Если бы церковь, черезъ несчастныя семинаріи и академіи, черезъ ихъ схоластику, монашескій духъ и книжность, не заперла на ключъ отъ учениковъ своихъ первую заповѣдь человѣку: вѣрю я, что и безъ моихъ подсказываній и настоящій юные священники отерли-бы слезы рождающимъ дѣвушкамъ, пугнули-бы жестокость родителей ихъ, прижали-бы къ груди младенцевъ ихъ. Это — они, а не Гете, разсказали-бы судьбу Гретхенъ и

Фауста. Они приняли бы на любящее лоно свое и косую вдову, о которой повѣствуетъ Сергѣенко, согрѣвъ ее, поцѣловавъ ее братскимъ цѣлованіемъ, и прямо, какъ говорю я, помазавъ елеемъ перси ея для питанія яко-бы „приблуднаго“, а въ сущности утроенно законнаго (грудность исполненія заповѣди) и усиленно священнаго ребенка. Трудно (скорбно) было дочерямъ Лота; зато отъ двухъ (только) зачатій изведены были (Богомъ? конечно! — ибо происхожденіе то племенъ, уже конечно есть воля Божія) два отдѣльныхъ и самостоятельныхъ народа, съ историческою судьбой (амаликитяне и моавитяне). Трудно копаніе — хорошъ жемчугъ. Не гнѣвайтесь на настойчивость мою: право-же, изъ двухъ крайностей больше правды въ этой, чѣмъ въ утопленномъ ребенкѣ и ея грустныхъ-грустныхъ словахъ.

— „Охъ, какъ тяжело мнѣ. Будто кто камнемъ сердце надавилъ“!

Но философъ можетъ сказать больше, чѣмъ солдатка. Эта каменная тяжесть, если мы совѣстливы, — должна распредѣляться по всему христіанскому міру и придавить каждое наше сердце щепоткой смертной земли. Да это и есть, хоть мы довольно безсовѣстны и похожи на наше собраніе, которое и узнавъ, что въ 12 часовъ за стѣной его кто-то повѣсится, сказало бы: „пусть вѣшается, а мы здѣсь интересно поговоримъ“.

Христіанскія сердца суть меланхолическія, и это Богъ посыпаетъ ихъ смертною землицею, раздробляя въ нее камни единичныхъ тоскливыхъ дѣтоубійствъ и цѣлый горный хребетъ давнишняго, „дѣдовскаго“, но „завѣтомъ старинки“, масивнаго у насъ дѣтоубійства, во всѣхъ его необозримыхъ формахъ. Теперь, хотя мнѣ и совѣстно утомлять васъ еще на пять минутъ, прошу васъ выслушать, какъ въ самомъ христіанствѣ на почвѣ вѣрности именно его духу, начинаются вдругъ колебанія его самого.

Всѣмъ извѣстна легенда, какъ въ старомъ Новгородѣ одинъ обыватель, соскучившись кормить старую слѣпую лошадь, выгналъ ее на улицу; и какъ,

думая найти клокъ соломы, она ухватилась зубами за веревку вѣчевого колокола и дернула ее. Зазвонилъ колоколъ. Собрался народъ. Увидѣлъ лошадь и пожалѣлъ ее, и приговорилъ хозяина ея кормить ее за работу до смерти.

Теперь, слушатели и братья, забудемъ нашу залу, электрическій свѣтъ, какъ бы зажмуримъ глаза и пойдемъ за голосомъ сердца по темной землѣ, прислушиваясь, что на ней дѣлается. Вотъ входимъ въ домъ Новало-Швейковскаго, которому только что вышла бумага — расходиться съ женой и пятью дѣтьми. Приговоръ церкви, голосъ христіанства; и даже со ссылкою на непосредственныя слова Христа: „кто не оставитъ мать, отца, дѣтей ради Меня — нѣсть Меня достоинъ“. Текстъ, во всякомъ случаѣ, такъ-же авторитетный, какъ и „любите другъ друга“; а главное — уже бывшій авторитетнымъ для церкви двѣ тысячи лѣтъ, и которой было весьма трудно, имѣя его передъ глазами, уцѣпиться за поги гибнущихъ дѣтей и начать ихъ отстаивать съ тѣмъ упорствомъ, которое я рекомендовалъ, опираясь конечно на Ветхій, а не на Новый Завѣтъ. „Апостолы намъ вашихъ тенденцій не проповѣдовали; тамъ — о вѣрѣ, а — не о дѣтяхъ, женахъ и отцахъ. Христіанство — безъ-женно, безъ-плотно, безъ-сѣмянно. Это — самая сущность его, что оно безъ-сѣмянно! безъ этого не было-бы новой эры, начала другого лѣтосчисленія: ибо новый Богъ и другіе идеалы. И тамъ, церкви, духовенству, просто нѣтъ дѣла до васъ, до Новало-Швейковскаго и косой вдовы: намъ и которые были до насъ, „отцамъ“ нашей церкви, „учителямъ“ нашимъ, коихъ строгіе лики въ кіотахъ вамъ не нравятся, а мы молимся на нихъ, какъ они молились апостоламъ, а апостолы Христу. Нашъ кругъ замкнутъ. Вамъ не войти въ него. Кругъ нашъ цѣлостенъ. И вашей-ли силѣ одолѣть его?“

Дѣти у Новало-Швейковскаго еще маленькія. Какъ-то я наблюдалъ сцену: бонна, чтобы пригрозить напроказничавшимъ дѣтямъ, сказала сурово за столомъ, что она проситъ разсчета и уйдетъ, а къ дѣтямъ пусть возьмутъ другую бонну, которая будетъ давать

имъ шлепки. Всѣ дѣтскія лица мигомъ измѣнились, заговоривъ разными глазами разное. Однако всѣ были испуганы и опечалены, а одно, ухватившись за платье бонны, горько-горько заплакало. И столько было въ любви этой — дѣтской красоты, что право можно, увидѣвъ одинъ такой эпизодъ, научиться многому. Увы, такіе эпизоды, ежедневные въ семейномъ дому, просто не видимы, не осязаемы и незвѣстны аскетамъ; и если вышло распоряженіе о Новало-Швейковскихъ, то вѣдь нельзя же забывать, что оно вышло отъ людей, для которыхъ „расторженіе брака“ приблизительно такъ-же отвлеченно, безстрастно и безкровно, какъ для насъ всѣхъ извлеченіе квадратнаго корня. Но только оговоримся: это принципіально; отвлеченно оно для нихъ — по воспитанію, а уже воспитаніе — отъ отцовъ, учителей и т. д. до фундамента. Грѣха личнаго тутъ нѣтъ и мы изслѣдуемъ изъянъ, пропасть, небытіе въ церкви. Но вотъ этотъ квадратный корень извлеченъ, и мы входимъ, или въ окно подсматриваемъ семью Новало-Швейковскаго. Также въ этотъ вечеръ она чувствуетъ необходимость покориться приговору церковному, какъ въ другую темную ночь косая баба неодолимо чувствовала, что ей невозможно „посмотрѣть прямо въ глаза свѣту“ съ ребенкомъ на рукахъ отъ деревенскаго паренька.

„Милая фрейлейнъ, не уходите, мы исправимся“, — молили дѣти. „Папа и мама, не уходите же: мы исправимся“, — говорятъ у Новало-Швейковскихъ ничего не понимающія дѣти, видя только, что куда-то родители собрались отъ нихъ, собрались... на завтра покинуть ихъ!! Нѣтъ покаянія. Тутъ мы только мимоходомъ упомянемъ объ огромномъ вопросѣ еще — чистосердечія въ другомъ таинствѣ — въ покаяніи. Вѣдь Новало-Швейковскіе — и отецъ, и мать — вѣрно покаялись на исповѣди священнику, что вотъ „состоявъ“, положимъ, „въ такомъ-то свойствѣ — пожелались“; и священникъ имъ отпустилъ грѣхъ. Вспомнимъ, что даже Давида и Вирсавію не разлучилъ, не приказалъ имъ разойтись пророкъ Нафанъ; примѣръ рѣшающій для опредѣленія безза-

законности всѣхъ и всякихъ расторженій брака. Но библія, какъ я всюду оговаривался, нами вовсе забыта. Новало-Швейковскіе покаялись, и священникъ имъ отпустилъ вину, и безъ сомнѣнія именемъ и властью церкви, какъ ея членъ и выразитель. Но странно: это прощеніе и снятіе вины въ уголкѣ не совпадаетъ съ прощеніемъ вслухъ и, такъ сказать, ecclesiae universalis. Тутъ то же, что въ бракѣ: одно — въ укромной молитвѣ, и совершенно другое — вслухъ. Ecclesia universalis Новало-Швейковскихъ, мужа и жену, оказывается вовсе не простила, какъ это сдѣлалъ священникъ во время исповѣди; она ихъ судитъ, разсудила, вынесла страшный для дѣтей и родителей приговоръ: и дѣтскій вопль отскакиваетъ отъ стѣны церковной: приблизительно какъ резонансъ подобнаго-же крика конечно отскочилъ-бы отъ черной колоды эшафота, на которомъ расправляются съ „папашей“. Вернемся-же къ родителямъ, о которыхъ такъ хорошо говорилъ о. Палимовъ, что они въ случаѣ настоящаго брака должны „обожать“ и даже наконецъ нѣсколько „обожить“ другъ друга. Новало-Швейковскіе, доднешніе до царя, очевидно, были именно таковы. Мы приведемъ и разъясненіе. Пять дѣтей живы, одинъ умеръ, другого же едва выхватили изъ смерти. Какія тревоги. И печальныя хожденія родителей на могилу уже умершаго. Печальныя воспоминанія бывшихъ и оборвавшихся надеждъ около его маленькой постельки. Но квадратный корень извлекается. И вотъ, городской секретарь, открывая наугадъ библію, наталкивается на слова „раба Божія Моисея“, какъ называется законодатель въ Апокалипсисѣ, и читаетъ его слова къ Богу, грозящему истребить всѣхъ израильтянъ, плясавшихъ передъ золотымъ тельцомъ, оставивъ одного Моисея и отъ него обѣщая произвести новый народъ себѣ. Моисей не сказалъ, угодливо сливаясь съ рѣшеніемъ Божіимъ: „да, Боже, они осквернили Тебя отступничествомъ: поступи съ ними по винѣ ихъ, а изъ меня изведи новый народъ“.

Чувствуете ли вы, братья и христіане, что сказки такъ Моисей, — и онъ вмигъ провалился бы и съ

законодательствомъ, и съ богоугодностью своей, какъ булыжникъ въ пропасть. Но Моисей былъ Моисей. Только что видѣвъ „лицомъ къ лицу“ (выраженіе библіи) Бога, онъ началъ уклоняться отъ Него, отступать отъ Него: „Господи, если ты хочешь уничтожить народъ мой, то изжени также и меня съ нимъ изъ книги живота“.

Повало-Швейковскій — какъ обжегся бы этимъ словомъ! Самый „случай“, что ему открылись бы при чтеніи Библіи именно эти строки, показался бы ему по русскому, да пожалуй и міровому суевѣрію, знаменательнымъ, провиденціальнымъ. „Рука Божія указуетъ, что дѣлать?“ Позвольте, вѣдь и Ньютонъ много разъ видѣлъ падающія яблоки, но задумался особеннымъ образомъ надъ этимъ паденіемъ одинъ разъ, и съ большимъ результатомъ. Не также-ли бы получилъ поводъ совсѣмъ новымъ окомъ посмотрѣть на этотъ, намъ всѣмъ знакомый текстъ, и Повало-Швейковскій? Отказъ Моисея во 1. отъ пророчества своего, 2. отъ законодательства своего, 3. отъ самаго боговидѣнія ради рода своего, родныхъ себѣ, народа своего — для Повало-Швейковскаго переводится въ бурный протестъ и отказъ въ повиновеніи Церкви, также ради близкихъ своихъ, родныхъ себѣ, пусть и виновныхъ, однако же менѣе, чѣмъ идіотка передъ золотымъ тельцомъ. Правда въ зерни и солнцѣ — одна; церковь, почувствовавъ, что падаетъ отъ толчка маленькаго, ею задавленнаго человѣчка, обернувшись-бы, и нашла за собою Христа: „вотъ — Онъ сказалъ, что надо оставить отца и мать и дѣтей“. Но и Повало-Швейковскій, чтобы не быть окончательно разцарапаннымъ, сказалъ-бы: „Что, что Христосъ: Онъ возрадуется, если я отрекусь отъ Него, ради рода своего: какъ и Отецъ Его — когда Моисей отрекся отъ Него ради своего рода. Ибо Отецъ и Сынъ вѣдь одно, единомышленны и единозаконодательны?“ Мы замѣтили, что едва Моисей отвѣтилъ-бы Богу: „Хорошо, истреби народъ грѣшный, а меня праведнаго оставь“, — такъ онъ и провалился бы съ высоты Синая въ выгребную яму Плюшкина и разбитъ былъ бы самимъ Богомъ

о камень, на которомъ только что стоялъ телецъ. А Повало-Швейковскій, намъ думается, едва, послушавшись церкви, на самомъ дѣлѣ женился бы на другой, а жена его вышла бы за другого, и оба они забыли бы про своихъ прежнихъ дѣтей и начали думать о новыхъ, — какъ и потрясъ-бы основныя аксіомы нравственности, ужъ не знаю, „христіанской“-ли, міровой-ли, но какъ-то теплой человѣчеству, безъ которыхъ человѣчеству было-бы страшно жить, нельзя-бы прожить; ей-ей — не стоило-бы жить! Христіанство-ли несовмѣстимо съ нравственностью? Выходитъ: вотъ, вышло! Церковь-ли противъ любви? Да, да: вѣдь вышло-же, конкретно, наглядно! Христосъ-ли повелѣлъ покидать сирыхъ, страдающихъ, немощныхъ, „не умѣющихъ назвать правой и лѣвой руки“ (дѣти Повало-Швейковскаго)? Но именно на заповѣди Его церковь и основала свое рѣшеніе. И, главное — все это было, уже совершилось. Повало-Швейковскіе разошлись. Было, былая исторія: и вѣдь нельзя-же выкопать изъ земли убитыхъ и сказать: „оживите“. Можетъ быть, церковь скажетъ? Христосъ скажетъ? Ну, пусть скажутъ: но чтобы реально, сейчасъ, Ваня Повало-Швейковскій, Лиза Повало-Швейковская, и еще пятеро, и отецъ, и мать. И пережили-бы вторично и радостно и беззаботно, „какъ птички“, грустную свою біографію. Успокойтесь: никто и ничего имъ не скажетъ. Не обезпокоятся. Вѣдь не было-же до сихъ поръ безпокойства, ни вопроса, ни недоумѣнія „И дамъ тебѣ всю славу міра, если, падши — поклонишься мнѣ“. Въ „Чтеніяхъ о богочеловѣчествѣ“ Влад. Соловьева какъ-то мѣшаются, заслоняя другъ-друга и какъ бы „воплощаясь“ другъ въ другѣ, Христосъ и человѣчество: и вотъ не могу-же я не вспомнить, или могъ-бы вспомнить Повало-Швейковскій, что „слава міра“ за что-то въ самомъ дѣлѣ легла у ногъ церкви и ужъ конечно у „Главы ея“ и одѣла сверкающею красотою, неслыханнымъ дотолѣ величіемъ плечи ея, рамена ея, руки ея, чело ея: и висоны, и шелкъ, и золото, и камни въ вѣнцахъ, скипетрахъ, и поклоненіе мудрости, королей, поэтовъ. Какъ даже и не зрѣлось этого

никогда отъ созданія міра. „У тебя — все, у меня — ничего“, думаетъ Новало-Швейковскій; „только куча дѣтей да ихъ прокормленіе. Мать святая Церковь: столько царствъ въ десницѣ твоей: зачѣмъ тебѣ и мы, семеро, съ нашей убогой вѣрой, убогими думами, безвидной судьбой. Тебѣ поклоняются короли, а наше поклоненіе — для чего тебѣ оно? Соломина на возу. Позволь намъ лучше, разъ уже нельзя быть въ тебѣ и не слушаться тебя, т. е. принципіально нельзя, въ вѣковѣчной истинѣ всякаго пребыванія въ чемъ-нибудь и согласія съ этимъ, въ чемъ пребываешь — оставить притворы твои, чертоги твои, ризы, богатство, власть, славу. Внѣ тебя, подъ звѣздами, солнцемъ, небомъ, дождемъ, вьюгами, — „стихіями“, которыя почиталъ въ младенчествѣ своемъ человѣкъ, — мы не развращенныя и не уничиженныя и не израненныя дѣти и родители, ласкаемся, любимъ, одно, цѣлое. Въ тебѣ этого нельзя: останься съ богатствомъ твоимъ и оставь насъ съ бѣдностью нашею“.

Вся паутина христіанства разрывается, всѣ золотыя ея слова, за которыми бѣжитъ толпа вотъ уже 2000 лѣтъ, какъ голодныя овцы за кормомъ, — обнаруживаютъ мишурность свою. Провѣрку, на единичномъ случаѣ, реализма этихъ золотыхъ словъ, я и сравниваю какъ-бы съ открытіемъ закона тяготѣнія по единичному паденію яблока на землю.

Но мнѣ хочется конкретнѣе, кровнѣе и личнѣе дать почувствовать силу вопроса присутствующимъ здѣсь духовнымъ лицамъ.

1. Прежде, всего, я спрошу ихъ: долженъ ли Новало-Швейковскій въ самомъ дѣлѣ: а) бросить дѣтей и жену и б) почувствовавъ себя свободнымъ, жениться на другой? Т. е. серьезно повѣрить опредѣленію церкви о недѣйствительности своего брака и исполнить ея приказанія? Прошу отвѣтить присутствующихъ здѣсь священниковъ простымъ и краткимъ „да“ или „нѣтъ“, вспомнивъ Моисея, а, съ другой стороны, помня глаголъ учителя церкви Григорія Богослова, молившагося такъ: „Да разрушитъ Богъ всякій супружескій союзъ, не скрѣпленный благословеніемъ церкви“. Вѣдь конечно послѣ выхода

рѣшенія Синода „благословеніе“ церкви снималось съ брака Новало-Швейковскаго; и, слѣдовательно, Григорій Богословъ прямо молился о разрушеніи этой семьи.

Думаю, что духовенство скажетъ: „Нѣтъ, не долженъ былъ послушаться. Оставлять жену и дѣтей, плачущихъ, слабыхъ, любящихъ и любимыхъ — это беззаконіе“. Если же они беззаконіемъ этого не назовутъ, не отвѣтятъ „да“, то я, — да, надѣюсь, и все собраніе наше, — нравственно разойдемся съ духовенствомъ и станемъ на сторону Новало-Швейковскаго, кивнувъ рѣчи его, въ которой онъ отрекается отъ церкви, предпочитая остаться съ дѣтьми. Мы ему кивнемъ, да и весь міръ ему кивнетъ, т. е. отречется же отъ церкви. Это то и важно; тутъ-то и начало „ньютонова закона“ въ христіанствѣ, что уже не идейно, не философски, не на почвѣ вольномыслія и либерализма, но на почвѣ семейнаго чувства, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, состраданія къ слабымъ, т. е. именно сердечно и нравственно обыкновенные люди, но всѣ и согласно начнутъ расходиться съ духовенствомъ, выразителемъ церкви, и церковью — выразителемъ христіанства. Простые люди окажутся любящими сиротъ, а духовенство и церковь — не любящими.

Еслибы спросить Синодъ того времени, какъ же онъ постановилъ такое рѣшеніе, которое нравственнымъ своимъ уровнемъ стоитъ не выше, а ниже обыкновеннаго человѣческаго сужденія, не погрѣшаетъ ли онъ тутъ лично, то, подумавъ кратко, онъ отвѣтилъ бы in pleno.

2. „Ничуть. Христіанство можетъ давать необыкновенныя, страшныя на видъ рѣшенія, ибо оно и опредѣлено, какъ „юродство міру“, какъ „іудеямъ соблазнъ, а эллинамъ безуміе“. Поэтому кажущееся страшнымъ въ христіанствѣ еще не есть неистинное въ его собственныхъ и особенныхъ принципахъ. Что же касается до случая Новало-Швейковскаго и о несостраданіи къ нему, то мы имѣемъ прямое слово Божіе, также пунктуально его покрывающее, какъ и слово Моисея: „Если кто не возненавидитъ отца

своего и матерь свою, и дѣтей своихъ, и жену свою, тотъ не можетъ быть моимъ ученикомъ." Повало-Швейковскому остается выбрать: или остаться съ церковью, послушавъ ее, или быть выброшеннымъ изъ церкви, отказавшись отъ послушанія. Въ первомъ случаѣ онъ будетъ спасенъ въ жизни здѣшней и будущей, въ послѣднемъ случаѣ онъ будетъ осужденъ въ жизни земной и небесной."

Но вотъ тутъ-то и начинается буря: жестокостью ли мы спасаемся? Холодностью ли сердца снискивается царство небесное? И вообще оставленіемъ ли человѣка, да еще невиннаго, пусть и грѣшнаго, пусть и слабаго? Вопросъ открытъ; пусть и Повало-ловъ, сладко глаголавшій намъ, какъ онъ „спасается", погруженный въ думы надъ тарелкою супа, пусть онъ, оставивъ субъективныя мечтанія, оглянется на дѣйствительность, не на жизнь души, такой ненаглядной, а на жизнь другихъ людей, и повѣдаетъ намъ вторично здѣсь о такъ называемомъ „пути христіанскаго спасенія". Одно яблоко, — пусть только одинъ Повало-Швейковскій, — докатилось до черты этого круга „христіанскаго спасенія", и остановилось на чертѣ его: „не могу переступить ее! нѣтъ силъ! страшно, холодно!!"

Дверь открыта. Пусть всходятъ на каѳедру и обсуждаютъ эту тему другіе, не выпуская изъ виду, что, вѣдь, религія — универсъ, что она — абсолютъ, и что если въ мірѣ хотя есть одинъ случай, когда человѣкъ по нравственнымъ мотивамъ не можетъ войти въ такой-то кругъ религіознаго спасенія, то, значитъ, кругъ этотъ вообще не универсаленъ и не абсолютенъ, т. е. что онъ просто не религіозенъ; или, возводя къ философскимъ понятіямъ, феноменаленъ, а не ноуменаленъ; не божественъ, а представляетъ только историческое явленіе.

Помните аналогію: электричество раньше знали только въ маленькихъ кусочкахъ янтаря, а потомъ оно оказалось разлитымъ во всемъ мірѣ. Яблоко мало, но его роняетъ на землю планетное тяготѣніе. Истина не допускаетъ изъ себя исключеній, и вотъ отчего случай Повало-Швейковскаго не „случай",

но начало подозрѣній, но начало изслѣдованій корневыхъ, безконечныхъ, внимательныхъ и многолѣтнихъ. Замѣтьте, что, вѣдь, и ереси казнились, потому, что они были „ересью", т. е. что-то „худое"; и Повало-Швейковскій погибъ, ибо и онъ оказался какъ бы „еретикомъ въ бракѣ", „еретичествующимъ въ рожденіи", т. е. что онъ погибъ не случайно, а принципіально же. А, признавъ истину въ его гибели, отдаленно мы признаемъ и принципіальную истину въ гибели еретиковъ. Мы загремимъ еще тихо, но великими громами. Мы поймемъ древніе громы, повѣрьте, звучавшіе не въ худшее время, чѣмъ наше, не въ менѣе религіозное. Подозрѣвайте, господа, изслѣдуйте, господа. Тутъ начало, такъ сказать, „коническихъ сѣченій въ христіанствѣ", тогда какъ мы прежде занимались лишь прямою и кругомъ, слишкомъ простыми и ясными истинами. Я желалъ бы, чтобы на тему эту сказалъ свое слово г. Меньшиковъ, исходящій изъ сладкой, но, я думаю, дѣтской тезы: „христіанство есть любовь", „Христосъ заповѣдалъ намъ любовь". Нѣтъ. Онъ заповѣдалъ и другое многое, и Евангеліе не насчитывало бы въ себѣ все же сотни страницъ, если бы оно укладывалось въ эту одну строчку; что-то и другое, кромѣ „любите ближнихъ своихъ", надо было утвердить Христу. Конечно, сладко пить въ розовомъ сиропѣ вѣры: „евреи были злы до Христа и при Христѣ; Онъ имъ заповѣдалъ любовь; тогда они до того остервенѣлись на Него, что убили Его, съ какового времени и произошло раздѣленіе на христіанъ, которые любятъ другъ друга, и на евреевъ, еретиковъ и язычниковъ, которые другъ друга ненавидятъ."

Объ а-догматизмѣ христіанства.

Есть догматы, и мы о нихъ спорили, допуская или не допуская ихъ приращеніе. Но есть еще догматизмъ, какъ такое устроеніе ума, связанное съ надеждами сердца, изъ котораго произрастаютъ самые догматы, какъ изъ вдохновенія произрастаетъ поэзія. Вотъ объ этомъ-то вдохновеніи церкви отъ IV-го и приблизительно до VII вѣка, когда было построено догматическое христіанство, я и хочу здѣсь говорить.

Евангеліе нѣчто утратило бы въ себѣ и утратило бы существенное, въ чемъ и открылся людямъ его небесный характеръ, если бы исключили изъ него тѣ нѣсколько словъ Спасителя, гдѣ Онъ начерталъ цѣлостный образъ угоднаго Ему человѣка, далъ фигуру ученика своего, „вѣрнаго“ Своего: „взгляните на лиліи полевыя: онѣ не имѣютъ одеждъ, но истинно говорю вамъ, что и Соломонъ не былъ прекраснѣе ихъ въ убранствахъ своихъ; взгляните на птицъ небесныхъ, которыя не сѣютъ, не жнутъ, и Отецъ Небесный питаетъ ихъ“. Въ 33 года жизни Спасителя воздушныя облачныя сферы какъ бы свились надъ землею, и небо и земля коснулись другъ друга осязательно, непосредственно. Но не удовольствовался человѣкъ этимъ. Ему захотѣлось „одеждъ“. Онъ вознамѣрился стать несравненно красивѣе этихъ евангельскихъ лилій, рыбаковъ Петра и Андрея, Нафанаила и Іоанна; и вотъ, какъ Адамъ, не послушавшій Господа начать шить себѣ одежды, такъ не послушавшись предостереженія Спасителя о лиліяхъ и птицахъ, христіане начали шить полотнища догматовъ между IV-мъ и VII-мъ вѣками. На мѣсто Галилейскихъ рыбаковъ выступили такъ называемые „учители церквей“: Петръ и Андрей смѣнились Оригеномъ и Климентами. Ни одинъ изъ представителей церкви не отвергаетъ, что за златымъ вѣкомъ христіанства наступилъ, по крайней мѣрѣ, серебряный, а я думаю и меньше, хуже.

Растительное христіанство начало преобращаться въ каменное; по-видимому болѣе твердое, но не живое. Свеаборгъ хоронитъ, не спорю, но финскій художникъ не срисуетъ съ него картинъ, ни птица гнѣзда не совьетъ въ немъ и не выведетъ дѣтенышей. Работу догматическую надъ своимъ устроеніемъ я называю саморазрушеніемъ христіанства и проистекшимъ изъ какого-то не то отчаянія о Богѣ, не то изъ простаго уличнаго легкомыслія. На базарахъ Византіи торговки и торговцы заспорили объ „единосущіи“ или „единокачественности“ Отца и Сына. Къ чему? Я думаю, это было уличное легкомысліе. Но, когда эти же споры внеслись подъ своды Императорскихъ дворцовъ и въ нихъ приняли участіе такъ называемые „учители церкви“, я не могу назвать это иначе, какъ отчаяніемъ о Богѣ. Въ словахъ проф. Лепорскаго о догматѣ я нахожу признаніе ненужности вообще догмата. Во-первыхъ, онъ сказалъ, что догматъ „непостижимъ“, во-вторыхъ, онъ сказалъ, что догматъ „уже содержится въ Евангеліи“. Позвольте, что же это такое, зачѣмъ же великолѣпное слово Евангелія передѣлывать въ сравнительно гнилое слово догматики? Ибо кажется весь міръ признаетъ, что чудесніе Евангелія, во-первыхъ, по простотѣ и, во-вторыхъ, по мудрости, не появлялось ничего. Изъ словъ профессора догматики Лепорскаго я заключаю, что вселенскіе соборы занимались гнилымъ дѣломъ передѣлки простого въ непростое и мудраго, можетъ быть, въ не очень мудрое. Лилію полевую, съ цвѣточками, съ листочками, срѣзали, размочили въ водѣ плохого краснорѣчія и ссучили изъ нея веревку, на которой можно только удавиться. Я говорю, тутъ прошло отчаяніе о Богѣ и легкомысліе относительно Евангелія. Возьмите „ученіе о Троицѣ“. Въ Евангеліи это — чудныя рѣчи Спасителя объ Отцѣ Небесномъ, и рѣчи Самого Отца Небеснаго. И въ видѣ голубя Духъ Св. сходитъ на крестящагося Спасителя. Все — картина. Все —

умиленіе. И вотъ умиленныя земныя травки склоняются передъ Небесной Лиліей, въ простотѣ грядущей на ослицѣ: „Осанна Сыну Давидову: благословенъ Грядый во имя Господне". Я говорю, небо и земля касались осязательно. Теперь, что же сдѣлано было потомъ, по каѳедрѣ догматическаго богословія, такъ сказать, „въ снѣдь" проф. Лепорскому? Изъ всего этого человѣческаго умиленія, и слезъ, и картинъ, изъ неяснаго и безконечнаго богатства евангельскихъ словъ выстрогали логическимъ рубанкомъ доску: „Богъ есть Духъ, поклоняемый во Св. Троицѣ". Да, позвольте, для чего мнѣ это знать „какъ догматъ", когда я это читаю въ Евангеліи: но тамъ я это читаю въ богатствѣ такихъ подробностей, въ такихъ тѣняхъ и полутѣняхъ, въ звукахъ такой нѣжности Сына къ Отцу, такой живой и органической между ними связи, отъ которой въ доскообразномъ „догматѣ" ничего не сохранилось. Вѣдь это все равно, что вмѣсто Пушкина читать какое-то разсужденіе Скабичевскаго о Пушкинѣ: одно и то же, но только хуже въ нищенскомъ безобразіи. Иногда поднимается вопросъ или слышатся немеки на какую-то реформу Церкви: нѣтъ для этого болѣе надежнаго и краткаго средства, какъ закрыть въ академіяхъ и семинаріяхъ всѣ каѳедры догматическаго богословія и каноническаго права, а книги по наукамъ этимъ помѣстить въ списокъ неразрѣшенныхъ къ чтенію. Это значитъ сразу закрыть для публики сотни Скабичевскихъ и открыть ей Пушкина; въ отношеніи къ христіанству — это значитъ начать вдыхать „душу живу" въ красную глину, изъ которой слѣпленъ, ожилъ было и снова умеръ „во грѣхахъ" Адамъ христіанства.

Во вселенскихъ соборахъ, ихъ догматизированіи, ихъ примѣненіи логическаго начала къ нѣжному и неизъяснимому евангельскому изложенію и привзошло смертное начало, „неодушевленная глина" къ юному тѣлу первозданнаго христіанства. Какъ было не поразиться тѣмъ, что самъ Спаситель, за исключеніемъ минуты въ храмѣ на единѣ съ грѣшницею ни разу не взялъ пера и не написалъ ни одного слова. Вѣдь догматъ — нѣчто каменное, твердое. И ни одного

такого каменнаго, недвижнаго догмата Спаситель не оставилъ людямъ. „Идите ко Мнѣ человѣцы я научу васъ догматическому богословію", — такого слова не сказалъ Спаситель людямъ, а если бы такое безобразное слово помѣстить въ Евангеліе, то страница съ этимъ словомъ вдругъ потухла бы; перестала бы свѣтить привычнымъ намъ небеснымъ смысломъ. Поэтому когда проф. Лепорскій, заглядывая въ корридоръ академіи, говоритъ: „студенты, идите, я буду преподавать вамъ догматическое богословіе," то онъ послѣдуетъ во всякомъ случаѣ не Спасителю, а скорѣе всего Скабичевскому.

И такъ, Спаситель не далъ догмата, самого духа его, этой „таблицы умноженія" религіозныхъ истинъ. Но и вотъ еще доказательство а-догматизма, такъ сказать, души христіанской. Вѣдь христіанство въ глубинѣ его, въ чарующихъ его особенностяхъ создано уже никакъ не умами отъ Оригена до Лепорскаго, труды которыхъ знаютъ только академики, а оно вышло все изъ народныхъ вздоховъ, народнаго умиленія къ Богу, изъ такихъ молитвъ, какъ Херувимская, изъ такихъ житій преподобныхъ „аввъ", трогательные примѣры которыхъ, напримѣръ, разбросаны въ „Лугѣ духовномъ" Іоанна Моска. Жили въ пещерахъ, въ кельяхъ, на далекихъ разстояніяхъ эти „аввы", и изрѣдка перекидывались другъ съ другомъ краткимъ словомъ, краткимъ „здравствуй", привѣтствіемъ, или короткимъ въ три строчки поученіемъ. Эти „аввы" — отшельники — еще продолженіе евангельскихъ лилій, также просты и мудры, а не учены и не велерѣчивы, какъ стали послѣдующіе Златоусты, Кириллы Александрійскіе и вообще строители большихъ томовъ и библіотечнаго христіанства. Все слово Божіе Новаго и Ветхаго Завѣта умѣщается въ одномъ томѣ, а Кириллъ Александрійскій одинъ написалъ гораздо больше Бога. Вся эта вода краснорѣчія, потребовавъ къ себѣ вниманія, углубленія въ себя, разбора своихъ мнѣній и примиренія своихъ противорѣчій, отвлекла души отъ вѣчнаго и исключительнаго умиленія словомъ Божіимъ. Архимандритъ Антонинъ говоритъ намъ: объ „экскоммуникативности" христіанства; при-

мѣняя его слова, мы скажемъ, что Евангеліе и такъ называемые „учители Церкви“ экскоммуникативны по отношенію другъ къ другу: въ нихъ духъ различный, методъ не тотъ, противоположенъ способъ дѣйствія на душу, орудія дѣйствованія. И все „свято-отеческое“ а-евангелично, а все евангельское — а-святоотечественно. Это какъ Валаамъ: и „пророчество“ — да не то, и горячее слово — но уже не отъ Бога, а отъ себя.

Всѣ ереси и самое еретичество и произошло изъ этого догматизированія, догматизма. Просто нельзя себѣ представить еретика среди полевыхъ лилій, въ ихъ запахѣ, среди ихъ цвѣтовъ. Не было ни одного еретика изъ „аввъ“ Ѳиваиды. Ересь — городское явленіе. Это въ торговой Александріи, въ шумномъ Константинополѣ, по Сирійскому торговому побережью, вообще въ условіяхъ библіотечности начали появляться еретики. Каждый изъ нихъ есть неудавшійся „отецъ Церкви“, „учитель Церкви“ или скорѣе скажемъ такъ, что еретики суть учителя Церкви, на которыхъ было посмотрѣно, какъ на транспарантъ съ яркимъ освѣщеніемъ позади его, такъ что всѣ ошибки выступили въ явѣ, тогда какъ остальные учители Церкви не получили въ свое время освящающей лампы позади и похожи на транспаранты, не вынутые изъ ящика. Года три назадъ я взялъ 6 томовъ Кирилла Александрійскаго и началъ читать. Это гораздо хуже чѣмъ у Скабичевскаго: такого неуваженія къ слову Божію, такихъ почти каламбуровъ въ отношеніи къ нему цензура бы не пропустила сейчасъ. Изъ множества подробностей приведу одну: онъ занимается вопросомъ, „отчего Богъ шелъ передъ Израилемъ въ видѣ **столба** огненнаго?“ И разрѣшаетъ: „для того, чтобы знаменовать выраженіе Апостола Павла о Церкви: „Церковь есть **столбъ** и утвержденіе истины“. Это все равно, какъ если бы спросить: „для чего была война 12-го года?“ И отвѣтить: „для того, чтобы на циферблатѣ часовъ цифра 12 знаменовала середину дня.“ Несоотвѣтствіе, разнокатегоричность явленія Божія Израилю и простого литературнаго выраженія, словооборота въ одномъ изъ

апостольскихъ писаній — поразительна. Богъ явился грамматической фигурой для строки, имѣвшей быть написанной черезъ 2000 лѣтъ. Такъ можно объяснить, что Іаковъ въ ночь, когда онъ боролся съ Богомъ, легъ на камень, дабы пророчественно предсказать слова Христа: „Ты Петръ и на семъ камнѣ воздвигну Церковь Мою“. И много такихъ разъясненій могли бы сдѣлать семинаристы въ свободную перемѣну, но отъ нихъ удержался бы студентъ Академіи или Университета. Но вотъ Арія всѣ читали и волновались, позади транспаранта былъ поставленъ свѣтъ; Кирилла читали мало, его смутныя и неважныя мысли никого не волновали, ничего опредѣленнаго не задѣвали, и на заглавной страницѣ его трудовъ пишется: „Иже во святыхъ Отца нашего Кирилла Александрійскаго творенія“. Наконецъ, недавно мнѣ пришлось прочесть нѣсколько статей Аѳанасія Великаго. Да, серьезно все, хорошо, основательно. Но ничего поразительнаго, трогающаго, умиляющаго, — все въ высшей степени обыкновенно, человѣчно, — и только непріятна постоянная желчность страницъ, чисто логическая воспаленность противъ Арія, торопливость въ наборѣ текстовъ противъ его ученія объ „единоподобіи“, а не объ „единосущіи“ Слова и Отца. Наконецъ — и здѣсь я закончу — я прочелъ у Василія Великаго разсужденіе о постахъ: „къ великому учрежденію поста“, разсуждаетъ онъ, „начало было положено уже въ невинной райской жизни человѣковъ: именно таковымъ началомъ было ограниченіе употребленія плодовъ отъ древъ райскихъ и запрещеніе вкушать отъ древа познанія добра и зла“. И безъ объясненій слушатели поймутъ, что это есть не только непониманіе, но и неуваженіе къ слову Божію: можно ли древо познанія добра и зла и всю его великую мистику сводить къ назначенію, такъ сказать, порціи ѣды человѣку, къ голоду и сытости, въ чередованіи или борьбѣ которыхъ во всякомъ случаѣ состоитъ „великое учрежденіе поста“. Да и забылъ Василій Великій при этомъ слова Евангелія: „Сынъ человѣческій и ѣстъ, и пьетъ, бываетъ съ грѣшниками, и все же его осуждаютъ, какъ и Іоанна Крестителя, который постится“ — Отцы

и учители Церкви, они же сотворители всего догмата, вмѣсто умиленія къ Писанію, стали его изслѣдовать, расчленять, анатомировать, растрогать на строчки („тексты"), и изъяли весь его ароматъ и смыслъ. Это были мало логическіе предшественники Канта и малоученые предшественники Штрауса, но работавшіе ихъ пріемами мысли и знанія. Христіанство въ нихъ потеряло наивность, и сердечность, противъ чего ни у кого, кромѣ разбойника не поднялась бы рука. Дитя беззащитно, но вмѣстѣ оно и защищено этою самою своею беззащитностью и одновременно миловидностью, въ Отцахъ Церкви и съ построеніемъ догмата оно потеряло наивность и прелесть, трогательность и силу привлеченія. Оно стало мужикомъ, превратившись въ Свеаборгъ; ну а есть такія пушки, которыхъ ядра и черезъ Свеаборгъ перелетаютъ, и на всякаго здороваго мужика — найдется еще болѣе здоровый. Началась борьба противъ Церкви, умственная, умная ученая: выступили Штраусы, Гарнаки, передъ которыми Оригены оказались неучеными мальчиками. Выступилъ Вольтеръ и его смѣхъ, Ренанъ и его скептицизмъ. Ну, поставлю я передъ Вольтеромъ младенца: онъ станетъ серьезенъ, нѣтъ предмета для шутки; пропою передъ Ренаномъ колыбельную пѣсню — онъ умилится; прочту Гарнаку входъ въ Іерусалимъ — и сухой нѣмецъ воскликнетъ съ Израильтянами: „благословенъ Грядый во имя Господне".

Христіанство перестало быть умилительно „съ догматомъ", и на него перестали умиляться. Просто — его перестали любить. Вотъ великій фактъ, противъ котораго „догматисты" зажгли на западѣ костры, у насъ — срубы, не понимая, что дѣло не въ ереси и не въ еретикѣ, а въ томъ, что самими догматистами введенъ былъ въ христіанство главный и первоначальный ядъ: срыва момента умиленія и замѣны его моментомъ мнимой убѣдительности, доказательности. Право, у меня можетъ быть такой учитель геометріи, что въ теоремѣ то его я убѣждусь, а затѣмъ возьму учебникъ, да и ударю имъ самого учителя по головѣ. Бываютъ всякіе несносные люди, даже изъ самыхъ умныхъ.

Никто не падаетъ на колѣни за литургіей при пѣніи „Вѣрую", да и самое то пѣніе прозаично. Но когда запоютъ Херувимскую, — хотя смыслъ ея никому неизъяснимъ — всѣ сами склоняютъ колѣна, главное — сами... И счастливы склонить главы. Передъ Евангеліемъ все человѣчество и было счастливо склонить главу. Вѣдь за что-нибудь умирали же мученики, вѣдь не по „повелѣнію Бога": это слишкомъ сухо, да и повелѣнія такого никогда не бывало. Ну вотъ теперь стоитъ „догматическое зданіе" Церкви: Свеаборгъ штурмуется, а люди проходятъ мимо, одни подсмѣиваясь, другіе немного жалѣя, но никто — до муки, до принятія терноваго вѣнца за Свеаборгъ. И вѣдь всѣ чувствуютъ, что онъ падаетъ, падаетъ. Жалѣютъ, качаютъ головами, находятъ опаснымъ это для цивилизаціи, для народа, для устойчивости правительственной, и вообще по тысячѣ утилитарныхъ соображеній, замѣтьте — все утилитарныхъ, все именно не небесныхъ. Небеснаго то, „херувимской" то „пѣсни" въ церкви и не чувствуется: „души" то въ ней нѣтъ, а одно тѣло. Ну, представьте, на виду всей цивилизаціи, народовъ, человѣчества, какой-нибудь Полиѳемъ до неба поднялъ бы тысяче-пудовую дубину противъ безвинно и довѣрчиво на него смотрящаго младенца: нашлись бы мученики, бросились бы подъ дубину и своею кровью заплатили бы за счастье выхватить беззащитнаго изъ опасности. На пожарахъ и бываетъ это, бываютъ чудеса самопожертвованія. Отчего же ихъ нѣтъ около великаго божественнаго зданія Церкви? Мнѣ кажется, Богъ есть милое изъ милаго, центръ мірового умиленія: и вотъ съ потерею Церковью „милаго" мнѣ брезжется, что Богъ отлетѣлъ отъ нея. Что какъ только начали догматики „строить" съ мыслью, что Христосъ не сумѣетъ Самъ защитить свое дѣло, такъ Христосъ невидимо заплакалъ и отошелъ отъ строющихъ. Свеаборгъ потому и берется, что вѣдь онъ пустъ. Онъ только хитро построенъ, а Защитника то и нѣтъ, „Помощника и Покровителя" — скажемъ словомъ Іоанна Дамаскина.

„Духъ вѣетъ иде же хощетъ..." и еще „истинно говорю вамъ: хула на Сына Человѣческаго простится

вамъ, но хула на Духа Святаго не простится ни въ жизни сей, ни въ будущей". Кстати, эти слова Спасителя подрываютъ одинъ изъ основныхъ догматовъ о равенствѣ лицъ Пресвятой Троицы. Къ какому-то одномъ отношеніи, здѣсь указанномъ Христомъ, Духъ Святый имѣетъ преимущество передъ Сыномъ Божіимъ. Вообще — „Троица" вся божественна, но она вовсе неисповѣдима, и равная въ Себѣ, равна вовсе не ариѳметическимъ равенствомъ, какъ это по-мужичьи „умѣрено" въ догматѣ, а имѣетъ выпуклости, органическое сцѣпленіе, горы и пропасти въ себѣ: словомъ Троица — глубь міровъ, передъ которою малъ и простъ и не сложенъ нашъ видимый міръ. Возвращаюсь къ Духу Святому: вотъ проступкомъ противъ Него и является догматизмъ, какъ методъ. И Дитя-Христосъ и удалился изъ нашего Свеаборга не только отъ того, что мы не повѣрили слову Его о полевыхъ лиліяхъ: это еще хула на Сына Божія, и за Себя Христосъ намъ простилъ бы, но мы похулили Духъ Святой, „который дышетъ иде же хощетъ", задумавъ дать этому Святому Духу мѣдные латы для защищенія. Отсутствіе надежды на Бога, да и не ея одной: „вѣры, надежды, и любви", вотъ что сказалось въ догматизмѣ христіанскомъ. Теперь эти три добродѣтели — только присловіе въ разговорахъ. Какъ и „догматъ о Троицѣ" — это какой то ариѳметическій треугольникъ, изъ котораго не мерцаетъ никоторое въ сущности Лицо

Мы угасили духъ пророчества въ себѣ. Бытіе догмата угасило возможность пророчества. Мы чрезвычайно обѣдиѣли даже сравнительно съ ветхозавѣтнымъ еврействомъ. Въ Евангеліи Троица свѣтится такимъ особеннымъ, богатымъ безконечнымъ свѣтомъ, что и я, и всякій могли бы еще обратиться къ Отцу Небесному въ нужномъ случаѣ жизни, не повторяя слова Іисуса, и „не приводя текста", но свое новое творя слово. Ибо Іисусъ говорилъ къ Отцу, но Онъ не закрылъ Отца передъ людьми. Я говорю, что слово каждаго изъ насъ могло бы быть вдохновенно, и неужели, напр., въ случаѣ Новало-Швейковскаго этотъ человѣкъ въ защиту дѣтей своихъ не могъ бы

воззвать къ Отцу Небесному, такъ сказать, „въ силѣ Ilіи". Но теперь, когда есть „догматъ о Троицѣ", безблагодѣльный, безъ пульса въ себѣ — Новало-Швейковскому вовсе даже и не пришелъ на умъ Отецъ Небесный. Догматъ вообще закрылъ всѣ три лица Пресвятой Троицы, самого Христа обративъ въ начетчика, который принесъ на землю только кучу текстовъ. Изъ этихъ текстовъ выбрали нужный и припечатали имъ мокрую петербургскую курицу такъ, что у нея спина по гробъ болѣла. Вотъ одно изъ дѣяній Свеаборга. Да и все то такъ стало. На текстахъ и на „соборныхъ уложеніяхъ„ зажгли костры, отняли свободу, заставили повиноваться властямъ придержащимъ, включительно до звѣря-помѣщика и чиновника-казнокрада, ну и дальше, въ томъ же родѣ, все безъ противорѣчія догмату, пока не поднялся штурмъ на цѣлостный Свеаборгъ, при равнодушіи, а частью и при язвительныхъ насмѣшкахъ проходящихъ. Повалился „Духъ Святой", догматизмъ, въ латахъ, какъ у Александра Невскаго; какъ херувимъ картонный съ рождественской елки. Но и неужели въ самомъ дѣлѣ на землѣ религія падаетъ, религіозное исчезаетъ, небо закрывается? Слышимъ слово Спасителя, на этотъ разъ какъ бы уклончивое и уже изъ далека раздающееся: „Духъ дышетъ иде же хощетъ", и другое, вѣщее: „Я вамъ пошлю Утѣшителя, Духа истины, который наставитъ васъ всему".

„Вопросъ о догматѣ" поднялся въ связи съ вопросомъ о творчествѣ въ христіанствѣ Настаивая и доказывая а-догматичность христіанства, я только говорю, что это творчество можетъ быть безконечно, и какъ бы отворяю ворота въ это творчество. Но нужно ли оно? Здѣсь я долженъ измѣнить тонъ своихъ словъ и обратившись къ слушателямъ, какъ братьямъ по вѣрѣ, по сердцу, спросить: „братья, да какъ же мы можемъ хотя на минуту удерживаться передъ мыслью о творчествѣ, если признать его въ христіанствѣ значитъ сейчасъ усумниться въ божественности, въ самомъ мессіанствѣ его". Вотъ это лѣто вышла книжка, — имя автора забылъ, — о мессіанскихъ мѣстахъ прор. Исаіи. Покупаю и при-

ношу домой, раскрываю: извѣстныя слова, что вотъ „ляжетъ овца около льва и волкъ около ягненка“ — „суть несомнѣнныя, по автору, слова мессіанскаго характера, указующія на личность Христа, ибо Христосъ принесъ на землю эру такого мира“. Слова эти какъ бы заставили меня пасть на полъ. Всѣ богословскія книги такъ написаны. Всѣ эти книги суть какая то красивая сомнамбула. Быть богословомъ — значитъ, спать и видѣть видѣнія. Дѣло въ томъ, что авторъ книги на томъ основаніи и изъясняетъ мессіанскій смыслъ даннаго пророчества Исаіи, что вся эра наша, т. е., уже фактически, есть эра небывалаго до Христа мира на землѣ, каковой только можно сравнить съ лежаніемъ овцы около льва. Тутъ поразителенъ тонъ книги. И не спитъ авторъ, ибо вѣдь писалъ, но онъ хуже чѣмъ спитъ. Его не возможно пробудить отъ догматическаго сна. Такъ въ „догматахъ“ написано: „примирилъ“, „искупилъ“, „загладилъ грѣхи“, и Оригенъ изъяснилъ, что овца легла около тигра и значитъ Мессія пришелъ. Это связь уравненій, связь словъ; въ задачахъ ариѳметическихъ пишется: „купецъ купилъ столько то сукна, подѣлилъ пяти сыновьямъ и осталось столько то“, хотя всѣ знаютъ, что никакого купца нѣтъ и дѣлежа не было. Все для „примѣра“; вотъ и догматы построены для какого то „словеснаго примѣра съ полнымъ убѣжденіемъ самихъ догматиковъ, что ничего соотвѣтствующаго имъ нѣтъ“. Написано: „миръ на землѣ“, и онъ говоритъ — „миръ“. Указываютъ на старообрядцевъ, разсаженныхъ по тюрьмамъ, на инквизицію, на вырѣзаніе перуанцевъ и инковъ, онъ это хорошо знаетъ: „это по каѳедрѣ исторіи церкви, а я читаю догматику: по моей каѳедрѣ стоитъ на землѣ миръ“. Ну а въ христіанствѣ какъ? „Каѳедра догматики“, отвѣчаетъ онъ, „основная, а исторія церкви — прикладная каѳедра, иллюстрирующая. Поэтому на землѣ вообще долженъ быть миръ и есть миръ, не принимая во вниманіе бывающихъ исключеній“. Я здѣсь вамъ напоминаю объ ученикѣ по геометріи, который послѣ доказанной ему теоремы разбиваетъ голову учителю. Положеніе христіанства

не только не умиротворено, но оно полно рѣшительнаго отчаянія, уже не отъ нападокъ на него, но отъ равнодушія къ нему: а потому, что внутри его собственныхъ стѣнъ сидитъ нѣсколько Акакіевъ Акакіевичей, нѣсколько Собакевичей, которые спорятъ о какихъ то мертвыхъ душахъ и что то между собою дѣлятъ.

По моему представленію, историческія судьбы христіанства — тайна. Тайна заключается въ такой великой иллюзіи, выше которой никогда не сознавалось, и въ такой отвѣчающей этому комической дѣйствительности, ниже которой, пожалуй тоже ничего не создавалось. Взять только дивныя пророчества мессіанскія о сѣмени жены, стершемъ главу Змія, о конечной побѣдѣ надъ діаволомъ: посмотрите — вѣдь это небо стелется въ словахъ, и земля вся зацвѣтаетъ въ какомъ то невыразимомъ обиліи, счастіи, красотѣ, славѣ. И представьте, Акакіи Акакіевичи намъ твердятъ, что все уже сбылось, патока течетъ по землѣ, нѣтъ ни пьяницы, рѣжущаго ради 3-хъ цѣлковыхъ товарища „чтобы опохмѣлиться“, ни сконцовъ съ отрѣзанными органами, ни ежевыхъ рукавицъ миссіонерства, ни пресловутыхъ „дѣлъ“ духовныхъ консисторій. Легла овца около тигра, „сбылось“... Да — позвольте: не можетъ ли робкое и честное сердце сказать: „не сбылось, ничему не вѣрю. Маленькій я человѣкъ и маленькое во мнѣ сердце, но и имъ я сужу, что на землѣ Содомъ и Гоморра, а не миръ и искупленіе, и не ягненокъ около льва, а нѣсколько злобныхъ крысъ, пожирающихъ одна другую въ зловонной клѣткѣ“. Я веду слово къ творчеству. Вѣдь ничего, ничего этому честному маленькому сердцу не отвѣтятъ всѣ догматики, самые мудрые люди, ни Гарнаки, ни Ренаны, ни Отцы Святые. Представьте, можетъ отвѣтить только наше собраніе и этимъ роковымъ вопросомъ, которое оно поставило. Въ эту минуту наше собраніе велико: „утѣшься“ можетъ оно сказать: „ничего нѣтъ, но... можетъ быть“. Конечно, это же слово, то же отодвиганіе дѣла впередъ, можетъ быть обманъ, можетъ быть иллюзія. Но это не немедленное, не сей часъ отчаяніе. А то

вѣдь сейчасъ только равнодушные, похожіе на алкоголика, рѣжущаго для опохмѣленія товарища, живутъ внѣ отчаянія. Эти алкоголики иногда утѣшаютъ насъ: „что же мало сбылось, пожалуй. Но старайтесь, не упражняйтесь. Возрастайте въ добродѣтели и близьте Царство Небесное". — Какъ будто мессіанство и не состоитъ все во „вдругъ, разомъ, сейчасъ", не состоитъ въ магіи, магическомъ дѣйствіи и преобразованіи вещей. Что это такое за „мессіанство" которое зависитъ отъ хорошаго расположенія моего духа? И Сократъ училъ, что „послушаютъ его — будетъ хорошо", и Спенсеръ такъ училъ. Тайна мессіанства во „вдругъ", „по всей землѣ", „противъ желанія людей". Это какъ дуновеніе вулкана на Мартиникѣ. Секунда — и не стало ничего, и мессіанство содержитъ обѣщаніе таковаго же дуновенія, но благодатнаго: секунда — и выросло все, деревья стали давать вмѣсто ста, тысячу плодовъ. Такъ вѣдь въ Апокалипсисѣ объ открытіи древа жизни сказано. Мессіанство — магія, святая сказка, но могущественнѣе всякой реальности, во-очію имѣющая наступить, дневная, очевидная. Поэтому когда говорятъ, что оно не исполнилось отъ того, что въ добродѣтели мало упражняются — то просто уравниваютъ Христа со Спенсеромъ: и такъ поступаютъ богословы-моралисты, писатели безчисленныхъ духовныхъ статеекъ. — Говоря такимъ образомъ о творчествѣ, я не говорю о „мало-по-малу" въ христіанствѣ, не предлагаю этого выдохшагося успокоительнаго опіума, а о томъ, что мы и вообще весь христіанскій міръ стоитъ передъ дилеммой, или признать, что что то еще не открылось въ христіанствѣ, что народы просто прошли мимо Христа, завернули по ошибкѣ въ какой то закоулокъ, когда площадь, озаренная огнями, была передъ ними, или что некуда итти, не зачѣмъ итти: нѣтъ вообще никакой площади, а только закоулки и ихъ путаница въ какомъ то скверномъ уѣздномъ городишкѣ. Въ послѣднемъ случаѣ — отчаяніе, во второмъ — какое то „можетъ быть".

Христосъ, какъ Судія міра.[1]

Вопросъ, поставленный кн. Волконскимъ, будучи мѣстнымъ (Россія и наши текущіе дни) есть въ то же время и всемірный. Имѣя форму сослагательнаго или желательнаго наклоненія, вращаясь около „бы" и „если бы", онъ начертываетъ картину свободы Христовой, при которой, по докладчику, только выиграетъ вѣра въ Христа. Но если его перевести въ изъявительное наклоненіе, то онъ будетъ изложеніемъ факта, что никогда такъ называемой свободы Христовой, вотъ уже въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ, не существовало. А такъ какъ по философіи послѣдствіе всегда адэкватно причинѣ, то думать, что такой фактъ виситъ только на волоскѣ, на недоразумѣніяхъ, на тупомъ непониманіи христіанами Христа, каковую тупость собираются исправить Мережковскій, Меньши-

[1] Князь Волконскій въ одномъ изъ засѣданій „Религіозно-философскихъ собраній" въ С.-Петербургѣ прочелъ докладъ о непозволительности утѣшеній за вѣру, прямыхъ и косвенныхъ: о несовмѣстимости понятія Церкви и понятія преслѣдованія. Не только все собраніе съ энтузіазмомъ отнеслось къ его докладу, но видные ораторы изъ и между ними сердечно близкій мнѣ человѣкъ, Д. С. Мережковскій, какъ равно В. С. Миролюбовъ, М. О. Меньшиковъ и др. заговорили аналогично въ томъ смыслѣ, что, конечно, „Христосъ и наказаніе его святымъ именемъ — несовмѣстимы, есть contradictio in adjecto". Сердце мое сейчасъ же защемило ужасная боль при мысли, что вотъ еще вѣнокъ изъ мирть на увѣнчанное уже чело, и опять забвеніе тѣмъ, которые уже фактически были замучены. Такъ всегда гнилостна „исторія христіанства", что если въ ней является около розъ шипы, то шипы эти относятся не къ тому же растенію, на которомъ розы, а къ какому-то съ нимъ сосѣдящему, рядомъ растущему, другому. Такъ что оно имѣетъ преимущества и колоть, и вмѣстѣ имѣть славу только розъ, благоуханія, пріятности. „Шипы" же всѣ относятся къ „злобѣ уколотыхъ" и представляется такъ, что они сами о себя какъ-то покололись, что изъ себя пустивъ шипъ — на [illegible] и наткнулись. Словомъ, тутъ — софизмъ; а мнѣ показалось — и еще сегодня вечеромъ. Придя домой послѣ собранія, я быстро накидалъ эти строки, развивъ ихъ впослѣдствіи нѣсколько обширнѣе въ докладѣ, прочитанномъ въ собраніяхъ подъ заглавіемъ же: „Христосъ, какъ Судія міра". Но когда я отыскалъ этотъ первичный набросокъ того доклада, — онъ мнѣ показался достойнымъ не „кануть въ Лету", хотя бы въ качествѣ мимолетнаго впечатлѣнія, быстраго и бурнаго порыва, какъ мнѣ думается — въ добрую сторону. Ибо скорби брата своего (уже умершіе за свободу въ христіанствѣ) не надо никогда забывать, нельзя изгладить изъ сердца своего.

ковъ и Миролюбовъ, — думать этого нельзя. А передъ прошедшимъ, которое уже истекло въ крови несвободы, — и преступно.

Нужно замѣтить, что относительно многихъ пунктовъ христіане вообще поражены дальтонизмомъ, примѣръ котораго мы слышали въ замѣчательной рѣчи арх. Антонина. Именно, говоря о Буддѣ, эллинахъ и проч., и перейдя къ Христу, онъ сказалъ, что внѣ христіанства только гниль; не что-нибудь, а именно гниль. Онъ сказалъ не о Христѣ, а именно о пропагандирующемъ себя христіанскомъ мірѣ. Слова я запомнилъ точно. А въ концѣ рѣчи упомянулъ о ссорѣ христіанъ въ Іерусалимѣ, бывшей въ прошедшемъ году, во время которой представители разныхъ церквей избивали другъ друга хоругвями, крестами и евангеліями. И ни сердце его, ни умъ, т. е. сердце и умъ, кажется, замѣчательнаго человѣка, не замѣтили противорѣчія. Такъ и прокатили черезъ фактъ. Ораторъ — архимандритъ — былъ чѣмъ-то очарованъ, зачарованъ. Онъ былъ глубоко искрененъ въ своей рѣчи.

Второе наблюденіе. Съ Вал. Ал. Тарнавцевымъ, съ которымъ мы много и съ великимъ жаромъ спорили въ Римѣ, разъ за чаемъ произошла у насъ краткая и горячая сшибка. Упомянувъ о такъ называемыхъ незаконнорожденныхъ дѣтяхъ, я сказалъ ему, что достаточно было бы церкви оффиціально и громко отречься отъ этого ученія, чтобы дѣти эти, въ большинствѣ убиваемыя, перестали убиваться. Нужно сказать, В. Ал. Тернавцевъ нисколько не интересуется вопросомъ о бракѣ, все это ученіе для него есть побочное, не горячее. „Такъ чего-же вы хотите, В. В.," сказалъ онъ мнѣ съ страданіемъ въ голосѣ: „чтобы жили люди какъ хотятъ? когда хотятъ — разводились, когда хотятъ — сходились?" — „А, однако, дѣтоубійство?" возразилъ я. Лицо его вдругъ сдѣлалось немного хитрымъ и, какъ бы заглядывая въ мою душу, будя въ ней внутреннее согласіе, маня это согласіе, онъ сказалъ: „А вамъ-то развѣ жалко дѣтей?" Я былъ пораженъ и, кажется, замолчалъ. Для меня было ясно, что человѣкъ столь великой до извѣстной

степени души, нѣжный ко всѣмъ людямъ, ласковый къ міру — просто ничего не чувствовалъ къ дѣтоубійству, ни отвращенія, ни страха.

Такъ что мы всѣ христіане немножко зачарованы. Я именно говорю о магіи зачарованія. Мы не видимъ, не понимаемъ. Мы спимъ. А когда пробудимся — сказываютъ — „будетъ страшный судъ" и „свѣтопреставленіе", т. е. пере-ставленіе „свѣтовъ" (исхода лучей, центровъ вѣдѣнія, „Аза" въ добрѣ и злѣ). Тернавцевъ ли не добрый? Ангелъ. Но и онъ за дѣтоубійство. Христіане ли не друзья свободы? Тутъ ужъ намъ Мережковскій скажетъ текстъ. Но они всегда преслѣдовали.

Меня удивляло, почему изслѣдователи не обратили вниманія на красоту Евангелія, столь поразительную, что она рѣшительно закрываетъ собою точный смыслъ многихъ его словъ. Во-истину сбылось, только не о врагахъ, а о друзьяхъ сказавшаго: „они будутъ смотрѣть — и не увидятъ, будутъ слышать — и не услышатъ." Помню, когда я писалъ „Мѣсто христіанства въ исторіи", то, кончивъ отдѣлъ о паденіи Израиля, — открылъ Евангеліе, чтобы, такъ сказать, скрасить мысль какимъ-нибудь текстомъ. Случайно открылись прямо слова: „О, Іерусалимъ, Іерусалимъ! Сколько разъ я хотѣлъ собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ подъ крылья, но вы не захотѣли: се оставляется домъ вашъ пустъ". Я до того былъ пораженъ нѣжностью этихъ словъ, что заплакалъ. Именно я былъ пораженъ, какъ Іисусъ любилъ этотъ городъ. Какая мать о какомъ дитяти такъ говорила? И мысль, что Іерусалимъ Такого не принялъ, взбурлила меня, разгнѣвала; Іерусалимъ сталъ для меня презрѣненъ — и, вписавъ текстъ въ рукопись, я заключилъ главу, что Іерусалимъ былъ наказанъ по дѣломъ.

Фата-моргана. Да что такое? Что я прочиталъ? Разберемъ по складамъ мысль и выразимъ ее не по Іисусову, а по Скворцовски[1]: такъ какъ Іерусалимъ

[1] [illegible] ода, завѣдующій сектантскими дѣлами въ Россіи „какъ экспертъ", въ сущности какъ обвинитель и приводчикъ на судъ обвиняемыхъ, редакторъ желчнаго и неумолимаго „Миссіонерскаго Обозрѣнія"

— замѣтьте, еще до воскресенія Христа, т. е. не имѣвшій причинъ вѣрить болѣе, чѣмъ апостолъ Ѳома, и имѣвшій съ Синая заповѣдь „да не будутъ тебѣ боги иные развѣ Мене“ — этотъ Іерусалимъ, правда, видѣвшій чудеса, которыя, однако, онъ видѣлъ и отъ Иліи-пророка, и выслушавшій, конечно, чудесныя слова, вмѣстѣ съ тѣмъ давній изъ среды своей абсолютно вѣрующихъ, ну, человѣкъ 30, т. е. всегда болѣе, чѣмъ за сколько праведниковъ хотѣлъ Богъ пощадить Содомъ и Гоморру, но въ общей массѣ замѣшкавшійся въ вѣрѣ, былъ осужденъ на гибель, со всѣми подробностями осады Веспасіана и Тита, когда матери отъ голода ѣли своихъ дѣтей. „Вы меня не приняли — и за это будетъ ваша земля опустошена“. Довольно просто, если прозаически выразиться. Но выражено это съ такой безмѣрной красотой, что ничего не замѣчаешь. Забываешь сравнить Іерусалимъ съ Содомомъ и Гоморрой, о которыхъ Господь сказалъ: „если тамъ найду семь праведниковъ — то пощажу его“; забываешь сонмы дѣтей Іерусалимскихъ, бросавшихъ вайи подъ ноги Спасителя и кричавшихъ: „Осанна Сыну Давидову, благословенъ Грядый во имя Господне“. Все забываешь. И вонзишь какъ историкъ, соціологъ и моралистъ Веспасіану: „распни, распни ихъ! ибо они не приняли Его!“

И вѣдь ни у одного изъ христіанскихъ историковъ — а ихъ довольно много — ни единой-то слезинки не пролилось объ Іерусалимѣ. „Распни“ — это всѣ кричали. Даже непостижимо, съ какою совѣстью таскаются туда паломники. Вѣдь они же ненавидятъ это мѣсто? Показываютъ какого-то Іробы пророкъ, дубъ Мамврійскій. Что имъ это. „Что имъ Гекуба“. Ихнее дѣло — подраться бы хоругвями.

Обращаюсь къ нимъ. Вопросъ рѣшается, если рѣшить, было-ли въ мысли Іисуса стѣсненіе свободы, и именно физическое. Прежде всего: прямого совѣта мы не найдемъ. Отчего-бы? Іисусъ посылаетъ въ міръ апостоловъ и именно для проповѣди, для прозелитизма. Онъ зналъ, что весь міръ и покоренъ ему, ибо есть въ словахъ Его упоминаніе, что „Евангеліе будетъ проповѣдано до концовъ земли“.[1] Многому научилъ Онъ учениковъ, длинныя бесѣды и днемъ, и ночью, и на горѣ, и на озерѣ велъ Онъ съ ними. Неужели для столь длиннаго процесса проповѣди нельзя было предвидѣть всякихъ коллизій, всякаго рода столкновеній, всякаго возжженія души у Апостоловъ, и особенно... у позднѣйшихъ миссіонеровъ, до римской „propaganda fide“ включительно? Отчего-же было не сказать твердо и математически: „вамъ и кто пойдетъ по ступенямъ вашимъ, во всѣхъ вѣкахъ и странахъ, повелѣваю дѣйствовать только словомъ, ни къ какой мѣрѣ притѣсненія и понужденія физическаго не прибѣгая“. И было-бы ясно. И были-бы предупреждены Торквемады. Правда, въ одномъ случаѣ Іисусъ запретилъ ученикамъ „свести огонь“ на непринявшій Его городъ. Да, но это лично и сейчасъ. Передъ царемъ и Богомъ жертвъ не совершается; и у насъ въ царскій день не погребаютъ мертвыхъ, а въ греческой драмѣ казнь тоже происходила за стѣною. Есть однако другое слово, кажется, о Капернаумѣ: „Содому и Гоморрѣ будетъ отраднѣе въ день суда, нежели ему“. Вообще „будутъ скорби“. „Когда отнимется Женихъ (Іисусъ) — будутъ скорби“. Говорятъ, миссіонерство — это вражда, холодность, а посему „и не Христово“. Такъ учатъ насъ Меньшиковъ и Мережковскій. А Евангеліе учитъ, что „когда Евангеліе будетъ проповѣдано до концовъ земли, то охладѣетъ въ мірѣ любовь“, и „не думайте, что я миръ принесъ на землю, не миръ Я принесъ, но мечъ и раздѣленіе“. Ну, вотъ сектанты и „господствующая церковь“ и раздѣлились, а какъ „любовь охладѣла“, то холодные языки миссіонеровъ не дѣйствуютъ, и ужъ приходится подогрѣвать дѣло разными мѣрами. Прямо въ Евангеліи мѣръ физическихъ не указано; не развѣ прямо ска-

[1] „До концовъ земли...“ Значитъ, обширно будетъ отечество исходящихъ „до концовъ земли“, посланцевъ христіанства? И, „всѣ царства міра, показанныя (или появившіяся?) Ему его въ мгновеніи ока“, которыя Онъ отвелъ рукою въ сторону „какъ искушеніе“, о нихъ Онъ зналъ и предсказалъ, что они будутъ однако во власти Его (откуда-же апостолы, миссіонерство, миссіи?). Но „смотримъ и не видимъ, слушаемъ и не слышимъ“.

зано тамъ, что изъ народа Божія евреи должны отнынѣ стать какимъ-то дьявольскимъ народомъ, что Іерусалимъ долженъ будетъ въ мукахъ пасть, что будутъ позваны язычники къ спасенію, что золотое кольцо, связавшее Израиля съ Іеговой подъ дубомъ Мамврійскимъ, распаяется и падетъ обломками къ ногамъ его презирающаго новаго человѣчества. Мало ли что прямо не сказано въ Евангеліи. Но неужели дерзкій какой-нибудь скажетъ, что все это совершилось безъ Промысла о себѣ, что и не надо было отмѣнять обрѣзанія, отвергать утреннія и вечернія жертвы въ храмѣ, Титу и Веспасіану не зачѣмъ было трогаться, а что все послѣ Іисуса могло оставаться въ томъ самомъ видѣ какъ до Іисуса, и достаточно было евреевъ немножко посѣчь, высѣчь одно поколѣніе за непризнаніе Іисуса, а съ остальными евреями, теперешними пархатыми жидами, христіане преспокойно могли купаться въ ихней миквѣ, ѣсть опрѣсноки и праздновать праздникъ кущей. Нѣтъ, Христосъ есть камень, гдѣ все повернулось, весь земной шаръ. Милліоны поколѣній отвѣтили за одно. Унижены сотни израильтянъ за пра-пра-прадѣдовъ ихъ. Пострадали безвинные, т. е., безвинные положимъ въ XIII вѣкѣ, когда ихъ вырѣзывали. А ужъ позволите, если жидовъ вырѣзали, вырѣзали перуанцевъ и мексиканцевъ, то почему немножко и не посѣчь сектантовъ? Вѣдь Миролюбовъ, Мережковскій и Меньшиковъ въ обморокъ не падаютъ отъ жалости по Перу, Мексико и жидамъ. Тернавцеву дѣтей не жаль. Съ чего же, напр., я буду жалѣть павловскихъ сектантовъ? Просто, мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ; даже хорошо, что они немножко преслѣдуются, дабы изъ холоднаго и легкомысленнаго сердца христіанъ не исчезала память, что эти маленькіе догорающіе огарки суть остатки когда-то очень высокихъ свѣчей. Въ человѣчествѣ должна быть солидарность. Въ человѣчествѣ должна быть память. Человѣчество, посѣкая кое-кого внутри себя, только не прерываетъ абсолютно необходимую и абсолютно нравственную цѣпь, коею всѣ роды наши связаны, и страданіе должно остаться, даже жестокость не должна изгладиться, пока

не придетъ день, часъ, и Лицо, Которое дастъ окончательное объ этомъ объясненіе. Если бы мечта Мережковскаго и Меньшикова осуществилась, т. е., наступила бы эра Христовой свободы, то въ мірѣ потерялась бы нравственность: ибо ужъ, конечно, эти свободные не вспомнили бы о погребенныхъ въ землѣ рабахъ.

Христосъ есть Судія міра: вотъ это-то и забываютъ. Христосъ боролся и побѣдилъ, и завѣщалъ ученикамъ бороться-же и побѣдить. Указываютъ, что онъ никого физически не наказалъ. Мало ли чего Онъ не дѣлалъ, что мы не можемъ не дѣлать. „Могій вмѣстити да вмѣститъ“. Кто можетъ словомъ побѣдить тьму, — пусть и побѣждаетъ. Но кто не можетъ — пусть къ побѣдѣ тьмы приложитъ и слабѣйшія, небогатыя силы, физическую борьбу. Христосъ исцѣлялъ однимъ словомъ больныхъ. Мы этого не можемъ, хотя это было-бы лучше, и больныхъ лѣчимъ медленно и медикаментами. Христосъ потому насилія не употребилъ, что слово Его равнялось дѣйствію, было въ своемъ родѣ уже насиліемъ; и Онъ не употреблялъ средствъ, Ему не нужныхъ, а у человѣка неизбѣжныхъ и потому ему позволительныхъ. Однако Христосъ повелѣвалъ. Повелительный элементъ содержится въ Евангеліи. „Господи Іисусе, за что Ты мучишь меня“, кричалъ ему больной. Да и вообще говорить, что Христосъ не стоилъ муки человѣчеству, не связанъ былъ съ муками, напр., для Израиля — просто странно. Великіе переломы безъ мукъ не бываютъ. Право, миссіонерство есть меньшая изъ нихъ. Съ этой мистической стороны о мукахъ нашихъ сектантовъ и говорить не стоитъ. Булавочные уколы послѣ ударовъ паровымъ молотомъ. Ихъ жаль князю Волконскому. Но вѣдь ему жидовъ не жаль. А жидамъ не жаль его штундистовъ. Вообще же въ христіанствѣ никому и никого не жаль, ибо „охладѣла въ мірѣ любовь“. Вотъ по рѣчи Антонина аѳинянамъ было жаль какого-то невѣдомаго народца, „божокъ“ которыхъ можетъ быть остался безъ алтаря, и они воздвигли имъ у себя алтарь (deo ignoto). Такъ то были аѳиняне, дрянь. А мы обернуты въ

золото и сіяемъ на весь міръ. Если отъ насъ немного припахиваетъ, какъ случилось въ Іерусалимѣ во время побоища, то мы вообще такъ счастливы, что этого не чувствуемъ, какъ не почувствовалъ этого при разсказѣ Антонинъ. Мы „господствующіе“, „господствующая“ церковь, „господствующая“ религія, „господствующая“ цивилизація. Но гдѣ же видано господство безъ рабства, побѣдители безъ побѣжденныхъ? Это соотносительныя понятія. Миссіонеры работаютъ на великомъ колесѣ этого мірового господства. Это — цивилизаторы, люди высшей культуры, подъ которыхъ напрасно бы подкапываться. Кричать о сектантахъ — все равно, что въ Аѳинахъ было говорить о „варварахъ“, персахъ; или въ Римѣ — о вольноотпущенникахъ. Это подрываетъ сущность христіанской цивилизаціи, точнѣе — великой побѣды Христовой. Войдемъ же въ логику миссіонера, плодами заботъ коего мы пользуемся, а работы ихъ не хотимъ: онъ — какъ Леонидъ при Ѳермопилахъ. За нимъ дорогое отечество; передъ нимъ — варвары. Положить оружіе, опустить копья — значило бы, какъ измѣнникъ Эфіальтъ, провести враговъ въ дорогіе храмы. „Мука! мука!“ говорятъ либералы. Да позвольте: „оружіе пройдетъ черезъ сердце твое“, сказано было Маріи Безвинной при самомъ рожденіи Спасителя. Отъ власти ли Сына не зависѣло, также умеревъ за грѣхи міра, также все совершивъ, Мать Свою избавить отъ муки стоять передъ Крестомъ? Неужели не могъ Онъ содѣлать, чтобы Она почила ранѣе. Нѣтъ, каплями крови точился Христосъ. И капли — окрестъ Его. Вотъ каплю-то крови Христовой и не постигъ рефератъ Волконскаго. Т. е. не постигъ главнаго мистицизма христіанства. Докладъ его произвелъ на меня прямо некрасивое впечатлѣніе, неэстетическое: какое-то считанье по счетамъ около великой загадки, какое-то клубное разсужденіе надъ руинами Карѳагена. Дайте свободу ему и такимъ: они просто засядутъ въ карты и ни малѣйше не воспылаютъ по Христу, какъ будто воспылали-„бы“, дай только свободу христіанству и убери миссіонеровъ. Еще историческая замѣтка: Соединенные

Штаты съ абсолютной холодностью къ религіи — не знали и преслѣдованій религіозныхъ. А Испанія и Италія, давшія почти всю картину христіанства — дали и наибольшія муки человѣчеству. Тутъ я слышу голосъ патріотовъ, что „мы одни знаемъ истину“, — „мы“ и вѣруемъ, и не жжемъ. Я же подозрѣваю, что мы только плохо вѣруемъ, расположены къ картамъ и оттого вообще не безпокоимся прозелитизмомъ. „Ты не горячъ и не холоденъ, а только тепелъ...“ Это очень идетъ къ намъ, къ нашей колеблющейся догматикѣ, не завершенной іерархіи, полу-целибату духовенства, и кое-какимъ миссіонерамъ на мѣсто „De propaganda fide“. Чтобы постигнуть теорію вопроса, во всякомъ случаѣ нужно обратиться не къ намъ, средненькимъ.

Выносъ кумировъ.[1]

„Не сотвори себѣ кумира.“
Второзаконіе.

Исторія католицизма едва ли не занимаетъ собою до половины европейскую исторію. То сочувствіемъ, то борьбою и противодѣйствіемъ, она входитъ въ исторію государствъ, наукъ, искусства, даже войнъ — какъ завоеваніе Англіи норманами. Католицизмъ сплелся со всѣмъ. Только въ немъ, въ силу особыхъ историческихъ обстоятельствъ, мы наблюдаемъ христіанство свободнымъ, тогда какъ во всѣхъ другихъ своихъ развѣтвленіяхъ, во всѣхъ остальныхъ странахъ оно является связаннымъ, обусловленнымъ, частью внутренно не смѣлымъ, придерживаемымъ за края одежд. Одинъ папа и его слуги говорятъ открыто свою волю, перечатъ государствамъ, обществу, иногда игнорируя науку. До какой степени идеей свободы для себя, для „своихъ“ проникнутъ католицизмъ, можно видѣть изъ того, что священника католическаго не можетъ лишить его сана даже папа: ставъ еретикомъ, ренегатомъ, онъ не теряетъ „благодатныхъ даровъ“ однажды полученнаго священства. Это — царь безъ развѣнчанія, вѣчный. Какъ у мальчиковъ-семинаристовъ на макушкѣ головы пробривается маленькій, съ величину монеты, кружокъ; и я не безъ удивленія прочиталъ въ католическомъ катехизисѣ, что это — очищенное отъ волосъ мѣсто для короны старца, общій знакъ всего католическаго духовенства. На этой нерушимой царственности его членовъ основано одно мимолетное, но замѣчательное явленіе: на Западѣ теперь образовалось какое-то общество людей, служащихъ „черную обѣдню“ („черную мессу“!).

[1] Съ большими сокращеніями напечатано въ „Нов. Пути“ подъ (искаженнымъ въ цензурѣ) заглавіемъ: „Политика Комба“.

бѣсу что ли, а всего вѣрнѣе — какому-нибудь шуту и въ какомъ-нибудь шутовствѣ. Ее какъ „мессу“ можетъ только служить священникъ, и это дѣлаетъ перебѣжчикъ, „продавшій душу дьяволу“. И администрація католическая объ этомъ знаетъ... но не чувствуетъ себя въ силахъ отнять у него священство. „Онъ удесятеренно отвѣтитъ за это на томъ свѣтѣ, онъ будетъ страшно судимъ, какъ священникъ; но какъ именно священникъ, а не какъ частный человѣкъ; благодати священства онъ не можетъ быть лишенъ ни въ здѣшнемъ мірѣ, ни въ загробномъ“. Это — послѣдовательность. Католическая исторія сильна, ярка и послѣдовательна. Тѣмъ интереснѣе она для наблюденія. Чтобы постигнуть поэзію, надо изучать поэта на волѣ, а не то, чтобы слушать его тюремныя „воздыханія“, не перетягивать гаммы изъ „I mei prisoni“ (Сильвіо Пеллико).... Такія-то „свободныя пѣсни“ христіанства мы и слушаемъ на Западѣ, въ странахъ лиловыхъ епископовъ и красныхъ кардиналовъ.

Года три назадъ я пересѣкалъ Рижскій заливъ. Пароходъ „Императоръ Николай II“ проходилъ по самой серединѣ залива, мимо крошечнаго острова Руно, чуть-чуть видѣвшагося купами деревъ на водяномъ горизонтѣ. Среди пассажировъ слышался говоръ о немъ:

— Онъ населенъ почти одичавшимъ населеніемъ, латышами ли, или нѣмцами. Они ловятъ рыбу и занимаются огородничествомъ. Только разъ въ годъ, въ самую стужу зимы, они пріѣзжаютъ по льду въ Ригу и, закупивъ что нужно на цѣлый годъ, возвращаются. Такъ какъ островъ малъ и бѣденъ, то пароходы никогда туда не заходятъ, а владѣльцы острова не имѣютъ ничего кромѣ рыбачьихъ лодокъ, на которыхъ нельзя отважиться въ море. Поэтому никто ихъ никогда не видитъ, не посѣщаетъ, и они сами никого не видятъ, кромѣ Риги и рижанъ единственный разъ въ годъ.

Удивленный такимъ страннымъ существованіемъ, я спросилъ:

— Ну, однако, тамъ есть исправникъ?

Я не умѣлъ сразу назвать другой должности и назвалъ первую, попавшую на умъ, какъ бы защищаясь отъ идеи: „городъ безъ начальника“, „страна безъ начальства“.

— Ну, какой же тамъ исправникъ, когда это поселокъ. Нѣтъ никого. Подати они привозятъ сами и исправно, когда бываютъ въ Ригѣ. Съ материка, нетуземецъ, тамъ живетъ одинъ только пасторъ: живетъ по самоотверженной любви къ Богу и изъ жалости къ человѣку. Но и ему иногда приходится плохо.

— Плохо?

— Жители острова совершенно задичали, безчинны, самоуправны и не понимаютъ ни того, что такое религія, ни что такое Herr Pastor. И былъ однажды случай, что они его за что-то протащили подъ лодкой.

Я не понялъ. Тогда мнѣ объяснили ѣхавшіе на пароходѣ нѣмцы, что протаскиваніе подъ лодкой есть единственное практикующееся на островѣ, да и вообще въ этихъ приморскихъ мѣстностяхъ, гдѣ подвѣчье, наказаніе. Оно состоитъ въ томъ, что не нравящагося или провинившагося человѣка, какого у насъ выслали бы изъ деревни по мірскому приговору, эти латыши берутъ на лодку, недалеко отъѣзжаютъ отъ берега, спускаютъ съ борта въ воду, захватываютъ съ другого борта за ноги и погружая въ воду — протаскиваютъ подъ днищемъ. Наказываемый захлебывается, и вообще терпитъ много непріятнаго, но ничего опаснаго. Операція длится минуты полторы, и онъ въ полной цѣлости обратно отвозится на берегъ. Такую шутку продѣлали на островѣ Руно его жители со своимъ духовнымъ отцомъ.

Я не могъ не почувствовать впечатлѣнія отъ разсказа и все ежился, представляя себѣ, какъ это такъ тащатъ человѣка въ полномъ костюмѣ подъ днищемъ лодки. Затѣмъ я началъ думать, чѣмъ бы это могъ пасторъ раздражить такихъ Робинзоновъ, едва ли свирѣпыхъ, ибо и самое наказаніе ихъ похоже на школьную забаву; и остановился, наконецъ, на мысли:

вѣрно онъ былъ добрый, но нѣсколько пендантичный, заботливый и фанатичный лютеранинъ-піетистъ. Ничего въ немъ худого не было, но вся жизнь рыбаковъ ужасно не согласовалась, не соотвѣтствовала формами и духомъ своимъ его отвлеченному и вмѣстѣ упорному проповѣдничеству. И они съ чувствомъ надоѣдливости, какъ великовозрастные шалуны, выкупали его. Вышла краткая реплика въ отвѣтъ, можетъ быть, на цѣлый годъ возвышеннаго и одушевленнаго краснорѣчія.

Потомъ я въ книгѣ прочелъ о фактахъ въ Пруссіи, въ сущности не такъ далекихъ отъ происшествія на Руно:

„Упадокъ церковной жизни необыкновенно великъ“, писалъ въ концѣ минувшаго вѣка берлинскій суперъинтендентъ въ пастырскомъ посланіи къ подчиненному духовенству. „Множество церквей посѣщается лишь немногими, и большинство населенія заботится исключительно о временномъ и земномъ. Молитва въ домахъ замолкла. Слово Божіе не читается и еще менѣе исполняется. Число некрещенныхъ дѣтей и невѣнчанныхъ браковъ до ужаса велико. Благочестіе и уваженіе къ божественному и человѣческому порядку сокрушаются, и суды Божіи не принимаются въ соображеніе и не понимаются. Теперь вопросъ не о богословскихъ размышленіяхъ, а о томъ, есть ли Богъ, есть ли у человѣка безсмертная душа и предстоитъ ли вѣчный судъ.“

Но эта жалоба очень обща и даетъ скорѣй религіозную статистику, чѣмъ религіозную картину. Но вотъ конкретный фактъ, въ которомъ мы можемъ разсмотрѣть почти психологію дѣла. Онъ представляетъ вырѣзку изъ одной провинціальной нѣмецкой газетки: „нѣсколько сотенъ рабочихъ, работающихъ на одномъ заводѣ въ Вестфаліи и живущихъ съ своими семьями въ одномъ помѣщеніи, никогда не ходятъ въ кирки и, пользуясь правами, предоставленными въ Германіи гражданскимъ бракамъ, не вѣнчаются и не крестятъ своихъ дѣтей. Однажды пришелъ къ нимъ мѣстный пасторъ. Собравшись, они выслушали его увѣщанія, и одинъ старикъ отъ

лица всѣхъ отвѣчалъ ему: „господинъ пасторъ, мы не обижаемся на васъ за ваши слова: это ваше призваніе, и вы говорите въ своемъ родѣ хорошо. Но мы покорнѣйше просимъ васъ не безпокоиться заходить къ намъ болѣе. Мы, большіе и малые, не вѣруемъ въ Бога и не желаемъ ничего знать о Немъ. Мы хотимъ работать, пріобрѣтать деньги, ѣсть и пить и тѣмъ давать себѣ иногда удовольствія. Мы вѣримъ въ лучшее будущее, но не на небѣ, а на землѣ; мы вѣримъ въ евангеліе и спасеніе, но это есть соціальная демократія, которую принесъ Іисусъ Христосъ и ввелъ бы, если бы этому не помѣшали его неблагоразумные ученики."

* * *

Мы замѣтили выше, что всякій разъ, когда имѣемъ въ разныхъ вѣтвяхъ христіанства параллельныя теченія, то теченіе католической церкви далѣе другихъ идетъ и ярче выражено. Борьба съ конгрегаціями и, наконецъ, изгнаніе ихъ изъ Франціи, о чемъ такъ много шумѣла печать всей Европы за это Цто, есть тотъ же фактъ, о которомъ мы разсказали на Руно и въ Германіи. Но въ то время, какъ церковь и народъ въ протестантскихъ странахъ нынѣ поворачиваются другъ къ другу спиной, во Франціи они яростно бросаются другъ на друга. Что за явленіе? Гдѣ оно видано? Кто читалъ въ исторіи о борьбѣ язычниковъ со своими „жрецами" или находилъ въ газетахъ свѣдѣнія о борьбѣ евреевъ съ раввинами, мусульманъ съ муллами? Явленіе собственно „клерикализма" и „клерикальной борьбы" есть специальный фактъ іудаизма и христіанства. Здѣсь только почему-то мірь, не ладящій съ представителями религіи. Въ разныхъ степеняхъ, но они почти вездѣ не ладятъ.

*

Эпизодъ съ конгрегаціями прежде всего нуждается въ освобожденіи отъ риторики, въ „упрощеніи". Напримѣръ, прежде всего устранимъ изъ факта рито-

[1] Цитаты, заимствованныя мною изъ сочиненій проф. Бѣляева: „О безбожіи и антихристѣ", 1898 г., огромная книга его въ 1040 страницъ изобилуетъ многими любопытными фактами.

рику „Свобода умерла", писали на плакатахъ католическія монахини въ Парижѣ и выдвигали эту сентенцію на длинныхъ шестахъ для чтенія народа. „Мы выдавали завтраки бѣднѣйшимъ жителямъ", „мы отлично ухаживали и ухаживаемъ за больными", яростно кричали въ другихъ мѣстахъ „сестры". „Папа — соціалдемократъ: для чего же правительство съ соціалдемократическими тенденціями идетъ противъ насъ и святѣйшаго Отца?" Дѣйствительно, если бы во Франціи — да и во всемъ мірѣ, ибо это всемірное явленіе — происходилъ только торгъ выгодъ и невыгодъ, то филантропіи французской надо бы соединиться съ филантропіей католической, одной свободѣ съ другою, и Либкнехтъ долженъ бы имѣть въ Львѣ XIII перваго своего друга. Но вѣдь тутъ, очевидно, движутся разные историческіе процессы, разные отъ корня и до вершины. Это какъ бы минутная встрѣча на одной ступенькѣ лѣстницы двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ восходитъ, другой нисходитъ, и они только сейчасъ стоятъ рядомъ, тогда какъ никогда ранѣе не были вмѣстѣ, да и родились, можно сказать, съ намѣреніемъ задушить другъ друга. Очевидно по всѣмъ обстоятельствамъ, что Левъ XIII, берлинскій суперъ-интендентъ, пасторъ на островѣ Руно спускаются внизъ. Они слабѣютъ. И какъ Левъ XIII ни хотѣлъ бы дружить съ Либкнехтомъ, папство — съ французской республикой, „сестры" — съ свободой новаго общества: самъ Либкнехтъ, Франція и свобода не хотятъ съ ними дружить. Нигдѣ этого не сказано печатно, но можно прочитать во всѣхъ сердцахъ такой отвѣтъ имъ.

„Свобода... вы ее тѣснили 1800 лѣтъ, и хотите только сейчасъ свободы, потому что вамъ тѣсно... не скроемъ, отъ насъ тѣсно. Вы ее ищете для себя, а не для человѣчества, и въ ущербъ именно свободѣ человѣчества. Мы васъ и тѣснимъ, но только однихъ васъ, не надѣясь отъ васъ ни на завтра, ни на послѣ завтра ни для кого свободы. Отмѣните Index запрещенныхъ книгъ, предайте торжественной анаѳемѣ всѣхъ кардиналовъ, епископовъ и папъ, вводившихъ инквизицію въ Европѣ: и тогда мы повѣ-

римъ, что вы за свободу. Но вы рвете клокъ свободы изъ нашихъ рукъ, нашей спеціальной свободы, нами въ исторіи начатой и у насъ въ карманѣ лежащей, нисколько не вынимая другой и тоже спеціальной свободы изъ собственнаго кармана, весьма и весьма нужной бы міру. Въ спеціальныхъ вашихъ областяхъ вы нетерпимы и фанатичны совершенно такъ, какъ этого требовалъ и это проповѣдовалъ Ѳома Аквинатъ, творенія котораго вы предлагаете изучать своимъ современникамъ, предлагаете ихъ намъ. Вы даете завтраки бѣднякамъ; пустите лучше бѣдняковъ въ ваши великолѣпные историческіе сады и парки, удѣлите въ монастыряхъ вашихъ мѣсто больницамъ, словомъ, слейтесь съ нами чистосердечно и полно, и тогда мы признаемъ васъ частью себя или, пожалуй, себя частью васъ. Будемъ съ вами одно. Но единства нѣтъ и оно невозможно и никогда не будетъ, потому что мы посажены въ разную почву, да и сами — разныя растенія. Слова, какъ „свобода", „любовь къ человѣку", „состраданіе къ несчастію", будучи филологически тѣми же въ вашихъ устахъ и въ нашихъ, на самомъ дѣлѣ имѣютъ у васъ и у насъ совершенно разный смыслъ. Напримѣръ, эти завтраки. Это — лицемѣріе: вѣдь, вы ничего не работаете, вы выманиваете или выманили въ старину изъ населенія милліоны, и изъ нихъ отсчитываете нѣсколько десятковъ или сотенъ франковъ на завтраки. Намъ полезнѣе сохранить милліоны, на которые мы и сами сумѣемъ устроить завтраки, но устроимъ ихъ на полный милліонъ, безъ вычета въ вашу пользу. То же и о сестрахъ милосердія въ больницахъ: мы можемъ нанять своихъ, не хуже ухаживающихъ, но ухаживающихъ безъ всякихъ побочныхъ цѣлей, каковыми руководятся ваши сестры."

И конгрегаціи уходятъ. Съ яростью, съ неописуемымъ гнѣвомъ, но уходятъ. Можно сказать, у нихъ есть связи съ французами, съ частными людьми, но связи съ Франціей нѣтъ. Якорь цѣпляется за слишкомъ маленькія величины, и срывается. Какъ и у берлинскаго супер-интенданта есть связь съ правительствомъ прусскимъ, есть связь съ духовенствомъ,

съ благочестивыми нѣмцами. Но за глобусъ „Германія" онъ не зацѣпливается. И этимъ рѣшается все.

* * *

Но что же остается или останется въ Европѣ послѣ ихъ ухожденія? Что, вообще, это за всемірное явленіе какъ бы прощанія насомыхъ съ насущими? Ибо никто не усомнится, что это огромный моментъ исторіи. Даже Робеспьеръ признавалъ Etre Suprême. Наполеонъ заключилъ конкордатъ съ Ватиканомъ, а теперь само правительство, цѣлая Франція, рабочіе простолюдины въ Вестфаліи идутъ дальше Робеспьера, вѣрятъ менѣе Бонапарта, оставаясь въ то же время совершенно мирными тружениками и семьянами.

Европа разстается собственно съ пасторатомъ своимъ, но Бога она не покидаетъ. Обратимся къ явленію, гдѣ оно всего ярче, къ католичеству. Если къ нѣмецкому пасторству населеніе равнодушно, то къ французскому или итальянскому духовенству оно гнѣвно. Изгоняемые или оскорбленные, они кричатъ: „народъ остается безъ Бога, онъ не хочетъ Бога". Но на это нѣтъ доказательствъ. Или, точнѣе, изъ самой формулы: „отказываются отъ насъ, значитъ отказываются отъ Бога", вытекаетъ одно ужасное подозрѣніе, гдѣ, быть можетъ, мы и найдемъ ключъ къ разгадкѣ всего этого печальнаго и мучительнаго явленія.

Демаркаціонная линія, раздѣляющая Бога и пасторство, стерлась до „нѣтъ". Но она стерлась въ сознаніи пасторства, или чрезвычайно близкихъ къ нему частей населенія, но не стерлась въ полѣ зрѣнія всѣхъ, кто стоитъ сколько-нибудь поодаль. „Будете яко бози", этотъ соблазнъ Змія-Искусителя Евѣ незамѣтно въ вѣкахъ, но очень полно къ концу вѣковъ осуществился. А изгнаніе конгрегаціи тоже безсознательно, но едва ли оспоримо является реакціей къ возстановленію строгаго монотеизма, какъ выносъ „статуй Ваала и Астартъ" изъ Соломонова храма, какое время отъ времени совершали реставраторы чистоты Библейской вѣры, цари и первосвя-

щенники. „У насъ нѣтъ другихъ боговъ, кромѣ Бога, а какъ вы содѣлали себя богами и требуете поклоненія себѣ, отношенія къ себѣ, вовсе не подобающаго людямъ смертнымъ и ограниченнымъ, и грѣшнымъ, то мы не хотимъ васъ болѣе, просто не хотимъ вашего присутствія. Вы какъ экранъ принимаете на себя молитвы наши. Вы застѣнили (стали стѣною) отъ насъ Бога. Но мы хотимъ видѣть Бога, и отодвигаемъ экранъ, васъ.“

Вотъ самая сердцевина дѣла. Она лежитъ въ глубокихъ неосторожностяхъ, вѣковыхъ, тысячелѣтнихъ, допущенныхъ въ обращеніи съ понятіемъ „служитель Божій“ и „благодать“. Что такое „служитель Божій“? Ну, „служи“. Но не требуй себѣ служенія, которое принадлежитъ и приличествуетъ одному Богу. Служитель и имѣетъ отношеніе къ Тому Одному, Кому онъ служитъ. Больше ни къ кому и ни къ чему, къ людямъ, къ міру, къ государству онъ отношенія не имѣетъ, иначе какъ дружелюбія, равенства, одинаковости природы. „Первосвященникъ“ Соломонова храма выбирался, былъ временемъ; они чередовались, какъ еще во времена Іисуса, Каіафы и Анны. А папа любитъ отождествлять себя съ ветхозавѣтными первосвященниками. Садокъ, первосвященникъ израильскій, былъ низложенъ юношей Соломономъ при самомъ его восшествіи на престолъ, и не жаловался, не роптал, и Соломонъ не былъ Богомъ за это наказанъ, а, напротивъ, Богъ говорилъ ему въ извѣстномъ видѣніи слова Свои и наставленія. Такимъ образомъ, въ безспорномъ и истинномъ богослуженіи, каково было Ветхозавѣтное, служитель Божій, примѣняя терминологію Ницше, не становился „сверхчеловѣкомъ“. Мы употребили терминъ Ницше не безъ антипатіи, единственно, чтобы выпуклю объяснить читателю мысль свою. Произволю нарушеніе трехъ заповѣдей: „да не будутъ тебѣ боги, ини развѣ Мене“, „не сотвори себѣ кумира“, „не приемли имени Господа Бога твоего всуе“. Отмѣна-то этихъ трехъ заповѣдей и образуетъ почти все тѣло католицизма, всю его реальную и положительную ткань, такъ что остающихся семи заповѣдей и нащупать нельзя

сквозь покровъ отвергнутыхъ этихъ трехъ. Едва всѣ рванулись къ чистому монотеизму, къ „Азъ есмь Господь Богъ твой“, какъ потянули одежду, много или мало, но непремѣнно потянули царственный пурпуръ съ живого и со всѣхъ умершихъ наши и до послѣдняго приходскаго каноника. Всѣ они стоятъ „иными богами“, „драгоцѣнными кумирами“, передъ которыми въ храмахъ возжигаются лампады, свѣчи, кадится ѳиміамъ. Сколько бы ни говорили, что это „въ аллегорическомъ смыслѣ“, „по заимствованному отъ Бога свѣта“, „потому что они (почившіе святые католичества) суть посредники“, и что кланяются ихъ изображеніямъ все же не такъ низко, какъ Богу: это все будутъ смягченія, оговорки, софизмы; ваалы и астарты не допускались Богомъ около себя ни въ качествѣ младшихъ братьевъ Іеговы, ни племянниковъ, ни товарищей, ни даже служителей, просто — никакъ. Богъ и человѣкъ, Solus Deus, solus homo, и всѣ человѣки передъ Богомъ уравниваются въ ничтожной малости своей. Тутъ-то лежитъ условіе свободы человѣка, ужасно важное для земли условіе. Одинаковы и навсегда для человѣка есть единая господствующая и абсолютная точка: Богъ. Между тѣмъ, въ католичествѣ человѣкъ обусловленъ не одною, а міріадами точекъ; ограниченъ не вообще и отдаленно, а тѣсно и до послѣднихъ подробностей, до задыханія. Онъ слушаетъ не одну струну, а тысячи струнъ. Молитва, вниманіе его разсѣяны: некогда и подумать о Богѣ,— столько духовенства. Развѣ не священникъ былъ Авраамъ? Съ нимъ Богъ „заключилъ союзъ“: кажется, послѣ такого „посвященія“ онъ долженъ бы покинуть и дубъ мамврійскій, и Сарру, и стада и одѣться въ какой-нибудь усѣянный звѣздами хитонъ. Но этого не случилось. Какъ былъ Авраамъ до завѣта пастухомъ и мужемъ, такъ мужемъ и пастухомъ остался и послѣ завѣта. Можно ли было не стать первосвященникомъ, или не надѣть ризы законодателю или псалмопѣвцу? Но послѣдній оставался семьяниномъ и воиномъ, а первый чисто храмовую и служебную должность первосвященника отдалъ брату. Никакой магіи на Аарона не лежало: онъ не отко-

Вотъ почему, такъ сказать, „безбожіе“ свѣтскихъ государствъ Европы — не вѣчное. Они только отдохнутъ отъ „боговъ“ и возвратятся къ Богу (Единому); но къ „католичеству“ уже никогда не вернутся, не вернутся вообще къ „магическому“ на землѣ и въ человѣкѣ. Что такое „каѳоличность“? Универсальность. Образуютъ ли „тѣло церковное“ народы? На прямой этотъ вопросъ всѣ скажутъ — „да“! Но вотъ провѣрка этой каѳоличности. Извѣстно, что папа раньше, чѣмъ избираться кардиналами, выбирался народомъ — да, прямо чернью! криками горожанъ римскихъ! Вотъ если бы вмѣсто „завтраковъ бѣднымъ“ папа сказалъ: „я въ союзѣ съ народомъ, и хочу быть любимымъ отъ народа пастыремъ, а ради этого распускаю дипломатическую канцелярію — и пусть меня по прежнему, по древнему выбираетъ добрый римскій народъ“. Тогда въ демократизмъ его можно было бы серьезно повѣрить. Скажутъ: „невозможно, трудно“, но „развѣ есть что невозможнаго для Бога“? На то есть „магическое“ въ исторіи, „сверхъестественное“. Если бы Левъ XIII, распустивъ или понизивъ коллегію кардиналовъ, „непогрѣшимо ex cathedra“ изрекъ: „преемникъ мнѣ да будетъ избранъ добрыми римлянами, моими возлюбленными дѣтьми“, то онъ тотчасъ же отъ ложной и иллюзіонной магіи, поднявшейся до неба, и перешелъ бы въ настоящее „священство“, не большое, не высокое, но подлинное. „На всѣхъ людей падаетъ по лучу отъ Бога, а на меня — два луча.“ Это вовсе не то, что сказать „на меня падаютъ всѣ лучи отъ Бога, а на человѣчество — ни одного“.

Нужно отмѣнить „Index librorum“ — вотъ „свобода“. Надо отлучить отъ теперешней церкви всѣхъ иниціаторовъ инквизиціи: тогда и Франція, и Италія воскликнутъ: „мы слышимъ голосъ нашего возлюбленнаго отца!“ Вотъ соединеніе съ человѣчествомъ. Не для чего „аллегорически“ омывать нищимъ ноги въ такой-то торжественный день въ торжественной церемоніи: надо просто на просто въ точности начать омывать ноги человѣчеству. Ибо ноги эти — усталыя, ибо ноги эти изъязвленныя. Тогда онъ (Левъ XIII)

можетъ молиться усерднѣе Франциска Ассизскаго; и безъ дружбы съ Либкнехтомъ народныя массы отъ Лабы до Сены закричатъ: „онъ сошелъ къ намъ, онъ среди насъ, онъ нашъ“. И какъ для папы ни одинъ блузникъ не перекрестится, и тѣмъ гордо и честно выдерживаетъ свою, можетъ быть, минутную природу, убѣжденіе, предразсудокъ; такъ папа пусть молится св. Маріи съ прежнимъ тысячелѣтнимъ усердіемъ, вовсе не подражая блузнику. А то дѣлаются попытки къ какому-то взаимному переодѣванію: „я немножко переодѣнусь блузникомъ, — ну, чуть-чуть, для виду; и пусть обратно блузникъ читаетъ каждый день по разу Ave Maria, да громко читаетъ, чтобы это короли и министры слышали“. Но эта „комедія переодѣваній“ какъ бы не перешла, да ужъ и переходитъ, въ „комедію ошибокъ“.

* * *

Мнѣ хочется вернуться отъ тяжелыхъ французскихъ событій къ болѣе мирной сценѣ въ Вестфаліи, переданной московскимъ ученымъ, Ну, а что, еслибы пасторъ, выслушавъ холодный, но не враждебный отвѣтъ старика-рабочаго, не повернулъ спину къ нему и не пошелъ „докладывать о видѣнномъ“ (а въ сущности — о „ничего не видѣнномъ“) берлинскому суперъ-интенденту, а вмѣсто этого сказалъ бы: „я не хочу васъ учить, но хочу васъ увидѣть, какъ братъ брата, на полномъ равенствѣ“, — и вошелъ туда. Что же бы онъ тамъ увидѣлъ?! Намъ не досказанъ фактъ, и недосказанъ въ любопытнѣйшей своей части. Дѣло въ томъ (и здѣсь причина всего „раздѣленія силъ“, „шапки врозь“ человѣчества), что пасторъ пришелъ въ точности только со своимъ и только для своего, безъ малѣйшаго любопытства собственно къ человѣку, къ деревнѣ, куда онъ пришелъ. И отъ этого эгоизма (столь явнаго) деревня эгоистически отвернулась. Но пусть эгоизмъ отложенъ, за околицей деревни пасторъ оставляетъ весь ящикъ наставительныхъ книгъ: и идетъ туда одинъ, какъ зритель (по проф. Бѣляеву) „наступающаго царства

Антихриста". Можно быть увѣреннымъ, это слышится изъ всего тона рѣчи старика-представителя, рѣчи сдержанной и представительства скромнаго, что онъ вовсе не увидѣлъ бы тамъ зрѣлища буйной и пьяной улицы, парней „подъ ручку" съ пятью-шестью „растерзанными дѣвицами", и вообще не увидѣлъ бы довольно знакомыхъ намъ картинъ, примѣръ которыхъ я приведу ну, хоть изъ слѣдующей газетной вырѣзки:

„Въ день Троицы въ нашей мѣстности, въ деревнѣ Гречина Гора, собрались по обычаю человѣкъ 200 мужиковъ, бабъ, парней и дѣвушекъ. Пѣлись скабрезныя пѣсни, разгулъ былъ полный. Пьяные мужики начали установлять какія-то межи и подрались. Одинъ молодой парень раздѣлся до нага и непозволительно велъ себя по отношенію къ сельскимъ дѣвушкамъ. Безобразника едва не закололи вилами. А въ сосѣдней деревнѣ Стохновѣ разгулявшіеся парни разломали по дорогѣ изгороди, вынесли изъ избы квашню съ тѣстомъ и посадили въ нее старика". (Изъ „Биржев. Вѣдом.", сообщеніе „Изъ мѣст. Жигова", г. Ив-скаго).

Такой случай не занесенъ и не занесетъ какъ „знаменіе пришествія Антихриста" г. Бѣляевъ въ свою тысяче-листную, внимательную книгу. Т. е. почему же не занесетъ? Обыкновенно, привыкли, такъ всегда было, и ничего тутъ новаго нѣтъ, какъ есть новое въ докладѣ пастора объ отказѣ принять его Вестфальскою деревнею. Но въ деревнѣ явная тишина, спокойствіе, благообразіе; какъ и на островѣ Руно, гдѣ безъ исправника и при одномъ пасторѣ, безъ свидѣтелей цѣлый годъ, жители перерѣзали бы другъ друга, заведи они первую же ссору, подними кто-нибудь на кого-нибудь первый руку. Есть такія условія полной свободы и уединенія, гдѣ или полная тишина, или всеобщее и быстрое каннибальство. Но если на Руно съ незапамятныхъ временъ, можетъ быть, еще до Ливонскихъ рыцарей рыбачили, какъ рыбачатъ сейчасъ, то вѣроятнѣе, что тамъ пронеслись вѣка, не возмущенные и легкимъ вѣткомъ „нрававъ". Во всякомъ случаѣ тамъ не

сердились такъ сильно, какъ папа въ слѣдующемъ оффиціальномъ документѣ:

„На-дняхъ „Messager de Bruxelles" сообщилъ, что Леонъ Таксиль отлученъ папой отъ церкви. Текстъ этого отлученія сохранилъ средневѣковый характеръ.

„Во имя всемогущаго Бога-Отца, Сына и Святого Духа, Священнаго Писанія, святой и безпорочной Дѣвы Маріи, Матери Бога, во имя всѣхъ славныхъ добродѣтелью ангеловъ, архангеловъ, престоловъ, могуществъ, херувимовъ, серафимовъ, во имя патріарховъ, пророковъ, евангелистовъ, святыхъ преподобныхъ, мученниковъ и исповѣдниковъ, и всѣхъ прочихъ спасенныхъ Господомъ, Мы провозглашаемъ, что отлучаемъ отъ церкви и анаѳематствуемъ того злодѣя, который именуется Леономъ Таксиль, и изгоняемъ его отъ дверей Святой Божьей церкви.

„И Богъ-Отецъ, который сотворилъ міръ, его проклинаетъ; и Богъ-Сынъ, который пострадалъ за людей, его проклинаетъ; и Святой Духъ, который возродилъ людей крещеніемъ, его проклинаетъ; и святая вѣра, которою искупилъ насъ Христосъ, его проклинаетъ. И Святая Дѣва, Матерь Божія, его проклинаетъ. И святой Михаилъ, ходатай душъ, его проклинаетъ. И небо, и земля, и все, что на нихъ заключается святого, его проклинаетъ. Да будетъ онъ проклятъ всюду, гдѣ бы онъ ни находился; въ домѣ, въ полѣ, на большой дорогѣ, на лѣстницѣ, въ пустынѣ и даже на порогѣ церкви.

„Да будетъ проклятъ онъ въ жизни и въ часъ смерти. Да будетъ проклятъ онъ во всѣхъ дѣлахъ его, когда онъ пьетъ, когда онъ ѣстъ, когда онъ алкаетъ и жаждетъ, когда онъ постится, когда онъ спитъ, или когда онъ бодрствуетъ, когда гуляетъ, или когда отдыхаетъ, когда онъ сидитъ или лежитъ, когда онъ ѣстъ, когда онъ раненый, когда истекаетъ кровью."

„Да будетъ проклять онъ во всѣхъ частяхъ своего тѣла, внутреннихъ и внѣшнихъ."

„Да будетъ проклятъ волосъ его и мозгъ его, мозжечекъ его, виски его, лобъ его, уши его, брови его, глаза его, щеки его, носъ его, кисти рукъ и руки

его, пальцы его, грудь его, сердце его, желудокъ его, внутренность его, поясница его, пахъ его, бедра его, колѣни его, ноги его, ногти его."

„Да будетъ онъ проклятъ во всѣхъ суставахъ членовъ его. Чтобы болѣзни грызли его отъ макушки головы до подошвы ногъ."

„Чтобы Христосъ, Сынъ Бога живого, проклялъ его всѣмъ своимъ могуществомъ и величіемъ. И чтобы небо и всѣ живыя силы обратились на него, чтобы проклинать до тѣхъ поръ, пока не дастъ онъ намъ открытаго покаянія. Аминь. Да будетъ такъ, да будетъ такъ. Аминь."

Замѣтьте, что это формула древняя, т. е., тоже въ своемъ родѣ привычная, какъ и „праздничный разгулъ" въ нашихъ деревняхъ: и ее также не пришло бы на умъ проф. Бѣляеву внести въ рубрику „особенно ясныхъ свидѣтельствъ близящагося царства Антихриста", да и если онъ будетъ издавать вторымъ изданіемъ свою книгу, или напишетъ къ ней второй томъ, онъ не послѣдуетъ моему указанію и не занесетъ ее въ „признаки". Т. е., это ему не представляется, какъ и шутки мужиковъ нашихъ, антибожественнымъ.[1] Съ этой точки зрѣнія вся его книга можетъ быть принята какъ-то „наоборотъ". Ему не кажется анти-божественнымъ то, что явно антибожественно; а рабочимъ въ Вестфаліи, да можетъ быть и французамъ, „потребовавшимъ удаленія конгрегацій", можетъ быть давно уже кажется „антибожественнымъ" то, что проф. Бѣляеву кажется такъ просто, обыкновенно и „простительно". Невозможно не замѣтить, что начало „какъ-бы свѣто-преставленія" относится всѣми духовными къ моменту выпада власти изъ ихъ рукъ, къ паденію авторитета ихъ; въ послѣднемъ анализѣ — сведеніе ихъ къ простотѣ и ясности „раба Божія Моисея, кротчайшаго изъ людей", „странниковъ Петра и Павла", „первосвященника Са-

[1] Какъ для насъ „Христосъ" есть Богъ и даже весь Богъ (при крайне ослабленномъ, только нумераціонномъ, представленіи Отца и Св. Духа): то, очевидно, терминъ Анти-Христъ есть Внѣ-Богъ, Безъ-Бога; а „знаки Антихристова царства", „Антихристова пришествія" суть знаки или проявленія особенно специфическаго и яркаго внѣ-божескаго порядка, безъ-божнаго духа. Но ни проклятія папы, ни пьянство и дебошъ Руси богословами не обозначаются какъ что-то характерно „внѣ-божеское".

дока", которые служили, всѣ служили, по Единому Богу (тогда еще Единому), и служили плечо съ плечомъ съ человѣками, не получая поклоненія себѣ отъ нихъ. Но я вернусь къ вестфальскимъ рабочимъ, да и къ болѣе общей судьбѣ Франціи. Что же осталось имъ, что же останется? Пройдутъ десятилѣтія, можетъ быть, два-три вѣка дѣйствительной пустынности или малорослости души; въ родѣ новаго Moyen Age, Mittel-Alter: но — не вѣчнаго, отнюдь не окончательнаго. Отростутъ ростки души, спеціально доселѣ и уже давно, тысячу лѣтъ атрофированные. Описываютъ зоологи, что въ пещерныхъ озерахъ, вѣчно темныхъ, у рыбы есть глаза, но они не видятъ. У европейскаго человѣчества, у души европейской есть почти несомнѣнно множество такихъ же еще „закрытыхъ" способностей, зачаточныхъ или подавленныхъ силъ, главнымъ образомъ — въ отношеніи къ природѣ, но также — и Бога: которымъ проснуться возможно и которыя проснутся. Рыбы, вынесенныя изъ такого вѣчно темнаго озера, индивидуально, можетъ быть, и умрутъ не зрячими; но въ дальнѣйшихъ генераціяхъ зачаточный глазъ — увидитъ. „Мы не вѣруемъ въ Бога и не желаемъ ничего знать о Немъ", этотъ отвѣтъ вестфальца есть только за себя отвѣтъ; ну — за своего сына, наконецъ — внука; но не за внука этого внука. Шевельнутся ростки души, теперь совершенно невидные. Кто знаетъ, какъ будетъ внукъ его внука смотрѣть на зеленѣющее дерево? Мнѣ пришлось прочесть объ „безбожной Франціи" извѣстіе, которое тронуло меня въ Петербургѣ, потому что здѣсь оно невозможно; самые бѣдные парижане, вотъ такого же достатка, какъ и вестфалецъ-рабочій, цѣлою семьею (всегда семьею) выбираются загородъ, отъѣзжаютъ нѣсколько станцій по желѣзной дорогѣ, и, забравшись въ лѣсъ или расположившись на лугу, имѣя привезенную съ собою провизію, проводятъ цѣлый день среди зелени. Это — характерно. Извѣстно, до какой степени оголены отъ растительности наши несчастныя великорусскія деревни и села. Сказать, что у крестьянъ нѣтъ ни времени, ни силъ посадить дерево — невоз-

можно уже отъ того, что находятъ же они время посадить старика въ опару. Но чувства природы и зелени совершенно нѣтъ у него, и это я не могу не связывать чуть ли не съ „природнымъ“ его алкоголизмомъ, какъ и съ „разгуломъ 200 мужиковъ“ до такой степени удали, что одинъ парень показалъ себя голымъ дѣвицамъ. Природа трезва, чиста и деликатна; а вмѣстѣ — она и возбудительна, живительна. Посадить дерево, раскинуться семьею на лугу — это все равно, какъ потянуть вина изъ тонкаго горлышка древняго сосуда, но вина благороднаго, не отравляющаго. Алкоголизмъ и отсутствіе зелени въ нашихъ селахъ я считаю застарѣлыми „знаменіями пришествія Антихристова“; ибо это явно анти-божественно; да и дикій видъ деревни, описанной выше, являетъ полное забвеніе Бога, хотя бы они и „клялись Богомъ“ пьяными устами. Въ вестфальской деревнѣ — тишина; у насъ — гамъ. Что зрѣетъ въ тиши, что готовится въ гамѣ — никто этого не знаетъ. Но вѣрится и даже вѣруется, что тамъ въ тишинѣ, въ благообразіи вызрѣетъ, ну, пусть черезъ вѣка — но однако вызрѣетъ слово, понятіе, образъ „Богъ“; вызрѣетъ и молитва къ Нему, ну — пусть новая, необычайная. Что-нибудь въ родѣ лепета первыхъ латиновъ о Dii Lares. А около квашни, съ посаженнымъ въ нее старикомъ, какъ и около исключительнаго гнѣва папы, все будетъ ломаться, меньшиться, опадать, до совершенной пустыни, до непереносимаго голода.

Библиотека ИМЭЛ